

Е. В. ЧЕРНЕНКО

СКИФСКИЙ
ДОСТЕХ

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Е. В. ЧЕРНЕНКО

СКИФСКИЙ ДОСПЕХ

«НАУКОВА ДУМКА»

КИЕВ · 1968

В монографии впервые в археологической науке рассматривается комплекс скифского оборонительного вооружения. Разрабатывается типология различных его видов, освещаются вопросы производства и применения доспехов воинами древнего населения юга Европейской части СССР. Большое внимание уделено проблеме происхождения доспеха.

Книга рассчитана на историков, археологов, работников музеев, оружейников, преподавателей и студентов исторических факультетов вузов, а также всех, кто интересуется древней историей и проблемами военного дела.

Ответственный редактор
доктор исторических наук
А. И. ТЕРЕНОЖКИН

Обитавшие со второй половины VII по III в. до н. э. в степях Северного Причерноморья скифы были большей частью кочевниками. Основным их занятием было скотоводство, разведение крупного и мелкого рогатого скота, а также табунное коневодство. Главное богатство скифских общин, заключавшееся в скоте, было легко отчуждаемо, да и безопасность самих общин со стороны враждебных племен не была ничем гарантирована. Кочевники не имели, как это было у оседлых народов, обширных укрепленных поселений, за стенами которых они укрывались бы сами и могли укрыть стада в случае нападения.

Указанные причины и обусловили столь значительную роль военного дела у скифов. Особенно выразительно это заметно на ранних этапах скифской истории. Скифы могли существовать только имея мощную военную организацию. Без нее были немыслимы ни труд скотовода, ни сама его кочевая жизнь. К скифскому обществу полностью можно отнести известную характеристику условий существования древней общины, сделанную К. Марксом, согласно которой община в то время была организована по-военному как военная и войсковая организация, что являлось одним из условий ее существования в качестве собственности¹.

Свидетельства древних авторов об особой роли войны и военного дела у скифов находят удачное подтверждение в археологических памятниках — скифских курганах, где открыты целые арсеналы оружия. Это мечи, кинжалы, наконечники копий и дротиков, колчаные наборы с десятками и сотнями наконечников стрел, боевые топоры, наборы средств личной защиты воина — панцири, боевые пояса, шлемы, щиты, поножи и, наконец, снаряжение боевого коня.

Действительно, с того момента, как скифы выходят на арену всемирной истории, они становятся известными как воинственный народ, обладающий могучей военной организацией. Совершая из припонтийских степей далекие походы в страны Переднего Востока, они могли меряться силами с такими наиболее выдающимися в военном отношении государствами древнего мира, как Ассирия, Урарту и Мидия. Нанеся поражение великому Ахемениду Дарию Гистаспу, скифы вошли в историю со славой непобедимых. Тради-

¹ К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству.— ВДИ, 1940, № 1, стр. 11—12.

дия эта родилась неспроста. Скифы всегда были готовы к ведению не только оборонительных, но и наступательных войн. Их войсковая организация обеспечивалась всеобщей вооруженностью народа, когда каждый скиф, по словам «отца истории» Геродота, был вонном, конным стрелком.

Скифское оружие рано привлекло к себе внимание исследователей. Начало изучения скифских и сарматских мечей было положено М. И. Ростовцевым и В. Гинтерсом. Успешно исследовались различные категории скифского и савроматского оружия П. Д. Рау, Б. Н. Граковым, К. Ф. Смирновым, А. П. Манцевич, А. И. Мелюковой, В. А. Ильинской, Н. И. Соколыским и др. Большой интерес к скифскому оружию объясняется тем, что его изучение во многом помогает осветить не только вопросы военного дела у скифов и других народов Северного Причерноморья, характер их военной организации, состав и боевой порядок войска, приемы ведения боя, но и во многом углубить разработку таких важнейших исторических вопросов, как развитие экономики и общественного строя.

Значительным событием в скифоведении явилась публикация обобщающих трудов К. Ф. Смирнова и А. И. Мелюковой о савроматском и скифском оружии, работ, далеко продвинувших изучение вооружения, а вместе с тем и всего военного дела у древних народов юга Европейской части СССР.

Вполне закономерно, что в центре внимания исследователей оказалось прежде всего наступательное оружие: мечи, копья, стрелы и др. В настоящее время они изучены достаточно полно как в отношении морфологии и типологии, так и с точки зрения выяснения их боевых качеств.

Этого нельзя сказать о скифском доспехе, хотя исследователей интересовал и он. Довольно ценные и точные замечания о нем давали в своих трудах Л. Стефани, А. Лаппо-Данилевский, Н. Е. Бранденбург, Э. Э. Ленц и М. И. Ростовцев. Однако общее изучение отдельных видов защитных средств надолго задержалось в науке. Во многом это объясняется их худшей сохранностью в гробницах. Среди исследований, посвященных скифскому доспеху, заметно выделяются глубиной анализа лишь работы Б. З. Рабиновича о шлемах и А. П. Манцевич о боевых поясах. Принципиальное значение для нас имеют также уже упоминавшиеся труды о скифском и савроматском оружии А. И. Мелюковой и К. Ф. Смирнова. Из новых работ в этой отрасли следует отметить статьи Н. И. Соколыского о небольшой группе боспорских щитов и Л. К. Галаниной о поножах.

В результате недостаточной изученности комплекса защитного вооружения в целом, возник и получил распространение ряд ошибочных взглядов, согласно которым, например, считается, что металлические защитные средства у племен Северного Причерноморья не находили широкого применения или использовались только богатой знатью, аристократией. Неправильная оценка места защитного доспеха в составе скифской панοπлии привела к возникновению столь же ошибочной точки зрения на роль тяжелой конницы в составе войск Скифии и Северного Кавказа, на время и место

появления такой конницы в степях Евразии, на многие вопросы тактики ведения боя вообще и конного боя в частности.

Все это обусловило необходимость более глубокого изучения скифского оборонительного доспеха, чему и посвящена предлагаемая работа.

Комплекс скифского вооружения во многом самобытен и своеобразен. Будучи скифским по происхождению, он в основном един как у степных собственно скифских кочевых племен Северного Причерноморья, так и у оседлого земледельческого населения территории Украины.

Определенную роль в сложении комплекса скифского доспеха сыграло включение в его состав, начиная с V в. до н. э., ряда предметов античного происхождения.

Возможности изучения скифского вооружения решительно расширяются в связи с тем, что высокие боевые качества обеспечили ему широкое использование населением территорий, соседних со Скифией. Его изменения там носили лишь частный характер. Это было верно подмечено как К. Ф. Смирновым, так и А. И. Мелюковой.

Значительный интерес представляют материалы, характеризующие защитное вооружение народов степей Евразии, имевших культуру, близкую культуре скифского мира Причерноморья. Прежде всего это относится к вооружению савроматов и народов Северного Кавказа.

Основное внимание в настоящей работе уделено вопросам изготовления защитного оружия, разработке его типологии, выяснению развития различных типов, проблеме происхождения комплекса защитного вооружения в целом. Вопросы организации войска и скифской военной тактики должны стать предметом специального исследования и в настоящей работе не рассматриваются.

При написании работы автором были использованы материалы музейных собраний Киева, Москвы, Ленинграда, Полтавы, Кировограда, Днепропетровска, Запорожья, Одессы, Николаева, Херсона, научных архивов Института археологии АН УССР и АН СССР, а также Центрального музея артиллерии и инженерных войск Министерства обороны СССР. Во всех этих архивах хранятся ценные сведения о раскопках курганов, где были открыты различные предметы воинского снаряжения.

Исключительно важным источником для характеристики скифского защитного доспеха являются памятники изобразительного искусства — изображения скифских воинов на предметах античной торевтики и скифские антропоморфные стелы. Надежность и достоверность памятников искусства как важнейшего археологического источника неоднократно подтверждалась данными раскопок. Они использовались при характеристике отдельных видов защитного оружия многими авторами, но для выяснения особенностей всего комплекса этот источник ранее привлечен не был.

Большую ценность для изучения скифского оборонительного доспеха имеют свидетельства древних авторов, особенно Геродота и Ксенофонта.

Считаю своим долгом выразить признательность М. И. Артамонову, Б. Н. Гракову, И. П. Засецкой, В. А. Ильинской, Л. П. Крыловой, П. Д. Либерову, А. П. Манцевич, И. Д. Марченко, А. И. Мелоковой, А. И. Пузиковой, К. Ф. Смирнову, Э. А. Сымоновичу, А. И. Тереножкину, В. П. Шилову, Б. А. Шрамко за ценные советы, облегчившие автору работу над темой, а также за любезное разрешение использовать в этом исследовании имеющиеся у них материалы из неопубликованных раскопок. Особую благодарность хочется выразить сотрудникам скифской группы Отдела скифо-античной археологии Института археологии АН УССР.

Большая помощь была оказана автору научными сотрудниками музеев Киева, Москвы и Ленинграда М. А. Абрамовой, Л. К. Галаниной, О. Д. Ганиной, К. С. Горбуновой, И. И. Гузиной, Л. Н. Романюк, Л. Ф. Силангевой. Очень благодарен также М. Г. Агоранян за помощь, оказанную при организации фотографирования чертежей, вещественных и архивных материалов.

Одним из первых исследователей, чье внимание привлекли панцири, был Л. Стефани. Им описаны несколько доспехов из Боспора и Северного Кавказа и наряду с этим отмечены отдельные детали их устройства. А. Лаппо-Данилевский в работе, посвященной скифским древностям, также уделил некоторое внимание описанию панцирей. При этом он использовал материалы изобразительного искусства. Им же были сделаны интересные замечания относительно устройства доспехов этого рода, особенностей набора пластин и т. д.¹

Следует иметь в виду, что панцири и другие виды защитного вооружения, находившиеся в богатых могилах, во многих случаях были разрушены при ограблении гробниц еще в древности. Панцири же в могилах, которые миновала участь разграбления, нередко разрушались при раскопках неквалифицированными любителями древностей.

Большинство исследователей обходилось лишь беглым упоминанием факта находки панцирей в раскопанных ими гробницах или изображением их на общих планах погребений. Даже в тех случаях, когда удавалось найти целые доспехи, не были сделаны попытки их изучения. Показательна в этом случае история раскопок Солохи Н. И. Веселовским. Им не был сделан даже план этого замечательного погребения. Лишь на основании схематического рисунка, набросанного присутствовавшим при раскопках А. А. Бобринским, можно составить некоторое представление о расположении основного погребального инвентаря и о типе находящегося в могиле доспеха.

Выгодно отличается от современных ему исследователей Н. Е. Бранденбург, живо интересовавшийся вопросами, связанными с защитным вооружением скифского времени. На протяжении многих лет он проводил, к сожалению, не увенчавшиеся успехом, раскопки курганов с целью поиска ненарушенной могилы воина в полном панцирном доспехе. Ему удалось взять монолитом только часть панциря из кургана № 491 у с. Макеевка. Им же была сделана первая попытка восстановления внешнего вида панцирей². Н. Е. Бранденбург поддержал верное замечание А. А. Бобринского о связи многих ворварок, найденных вместе с панцирями, с доспехом³. А ведь

¹ А. Лаппо-Данилевский. Скифские древности. СПб., 1887.

² ЖРБ, стр. 133.

³ А. А. Бобринский. Отчет о раскопках, произведенных в 1903 г. в Чигиринском уезде Киевской губ.— ИАК, вып. 14. СПб., 1905, стр. 12; ЖРБ, стр. 134.

эта, казалась бы, несущественная деталь имеет важное значение для правильного понимания общих принципов устройства наборных панцирей.

Во время дореволюционных раскопок был накоплен большой материал для характеристики скифского панцирного доспеха. Он позволял решить многие частные вопросы устройства панцирей, а при более внимательном отношении к находкам и разработать их типологию. Однако за исключением небольшого раздела в работе Э. Э. Ленца, где высказано несколько соображений об устройстве панцирей¹, работ, специально посвященных этой важной категории скифской паноплии, создано не было, хотя еще М. И. Ростовцев указывал на необходимость специального изучения панцирного доспеха².

Отдельные частные моменты, связанные с устройством панцирей и их топологией, уже в послевоенное время затронуты в работах А. П. Манцевича³. Очень кратко описание панцирного доспеха сделано В. Д. Блаватским. Им же составлен список литературы, в которой опубликованы важнейшие находки панцирей в курганах Северного Причерноморья⁴.

Определенное место описанию панцирей, происходящих с территории Поволжья, отвел в работе о савроматском вооружении К. Ф. Смирнов. Он отмечает немногочисленность и довольно позднее появление этого вида доспеха у савроматов⁵.

Единственной обобщающей работой, в которой рассмотрены вопросы устройства панцирей, их распространение на территории Северного Причерноморья, верно решена проблема происхождения скифского панцирного доспеха, убедительно показана его связь с защитным вооружением переднеазиатских цивилизаций, является часть монографического труда А. И. Мелюковой о скифском вооружении⁶. Достаточно подробное же описание технических приемов, использовавшихся при изготовлении основы и частей набора панцирей, сделано Б. А. Шрамко⁷.

При раскопках курганов скифского времени, проводившихся советскими археологами, было обнаружено несколько панцирей. К сожалению, они найдены в ограбленных погребениях, где панцирные пластинки и отдельные, иногда довольно значительные, части доспехов были разбросаны на дне могилы и в ее заполнении. Особенно важные данные для выяснения отдельных

¹ Э. Э. Ленц. Заметки о предметах вооружения из раскопок близ Журовки, Киевской губ.— ИАК, вып. 14.

² М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Л., 1925, стр. 334.

³ А. П. Манцевич. Шейные уборы скифского периода.— КСИИМК, вып. 22. М., 1947; ее же. Гребень и фиала из кургана Солоха.— СА, XIII. М., 1950.

⁴ В. Д. Блаватский. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954, стр. 13—14.

⁵ К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов.— МИА, № 101. М., 1961, стр. 75.

⁶ А. И. Мелюкова. Вооружение скифов.— САИ, вып. Д1—4. М., 1964.

⁷ Б. А. Шрамко. Хозяйство лесостепных племен Восточной Европы в скифскую эпоху. Автореферат докторской диссертации. К., 1965.

деталей панцирного доспеха и частичной его реконструкции дали раскопки курганов IV—III вв. до н. э. у с. Старое под Киевом, у с. Кирово и близ г. Орджоникидзе в Никопольском районе (раскопки А. И. Тереножкина), а также в курганной группе Солохи (раскопки Б. Н. Гракова и А. И. Мелюковой). Исключительную ценность имеют для нас взятые монолитом части двух панцирей, найденных при этих работах (курган № 2 у с. Кирово и № 12 группы 22-й шахты близ Орджоникидзе). Монолитом был взят также уникальный по своей сохранности доспех из неграбленного погребения V в. до н. э. у с. Ново-Розановка Николаевской области¹.

Детальное изучение опубликованных данных о раскопках курганов, в которых были найдены панцири, сопоставление их с остатками панцирных наборов, хранящихся в музейных собраниях, позволило выявить некоторые ошибки исследователей, иногда описывавших остатки наборов боевых поясов и щитов в качестве панцирей и наборов.

Очень много для расширения наших представлений о распространении панцирного доспеха дала работа в архивах Ленинградского отделения Института археологии АН СССР и Института археологии АН УССР. В них удалось найти неопубликованные планы погребений, на которых изображены панцири, а также описания некоторых панцирных доспехов из раскопок В. В. Хвойки у сел Веремеевка и Шучинка, Г. Плескача на Полтавщине, П. Пиневица под Ждановом и раскопок Солохи, произведенных Н. И. Веселовским. Это позволило выяснить многие особенности внешнего вида панцирей и уточнить отдельные важные детали их устройства.

Достаточно полной сводки всех находок панцирей до недавнего времени не было. М. И. Ростовцев, описывая панцири, найденные в Скифии, упоминает лишь около десятка пунктов их находок². Почти все панцири савроматов, происходящие с территории Поволжья, описаны К. Ф. Смирновым³. Такая же работа проделана П. Д. Либеровым относительно территории Среднего Дона⁴. Довольно полная сводка панцирей (более 40), обнаруженных в основном при дореволюционных раскопках скифских памятников, содержится в работе М. Пардуца⁵.

В монографии А. И. Мелюковой отмечена находка 134 панцирных доспехов⁶. В нашей статье, посвященной этому виду вооружения, использованы данные о 184 панцирях⁷. В настоящее время на территории юга Евро-

¹ Любезное сообщение О. Г. Шапошниковой.

² АДЖ, стр. 335—336.

³ К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов, стр. 75.

⁴ П. Д. Либеров. Памятники скифского времени на Среднем Дону.— САИ, вып. Д1—31. М., 1965, стр. 17, 20—21.

⁵ M. Párducz. Graves from the scythian age at Ártánd.— Acta archaeologica Academiae scientiarum Hungaricae, v. 17. Budapest, 1965, стр. 194—199.

⁶ А. И. Мелюкова. Вооружение скифов, стр. 69.

⁷ Е. В. Черненко. Панцири скифского часу.— Археология, т. XVIII. К., 1965, стр. 78.

пейской части СССР известно более 200 находок целых панцирных доспехов или их остатков разной степени сохранности (рис. 1).

Положение панцирей в могилах в большинстве случаев установить нельзя ввиду сильной разрушенности погребений в результате ограбления. В тех случаях, когда удавалось это сделать, зафиксировано следующее местонахождение панциря в гробнице¹: 1) панцирь надет на погребенном; 2) положен рядом с ним; 3) повешен на бревнах перекрытия могилы или облицовки стен; 4) находится в отдельном помещении между стенами саркофага и гробницы, на каменной плите.

Кроме курганов панцирные пластинки найдены на некоторых лесостепных (Басовское, Люботинское, Бельское², Шарповское) и степных (Каменское) городищах. На территории античных городов Северного Причерноморья они обнаружены лишь в одном из домов Пантикапея, а на савроматских поселениях — в Тонкошкурвке. Остатки нескольких доспехов выявлены при раскопках помещений Кармир-Блуря.

Табл. 1 дает представление о постепенном увеличении численности панцирей с VI по IV—III вв. до н. э. Большинство их обнаружено в курганах IV—III вв. до н. э.

Таблица 1

Территориально-хронологическое распространение панцирей в Юго-Восточной части СССР

Территория	Погребения					Поселения	Общее количество
	VI в. до н. э.	V в. до н. э.	IV—III вв. до н. э.	неопределенные	всего		
Степная часть УССР и Крым	—	11	37	7	55	3	58
Лесостепное Правобережье	10	19	15	4	48	1	49
Лесостепное Левобережье	8	9	7	4	28	5	33
Средний Дон	—	5	14	—	19	—	19
Нижний Дон	—	5	4	3	12	—	12
Северный Кавказ	5	7	10	2	24	3	27
Поволжье	—	1	5	—	6	1	7
Всего	23	57	92	20	192	13	205

Для выяснения степени распространенности панцирного доспеха большое значение имело бы сопоставление количества курганов, относящихся

¹ Местонахождение доспехов в погребениях указано в приложении 1.

² Б. А. Шрамко. Исследования лесостепной полосы УССР. — Археологические исследования 1966 года. М., 1967; его же. Исследования памятников скифского времени в бассейнах Ворсклы, Сулы и Северского Донца. — Археологические открытия 1967 года. М., 1968, стр. 209.

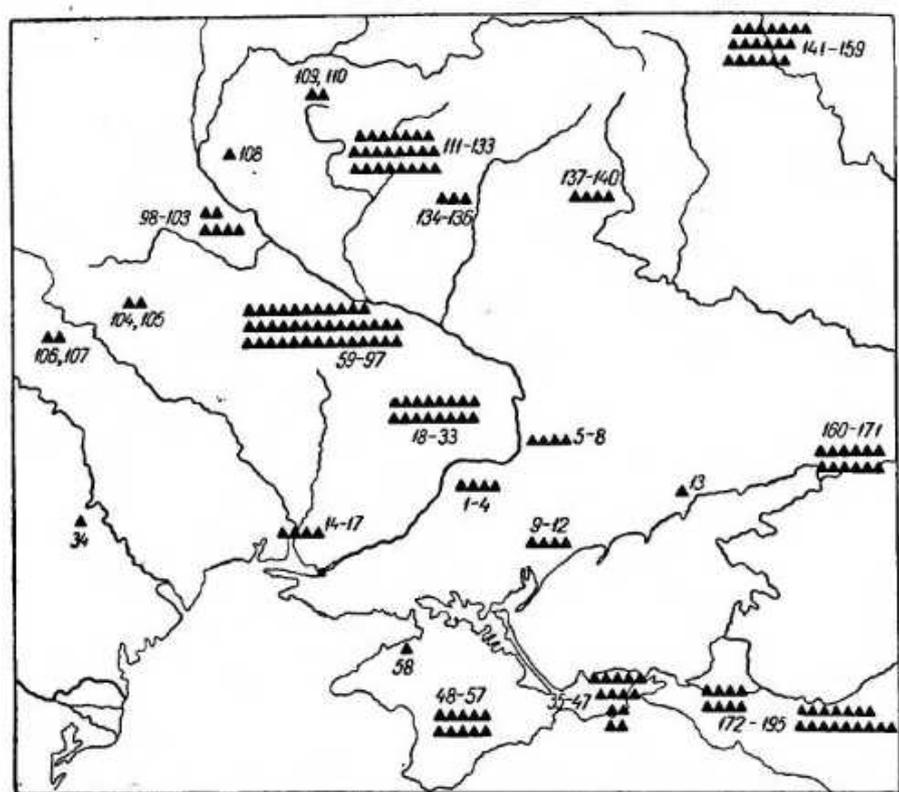

Рис. 1. Схема распространения панцирей.

1, 2 — Солоха; 3 — группа Солохи; 4 — Каменское городище; 6 — Днепрорудный; 6, 7 — Новогригорьевка; 8 — о. Кизилекий, поселение; 9 — курган у Огуза; 10 — Дева курган; 11 — Шульговка; 12 — Мелитопольский курган; 13 — Жданов; 14 — Новорозановка; 15 — Малая Ковырка; 16 — Аджигол; 17 — Дирлеки; 18 — Каменское (Днепродзержинск); 19 — Александрополь; 20 — Мирововка; 21 — Станица; 22 — Андреевка; 23 — Краснокутский курган; 24 — Большая Лепетуха; 25 — Цымбалка; 26 — Чмырев курган; 27 — Орджоникидзе; 28 — Кирово; 29 — Каменная могила; 30—32 — Кривой Рог; 33 — Медерово; 34 — Бубуй; 35—40 — Намфей; 41 — курган Патинистта; 42 — Керчь, курган 1838 г.; 43 — Керчь, Митрилат; 44 — Куль-Оба; 45 — Джур-Оба; 46 — Ленино; 47 — Астанино; 48 — гора Чубовского (поселение); 49 — Марьинское; 50, 51 — Фруктовое; 52 — Талевский курган; 53 — Симферополь; 54 — Дорт-Оба; 55 — Красный; 56 — Белогорск; 57 — Надежда; 58 — Каптановка (Кара-Меркит); 59 — Жаботин; 60 — Кошарка; 61 — Гончариха; 62 — Сахновка; 63 — Ходоров; 64 — Смела; 65 — Турья; 66 — Пальня; 67 — Малая Могила; 68 — Новосельцы; 69 — Гуляй-Город; 70 — Медвин; 71—78 — Журовка; 79—83 — Макеевка; 84 — Куцовка; 85 — Дарьевка; 86, 87 — Райгород; 88—90 — Михайловка; 91—94 — Пастырское; 95 — Бурты; 96 — Табурище; 97 — Шарповское городище; 98 — Маршалевка; 99 — Кошеватка; 100 — Николаевка; 101, 102 — Бобрица; 103 — Щуцкая; 104 — Ильинский курган; 105 — Ильинцы; 106 — Серватинцы; 107 — Новоселки; 108 — Старое; 109, 112 — Загоронка; 110 — Борана; 111 — Кулешовка; 113 — Дозовая; 114 — Лубны; 115—117 — Веремеевка; 118 — Басовское городище; 119 — Басовка; 120 — Плавинцы; 121 — Старшая Могила; 122—124 — Волковка; 125 — Шумейков курган; 126—129 — Аксютинцы; 130, 131 — Хитцы; 132 — Луки; 133 — Крыжовка; 134 — Буды (поселение); 135 — Войтовка; 136 — Ляхавка (сборы); 137 — Люботинское городище; 138 — Бельское городище; 139, 140 — Скоробор; 141—151 — Частые курганы; 152—155 — Мясгино; 156, 157 — Русская Тростянка; 158, 159 — Дуровка; 160—167 — Елизаветовская; 168 — Танаис; 169 — Недяговка; 170, 171 — Гусельниково; 172—174 — Семистратие курганы; 175—177 — Елизаветинская; 178 — Николаевская; 179—181 — Ахтанзовская; 182 — Буерова могила; 183 — Марьинская; 184 — Всяюриня гора; 185 — Большая Бляница; 186 — Костромской курган; 187—189 — Ульские курганы; 190 — Крымская; 191 — Усть-Лабинская; 192 — Папковский могильник; 193 — Вороневская; 194, 195 — Гойты.

к определенным территориальным районам и хронологическим периодам, в которых были найдены панцири, с общим количеством курганов, содержащих мужские погребения на этих же территориях. К сожалению, такие сводки сделаны только В. А. Ильинской для Посулья и П. Д. Либеровым для курганов скифского времени на Среднем Дону.

По данным, любезно представленным нам В. А. Ильинской, на Посулье в разное время было раскопано свыше 400 курганов, но о большинстве их мы не располагаем почти никакими сведениями. Активный фонд составляют лишь материалы, происходящие из 110 курганов. В 95 из них были обнаружены погребения мужчин-воинов. В этих курганах найдено 22 панциря. Таким образом, на территории Посулья на каждые четыре-пять мужских погребений приходится один панцирь.

Представляют интерес также сравнительные данные о количестве панцирей в курганах Посулья различных хронологических периодов. Если к VI в. до н. э. относятся 66 погребений воинов, в которых найдено пять панцирей (на каждые 13 погребений приходится один доспех), то в 29 погребениях V—III вв. до н. э. их уже 15. Большинство из них датируется V в. до н. э.

По подсчетам П. Д. Либерова, на Среднем Дону к настоящему времени раскопано 110 погребений. В них обнаружен 21 панцирь¹. Таким образом, и здесь один панцирь приходится приблизительно на пять погребений. Если же учесть, что определенная часть указанных 110 погребений женская, то это соотношение будет еще более высоким.

Детальное рассмотрение панцирей показало, что в большинстве случаев мы имеем дело в общем с единым видом защитного доспеха на всех территориях распространения скифообразных культур. Панцири, происходящие из различных, иногда довольно удаленных районов, имеют очень много общих черт. Различаются они лишь в некоторых второстепенных деталях. Это дало возможность наиболее многочисленную группу наборных пластинчатых доспехов рассматривать суммарно.

Ввиду большой разрушенности панцирей, обнаруженных в погребениях скифского времени, принадлежность основной части их к тому или иному виду выяснить невозможно. В тех случаях, когда это удавалось, разделение панцирей на определенные типы сделано на основании их изображений на предметах торевтики, стелах, рисунках доспехов на планах погребений или описаний в отчетах и публикациях.

Наиболее многочисленными были, очевидно, простые кожаные панцири. Кожаные панцири, усиленные металлом, составляют второй тип. Доспех этой группы делится на панцири, усиленные одной или двумя большими

пластинами, и панцири с пластинчатым набором, покрывавшим часть или весь доспех. Панцири типа кирас, состоявшие из двух сплошных пластин — нагрудной и наспинной, — относятся к третьему типу.

КОЖАНЫЕ ПАНЦИРИ

Кожаные панцири являются одним из древнейших видов защитного вооружения. Для их изготовления могла применяться кожа крупного рогатого скота, обработанная «сухим» способом. Эта кожа имеет большую твердость, плотность и прочность, хорошо сохраняет приданную ей форму. Именно из такой кожи на Древнем Востоке изготовлены щиты, колчаны, ею обтягивали передки боевых колесниц¹.

На территории Скифии сухой способ обработки кожи был хорошо известен. Б. А. Шрамко отмечает факт находки фрагмента кожи, обработанной этим способом, в одном из курганов у с. Волковцы.

По предположению Б. Н. Гракова, скифы в бою использовали вместо панциря (с металлическим набором. — Е. Ч.) кожаную безрукавку². Достаточно простая в изготовлении кожаная куртка, сделанная из толстой сырой кожи, могла служить некоторой защитой от стрел, несколько ослабить удар меча или копья. Кожа в курганах обычно сохраняется очень плохо, поэтому ничего определенного об устройстве панцирей этого типа сказать нельзя. Вероятно, некоторые скифы, изображенные на предметах торевтики, одеты в кожаные куртки-панцири³.

Кожаный панцирь изображен, очевидно, на стеле, обнаруженной Л. А. Моисеевым при раскопках скифского кургана у Черноморска (под Евпаторией)⁴. На воине надет кожаный доспех с большими оплечьями. В нижней части кожа панциря образует два ряда вертикальных складок. П. Н. Шульдц полагает, что они имитируют набор из крупных металлических пластин (рис. 2, 5). Однако нам это кажется маловероятным. Ведь точно так же выглядят складки на кожаном панцире спешенного воина солохско-го гробня.

По мнению Е. Придика, на одном из воинов, воспроизведенных на ритоне, приобретенном А. А. Бобринским в 1889 г. где-то на территории Северного Причерноморья, также изображен воин в кожаном панцире⁵. От

¹ И. М. Лурье. История техники Древнего Египта. — Очерки по истории техники Древнего Востока. М.—Л., 1940, стр. 218.

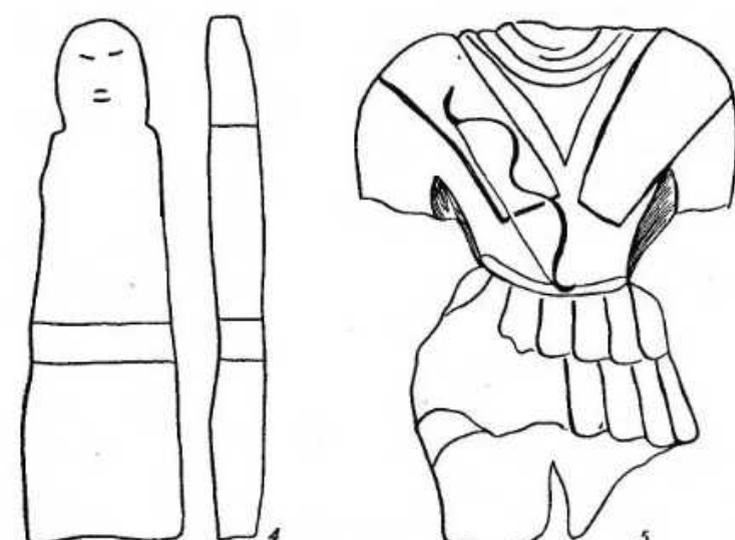
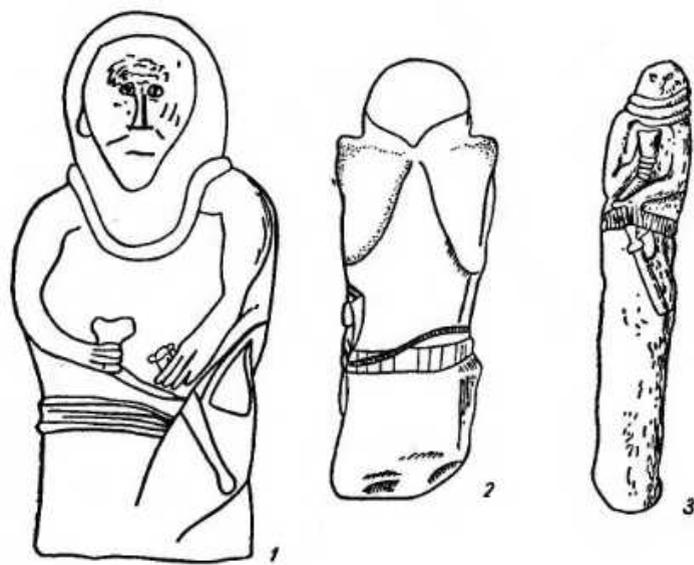
² Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре. — МИА, № 36, М., 1954, стр. 10.

³ Б. Н. Граков. Скифские погребения на Никопольском курганном поле. — МИА, № 115, М., 1962, стр. 91.

⁴ П. Н. Шульдц. Скифские изваяния Причерноморья. — Античное общество. М., 1967, стр. 192, рис. 8.

⁵ Е. Придик. Два серебряных ритона из коллекции Императорского Эрмитажа. — ЗООИД, т. XXX, Одесса, 1963, стр. 175, табл. IV; V, 3.

¹ П. Д. Либеров сообщает о находке 21 панциря (П. Д. Либеров. Памятники..., стр. 17). В нашей сводке их приведено 19. Некоторые остатки металлического набора, описанные П. Д. Либеровым как части панцирей, на наш взгляд, относятся к щитам.

изображения сохранилась лишь нижняя часть, на которой видны два ряда вертикальных складок, как и на панцире воина черноморской стелы.

Помимо кожаных, на Востоке широко применялись панцири, сделанные из льна¹. Плутарх отмечал, что Александр Македонский носил двойной льняной панцирь, взятый у персов².

Возможно, такие панцири использовали и племена, населявшие в скифское время территорию Северного Причерноморья.

КОЖАНЫЕ ПАНЦИРИ, УСИЛЕННЫЕ МЕТАЛЛОМ

Для удобства одевания панцирь иногда делали из двух частей — нагрудной и наспинной. Они соединялись между собой на плечах и боках. В кургане № 1g у Аджигола эти две части лежали отдельно³. Очевидно, из двух частей состоял и панцирь из кургана № 12 группы 22-й шахты у г. Орджоникидзе.

Большинство панцирей, вероятно, имело вид двубортной куртки. Верхняя пола заходила на нижнюю, закрывая ее и соединяясь с ней при помощи ремней на боку. Разрез в этом месте хорошо заметен на панцире конного воина солохского гребня, где параллельные ряды пластин прерваны вертикальным разрезом. Края его, вероятно, обшиты тесьмой, образующей валик. Подобным же образом в этом панцире обшиты и края оплечий.

В кургане № 2 у с. Кирово части набора рукава лежали на внутренней стороне пластин, защищавших спину (рис. 11, 4). Такое положение набора рукава можно объяснить только наличием вертикального разреза на боку. В местах соединений пол, вероятно, находились размещенные попарно металлические обоймы (одна из них сохранилась), сквозь которые проходили соединительные ремни (рис. 11, 2). На лицевой части пластин панциря из кургана № 491 у с. Макеевка сохранились остатки таких ремешков. Концы ремней оформлялись ворварками. Количество ворварок, найденных возле каждого панциря, обычно колеблется в пределах от двух до шести. Чаще всего оно четное.

Большинство ворварок сделано из бронзы. Бронзовые ворварки найдены вместе с панцирями в курганах № 2(5), 31 и 38 группы Частых курганов, у с. Гусельщиково, № 9 (74) группы Солохи, № 490, 491 у с. Макеевка, у с. Кошарка, № 396 у с. Журовка, № 12 группы 22-й шахты.

Железные ворварки встречаются редко. Они известны в курганах № 2 у с. Кирово, у с. Кулешовка, № 400 у с. Журовка. Железная ворварка из кургана № 9 (8) группы Частых курганов покрыта чешуей, имитирующей панцирный набор.

¹ Геродот, II, 182; Ксенофонт. Анабазис, VI, 4, 2.

² Плутарх. Александр, XXXII.

³ M. Ebert. Ausgrabungen auf dem Gute Maritzyn. Berlin, 1913, стр. 15.

Рис. 2. Изображения защитного вооружения на скифских стелах. 1 — собрание ХИАМ; 2 — собрание НКМ; 3 — собрание КИМ; 4 — курган у с. Демидов; 5 — курган у г. Черноморска.

Рис. 3. Бронзовая пластина из кургана № 493 у с. Ильинцы.

Костяные ворварки обнаружены только с тремя панцирями — в кургане № 11(16) у с. Мастогино, в раскопаном Е. Ф. Покровской кургане у с. Макеевка и в кургане Джурч-Оба на Керченском полуострове¹.

В. Г. Петренко высказала интересное предположение о возможном использовании для соединения частей доспеха не только ремешков, но и своеобразных пряжек, иногда выполненных в зверином стиле².

Панцири, усиленные металлическими пластинами. Крупный знаток военного дела эпохи эллинизма Ксенофонт как одно из основных требований

назвал необходимость надежной защиты верхней части груди и, прежде всего, шеи³. Для защиты этой наиболее уязвимой части корпуса воина верхняя часть кожного панциря получила дополнительное усиление в виде нашитых одной или двух металлических пластин.

Панцири с одной металлической пластиной, вероятно, имели вид кожаной рубашки с боковым разрезом для облегчения ее одевания. Пластина пришивалась в верхней части груди. На территории Северного Причерноморья сейчас известна только одна находка такой пластины, выполненной из золотистой бронзы. Она была обнаружена в 1901 г. Н. Е. Бранденбургом в кургане № 493 у с. Ильинцы рядом с кневидами⁴. Ее размеры 21 × 13,5 см. Пластина имеет округлую форму с дугообразным вырезом в верхней части (рис. 3). Край выреза слегка отогнуты наружу, образуя невысокий (до 0,5 см) бортик. Вдоль него расположены 13 отверстий диаметром 3—4 мм. В верхних углах пластины имеется по одному крупному отверстию. Ряд небольших отверстий идет вдоль нижнего края пластины. Для них через каждый сантиметр была сделана предварительная разметка. Мастер начал пробивать отверстия с правого конца пластины. Несколько первых из них совпали с разметкой, а остальные пробиты менее точно. Эти отверстия

служили для крепления пластины к панцирю посредством кожного шнурка.

Вероятность ношения рассматриваемой пластины на верхней части груди предполагал сам Н. Е. Бранденбург. В рукописном «Журнале археологических раскопок», на основании которого позднее был издан «Журнал раскопок», он писал: «В кургане была найдена бронзовая... бляха с дугообразным вырезом в верхней части, вероятно, для помещения шеи, почему предназначалась для ношения на верхней части груди (вроде нынешнего офицерского знака)»¹. Вряд ли можно согласиться с мнением тех исследователей, которые видели в этой пластине шейное украшение². Несомненно, она является частью кожного панциря.

Очевидно, к панцирю относятся также найденные рядом с пластиной шесть небольших бронзовых блях воронкообразной формы с небольшим круглым отверстием в центре (рис. 8, 17). Диаметр их 3,5 см. К панцирю они крепились с помощью заклепок с широкими шляпками. Вероятно, подобные бляхи широко использовались для украшения и защиты кожаной одежды. Ими расшиты одеяние пешего воина солохского гробня.

В Донецком областном краеведческом музее хранится стела скифавоина, найденная в с. Ольховчик Амвросиевского района Донецкой области (рис. 4). На воине надет кожаный панцирь, имеющий вдоль передней части разрез. По мнению А. Тахтая, на груди его изображены две круглые, вероятно, металлические пластины³. А. Тахтай считает, что такие же пластины изображены и на стеле из Терновки⁴.

Нам в Скифии не известны находки металлических пластин, которые можно было бы связать с панцирями этого вида. Исключением являются остатки панциря из каменной гробницы мавзолея Неаполя Скифского. Хотя эта находка хронологически выходит за круг вопросов, рассматриваемых в работе, считаем необходимым привести очень краткое ее описание, так как она дает полное представление о панцирях этого рода.

В ногах погребенного в полном беспорядке находились предметы вооружения — наконечники копий, меч, железный щем. Рядом лежали «железные фрагменты со следами позолоты, которые представляли, возможно, остатки нагрудника»⁵, и куски толстой кожи «от того же нагрудника».

¹ Н. Е. Бранденбург. Журнал археологических раскопок. — Научный архив Военно-исторического музея артиллерии и инженерных войск Министерства обороны СССР, ф. 30, д. 114, стр. 206.

² А. П. Манцевич. Шейные уборы скифского периода, стр. 73; Д. П. Димитров. Тракийската гробна находка от с. Дълбоки. — Разкопки и проучвания, т. IV, София, 1950, стр. 234.

³ О. К. Тахтай. Скифська статуя з с. Ольховчик Донецької області. — Археологія, т. XVII, К., 1964.

⁴ Н. Г. Елагина. Скифские антропоморфные стелы Николаевского музея. — СА, 1959, № 2, стр. 189, рис. 46.

⁵ Н. Н. Погребова. Погребения в мавзолее Неаполя Скифского. — МИА, № 96, М., 1961, стр. 120.

¹ Ю. Ю. Марти. Отчет о раскопках в Керченском районе в 1926 г. — Научный архив ЛО ИА АН СССР, № 170/1927, стр. 25.

² В. Г. Петренко. Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э. — САИ, вып. Д1—4, М., 1967, стр. 50.

³ Ксенофонт. О коннице, XII, 1—7.

⁴ ЖРБ, стр. 193—194.

Рис. 4. Стела из собрания Донецкого музея.

Панцирь представлял собой куртку без рукавов (а не нагрудник, как это писала Н. Н. Погребова), сделанную из толстой кожи (рис. 5, 8). В передней части он имел продольный разрез. На груди была нашита пара продолговатых железных позолоченных пластин. В центральной части каждой из них расположены два рельефных концентрических круга. По краю округлого выреза ворота была нашита состоявшая из двух половин узкая железная дуговидная пластинка, украшенная приклепанными к ней бронзовыми треугольными бляшками.

В литературе упоминается еще одна находка пластин, которые обычно связывают с панцирями. Это бронзовые пластины, ныне хранящиеся в Киевском историческом музее (КИМ). Они были найдены в кургане, раскопанном крестьянами¹. Г. Г. Павлуцкий посвятил им статью, где сделал попытку обосновать их назначение как панцирных пластин и датировал находку V в. до н. э.² Как панцирные пластины они изданы также в «Древностях При-

¹ ДП, вып. IV. К., 1907, стр. 10—11, табл. III.

² Г. Г. Павлуцкий. Предметы античного вооружения, найденные в Екатеринославском уезде. — АЛЮР, т. 3. К., 1903.

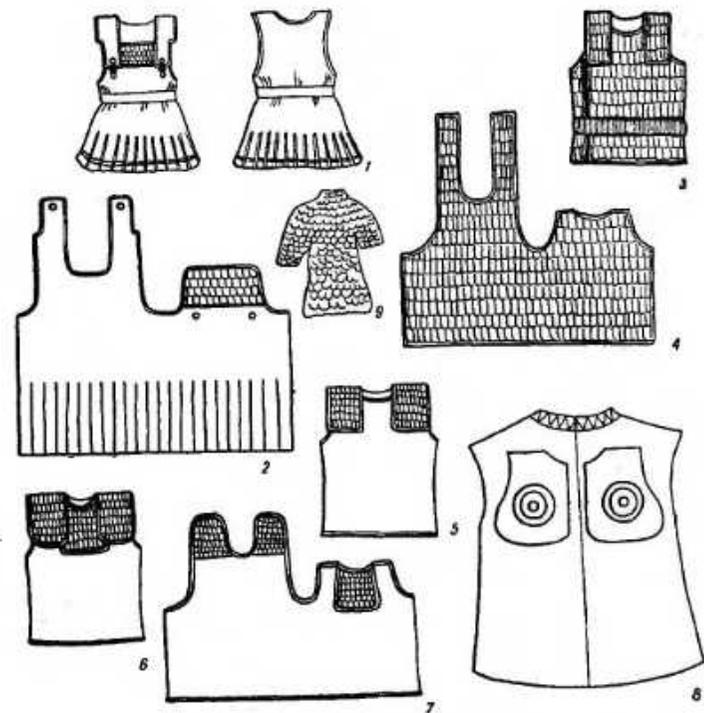

Рис. 5. Реконструкция панцирей.

1—4 — соловхский гребень; 5 — нимфеский курган; 6, 7 — Волковы; 8 — мавзолей Неаполя Скифского; 9 — Солоха.

днепровья». Однако более близкое знакомство с пластинами показывает, что они являются частями какого-то одного предмета¹ и не имеют ничего общего ни с панцирем, ни со щитом всадника, ни с металлическими накладками на щиты «беотийского типа»².

Как видим, кожаные панцири с крупными металлическими пластинами не получили большого распространения в Скифии.

Панцири с пластинчатым набором. Перед тем как перейти к описанию панцирей, частично или полностью покрытых металлическим чешуйчатым набором, рассмотрим некоторые общие вопросы, связанные с изготовлением и устройством доспехов этого рода.

¹ Е. В. Черненко. Шкіряні панцири скіфського часу. — Археологія, т. XVII, стр. 148—149.

² А. П. Манцевич. Бронзовые пластины из Прикубанья. — Исследования в честь на акад. Д. Дечев. София, 1959, стр. 462.

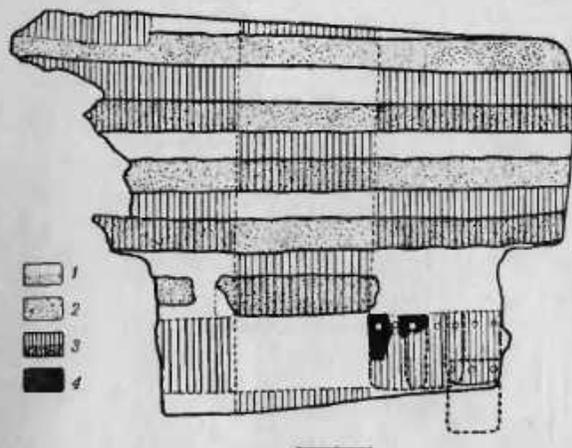

Рис. 6. Кожаная основа панциря из Днепро-дзержинска (Каменского).

1 — окислы бронзы; 2 — окислы железа; 3 — кожаные полоски; 4 — бронза.

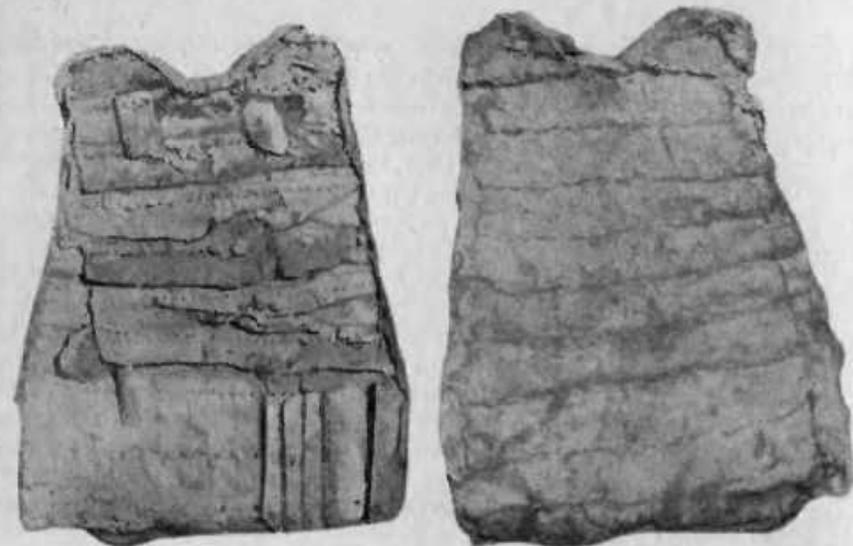

Рис. 7. Части панциря из волковецкого кургана.

Очень редко в качестве основы, на которой крепились части металлического набора, использовалась толстая материя. Нам известны остатки только трех панцирей с основой из ткани. Они были найдены в одном из курганов у с. Щучинка¹, в Каменной Могиле и кургане № 31 у с. Бобринца². Для основы абсолютного большинства панцирей использовалась кожа. Этот достаточно прочный материал мог выдержать значительный вес металлического набора.

Обычно пластины крепились непосредственно на основе. Для того чтобы панцирь не затруднял движений воина, она должна была быть достаточно эластичной. Этого можно было достичь двумя способами — использованием более тонкой кожи или улучшением качества ее выделки. Специальное исследование имеющихся фрагментов кожаной основы позволило Б. А. Шрамко сделать важные заключения о высоком качестве кожи, вырабатываемой мастерами скифского времени. Для панцирей применяли кожу крупного рогатого скота с верхней, спинной части — более прочную и плотную, чем идущую на колчаны и другие футляры. Кожа тщательно обрабатывалась растительными дубителями. Качество ее отвечало даже высоким требованиям современного стандарта³.

¹ Письмо В. В. Хвойки Н. Е. Бранденбургу. — Научный архив ИА АН УССР, ф. 2, д. 0-3, № 1106. В письме сообщается, что «его (панциря. — Е. Ч.) передняя часть была нашита на ткань».

² Не исключено, что в последнем случае автором публикации допущена ошибка. Ведь панцирные пластины из этого кургана побывали в огне, поэтому сохранившиеся на них фрагменты ткани вполне могут быть частями одежды, а не основы.

³ Б. А. Шрамко. Нові дані про господарство скифської епохи. — Вісник Харківського університету. Історична серія, вип. 1, № 17. Харків, 1966, стр. 80.

В КИМ хранятся фрагменты кожаной основы панциря (инв. № Б56-119), которые Б. Н. Граков ошибочно описал как подкладку под панцирь, имеющую вид «плетеной из узкого четырехгранного ремня рубашки»¹. Позднее по архивным материалам удалось установить, что фрагменты происходят из кургана, раскопанного в 1889 г. крестьянами у с. Каменское (ныне г. Днепро-дзержинск). Скорее всего, курган был ограблен еще в древности. Кроме костей и остатков панциря в подробном рассказе о раскопках никаких других находок не отмечено. В КИМ попала лишь небольшая часть доспеха — один большой и два меньших фрагмента, купленных В. В. Хвойкой у крестьянина Бойко, принимавшего участие в раскопках² (рис. 6). На хорошо обработанной кожаной основе в горизонтальном порядке были нашиты кожаные полоски шириной около 1 см. Интервал между ними достигал также 1 см. На этих полосках и крепились пластины набора.

Сходное устройство имела и основа нагрудной части панциря из кургана № 1 у с. Волковцы. На кожаной основе трапециевидной формы здесь были нашиты горизонтальные кожаные полоски шириной до 3 см (рис. 7).

Более сложным путем максимальной подвижности доспеха достигли мастера-оружейники, изготовившие панцирь, происходящий из кургана № 396 у с. Макеевка (рис. 8, 7). На кожаную основу здесь нашивались

¹ Б. М. Граков. Скифы. К., 1947, стр. 37.

² Письмо В. В. Хвойки Н. Е. Бранденбургу. — Научный архив ИА АН УССР, ф. 2, д. 0-3, № 1145.

кожаные пластины той же формы и размера, что и металлические. Сохранился лишь небольшой фрагмент кожаной основы с нашитыми на нее несколькими кожаными пластинами. Ни в одном случае поверх них не сохранились металлические пластины. Однако расположение металлических пластин поверх кожаных представляется бесспорным. Они, как и основа, пропитаны окислами бронзы, что возможно только в случае непосредственного расположения металла на коже. Наличие кожаной пластинки в наборе нельзя объяснить тем, что мастер, чинивший панцирь, заменил ею утраченную бронзовую чешуйку, которой у него не оказалось под рукой. Такое объяснение кажется необудительным. Кожаная пластина в данном случае закреплена на основе не только в верхней части (как закреплялись металлические), — отверстия разбросаны по всей ее поверхности. Да и сама замена одной или нескольких пластин в наборе возможна лишь в том случае, если сняты пластины на значительном участке. Проводя же ремонт панциря на большой площади, можно было расположить пластины так, что они закрывали бы место утерянной. И вообще утрата одной пластины не заметна, она не может ослабить защитные свойства доспеха. Ведь в любом участке панциря пластины обычно лежат в два-четыре слоя.

Части панцирного набора изготовлялись из железа, бронзы¹ и кости. Из учтенных нами панцирей, найденных в погребениях, 126 сделаны из желе-

Распределение панци

Территория	Общее количество	Железные				
		всего	V в. до н. э.	V в. до н. э.	IV—III вв. до н. э.	неопределенного времени
Степная часть УССР и Крым	55	31	—	6	23	2
Лесостепное Правобережье	48	32	6	16	8	2
Лесостепное Левобережье	28	22	7	8	3	4
Средний Дон	19	17	—	5	12	—
Нижний Дон	12	6	—	1	2	3
Северный Кавказ	24	12	2	5	4	1
Поволжье	6	6	—	1	5	—
Всего	192	126	15	42	57	12

за, 29—из бронзы, 24—из бронзы и железа. В шести случаях железные пластины обтянуты золотом. Лишь два панциря имели набор из костяных пластин (табл. 2).

¹ В данном случае можно учитывать только панцири, найденные в погребениях. Обнаруженные на поселениях отдельные панцирные пластины не могут быть использованы, так как доспехи иногда изготовлялись из разных металлов.

Таким образом, основным материалом для изготовления пластин было железо. Количество железных панцирей неуклонно растет в IV—III вв. до н. э. Характерно, что на это время приходится почти половина всех железных панцирей. Доспехи, изготовленные из бронзы, составляют лишь около 20%.

В двух погребениях IV—III вв. до н. э. на территории днепровской левобережной Лесостепи (курганы № 3 у с. Лозовая и № 2 у с. Волковицы) известны костяные панцирные пластины (рис. 8, 18, 19)¹. Одна костяная панцирная чешуйка найдена также на поселении IV в. до н. э. у с. Буды².

Внешнему виду панциря, отделке частей его набора уделяли большое внимание. О качестве обработки поверхности железных пластин, ввиду их значительного окисления, нельзя сказать ничего определенного. Поверхность же бронзовых пластин весьма тщательно отполирована. Это обстоятельство породило ошибочное мнение, что бронзовые наборные панцири, как и ряд других предметов вооружения скифского времени, были позолочены.

Ошибочность этого мнения в применении к наконечникам стрел отметил Б. Н. Граков, указавший, что светло-золотистый цвет бронзы, принимаемый иногда за позолоту, объясняется высоким содержанием в составе сплава цинка³.

Таблица 2

рей по материалу

всего	Железные и бронзовые				Плакированные		Бронзовые				Костяные	Неопределенные		
	V в. до н. э.	V в. до н. э.	IV—III вв. до н. э.	неопределенного времени	всего	IV—III вв. до н. э.	всего	V в. до н. э.	V в. до н. э.	IV—III вв. до н. э.			неопределенного времени	
9	—	2	6	1	3	—	3	10	—	2	4	4	—	2
4	2	2	—	—	—	—	—	11	2	1	7	1	—	1
1	1	—	—	—	—	—	—	3	—	1	2	—	—	—
—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—
4	—	3	1	—	—	—	2	2	—	1	1	—	—	—
6	3	—	2	1	1	1	—	3	—	1	2	—	—	2
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
24	6	7	9	2	6	1	5	29	2	6	16	5	2	5

¹ А. А. Спицын даже считал использование костяных панцирей одной из черт, характеризующих этот район в скифское время (А. А. Спицын. Курганы скифов-пахарей.— ИАК, вып. 65. Пг., 1918, стр. 122).

² Г. Т. Ковпаненко. Племена скифского часу на Ворскле. К., 1967, рис. 38, 9.

³ Б. Н. Граков. Техника изготовления металлических наконечников стрел у скифов и сарматов.— ТСА РАНИОН, т. V. М., 1930, стр. 79.

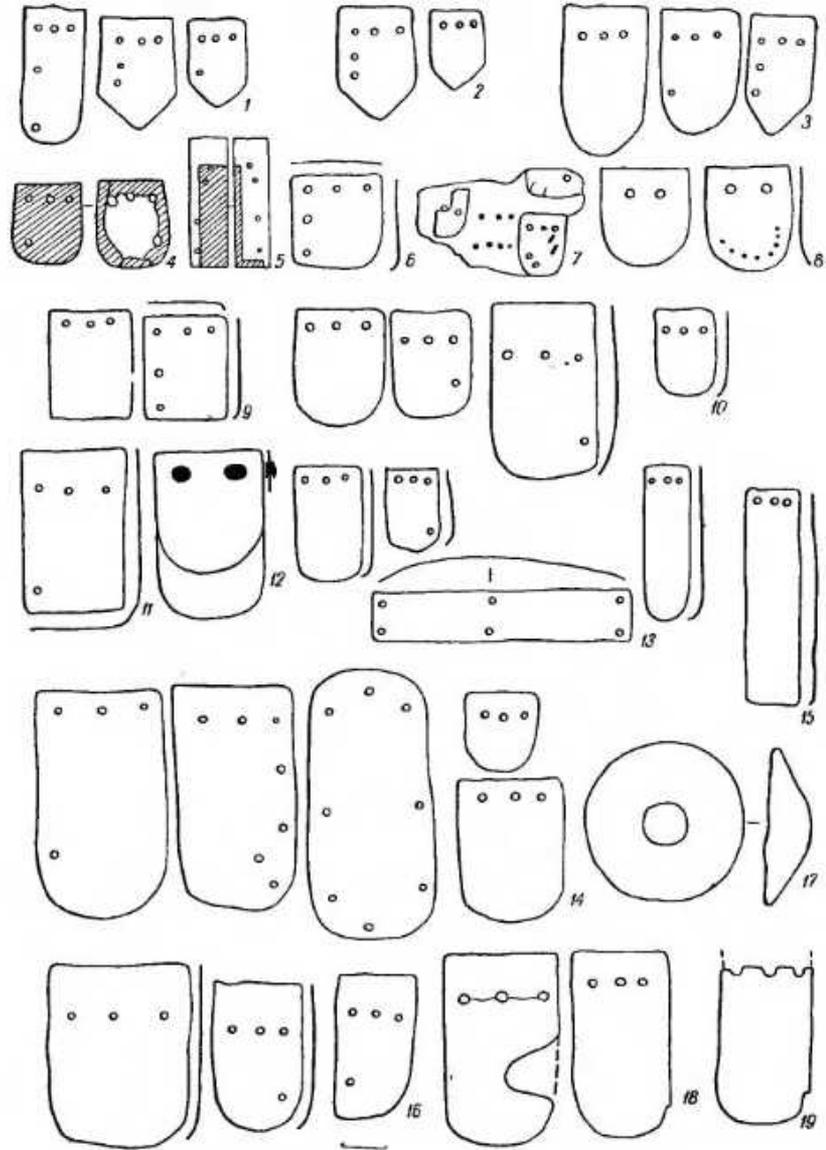

Рис. 8. Пластины панцирного набора.

1 — Старое, курган № 3; 2 — Шульговка; 3 — Бурты, курган № 2; 4 — Куль-Оба; 5 — второй Семibratний курган; 6 — Турня, курган № 511; 7 — Макеевка, курган № 396; 8 — Жаботин, курган № 524; 9 — Каштановка; 10 — Медерово; 11 — Каменная Могила; 12 — Актанисовский диман; 13 — Дуровка, курган № 9; 14 — Крячковка; 15 — группа Солохи; 16 — Старшая Могила; 17 — Ильинцы, курган № 493; 18 — Лозовая, курган № 3; 19 — Волковцы, курган № 1.

Пластины панцирного набора вырезались или вырубались из листа металла нужной толщины с помощью ножниц, зубила или штампа. Ножницами вырезались только бронзовые пластины. Иногда они вырезаны очень небрежно, даже без предварительной разметки. Среди десятков пластин наборов многих панцирей VI в. до н. э. часто нет двух более-менее одинаковых. На краях пластин заметны следы ножниц. Примером могут быть наборы панцирей из Старшей Могилы (рис. 8, 16) и кургана № 524 у Жаботина (рис. 8, 8). Железные пластины, как правило, вырубали с помощью зубила. На внутренней стороне их видны характерные закраины.

Для облегчения набора пластин на основе важно было стандартизовать их по форме и размеру. Поэтому на многих бронзовых и почти всех костяных пластинах видны прочерченные острием линии их будущего контура.

В 1964 г. на полу дома № 14 в Пантикапее, а также в одной из хозяйственных ям И. Д. Марченко и И. Б. Зеест были найдены бронзовые панцирные пластинки и уплощенная свинцовая плитка размером $12 \times 11 \times 3$ см¹. На поверхности последней сохранились отпечатки панцирных пластин. Поэтому плитка и была определена как своеобразная подушка, на которой вырубались части набора. Находки были отнесены авторами раскопок к концу VI в. до н. э.²

Благодаря любезности И. Д. Марченко, Б. А. Шрамко и автор этой работы имели возможность ознакомиться с указанными материалами. Кроме упомянутых находок представляет интерес найденная вместе с ними узкая бронзовая полоска, имеющая ширину, равную ширине панцирных пластин. Она использовалась как заготовка при изготовлении частей набора. Применение заготовок значительно облегчало производство чешуй — отпадала необходимость в обрезке или обрубке их с боков. Достаточно было только отрезать часть полоски, закруглить ее нижний край и пробить отверстия. Для последней операции и использовалась описанная выше свинцовая плитка.

Найденные вместе с другими материалами бракованные наконечники стрел датируют находку не VI, а V в. до н. э.

Отверстия на пластинах пробивались иногда после предварительной разметки, иногда без нее. Заранее были намечены места отверстий у описанной выше пластины из кургана у с. Ильинцы. На большинстве разных пластин одного и того же набора отверстия полностью совпадают. Без разметки пробиты отверстия на бронзовых частях набора панциря из Старшей Могилы (рис. 8, 16). Отверстия пробивались круглым пробойником. Острые

¹ И. Д. Марченко, И. Б. Зеест. Отчет о раскопках Пантикапея в 1964 г. — Научный архив Института археологии АН УССР, д. 1964/40, стр. 4—5.

² И. Д. Марченко. Раскопки архитектурных сооружений Пантикапея в 1963—1964 гг. — Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР. Баку, 1965, стр. 113.

Рис. 9. Панцирь из Дуровки.

рванные края их изнутри выравнивались ударами молотка. Отверстия на пластинах панцирного набора из кургана № 511 у Турии пробиты с помощью трубочки с острыми краями (рис. 8, 6). Пластина, очевидно, лежала на полужесткой свинцовой основе, поэтому края отверстий получились ровными, аккуратными.

В состав панцирного набора входило значительное количество чешуй. Число их зависело от типа и размера доспеха, а также от величины самих пластин. Количество находок их в погребении, кроме того, зависит от степени ограбленности последнего. В кургане, раскопанном в 1838 г. в Керчи Ашиком, найдено более 3,5 тыс. изделий этого рода. В сообщении о раскопках кургана № 400 у с. Журовка упоминается находка нескольких тысяч их; в кургане, раскопанном Е. Ф. Покровской у с. Макеевка¹, — около 600 (рис. 11, 7). Около 2,3 тыс. железных пластин от разрушенного грабителями панциря собрано П. Д. Либеровым в кургане № 9 у с. Дуровка Алексеевского района Белгородской области (рис. 8, 13; 9).

Очертания и размеры пластин не зависят от материала. По форме они

¹ Е. Ф. Покровская. Раскопки курганов V ст. до н. э. поблизу м. Шполи. — Археология, т. XI. К., 1957, стр. 150.

делятся на три основных типа¹. К первому относятся продолговатые пластины с прямоугольным или близким к прямоугольному верхним краем и округлым нижним. Из такого набора абсолютное большинство панцирей начиная с конца VII — начала VI в. до н. э. (курган № 524 у Жаботина) до III в. до н. э. (Александропольский курган). В частности, из таких пластин был набран доспех из кургана, раскопанного недавно А. И. Тереножкиным у с. Медерово на Кировоградщине (рис. 8, 10). Бронзовые пластины этого типа из курганов № 398 у с. Журовка (рис. 11, 6), а также костяные из Лозовой и Волковцев (рис. 8, 18, 19) отличаются от остальных наличием у одной из боковых сторон небольшого выреза.

У пластин второго типа верхний край имеет ту же форму, что и у описанных выше, а нижний заострен. Они известны по наборам панцирей из курганов у сел Шульговка (рис. 8, 2), Старое (рис. 8, 1), Бурты² (рис. 8, 3), у станицы Елизаветинской.

К третьему типу относятся прямоугольные продолговатые пластины из наборов панцирей, обнаруженных в курганах V—III вв. до н. э.: № 2 у с. Кирово, № 9(74) группы Солохи (рис. 8, 15), у с. Каштановка (бывший Кара-Меркит) в Крыму (рис. 8, 9), Каменной Могиле (рис. 8, 11) и втором Семибратнем кургане (рис. 8, 5). К нему может быть причислена также часть пластин из кургана № 12 у 22-й шахты близ г. Орджоникидзе на Никопольщине. Особенностью последних является срезанный верхний угол (рис. 10, 3).

Среди массы пластин первого типа из кургана у с. Крячковка на Полтавщине имеется одна чешуйка овальной формы с отверстиями, проходящими вдоль краев (рис. 8, 14). Такие пластины в других наборах не встречаются. Место ее в системе панцирного набора остается неясным.

Размеры пластин панцирных наборов чрезвычайно разнообразны. Э. Э. Ленц, исследовавший несколько панцирей из курганов у с. Журовка, установил, что они набраны из чешуй 17 размеров. Длина их меняется от 6,2 до 1,7 см, ширина — от 2,6 до 0,7 см. Даже пластины, имеющие одинаковую длину (2,2 см), бывают разной ширины (1,7; 1,2; 1 см)³.

Следует отметить, что самые большие пластины сделаны из железа. Крупнейшая из них происходит из кургана у с. Кирово. Ее размер 9,5 × 3 см (рис. 11, 3). Максимальные размеры бронзовых пластин 3 × 1,5 см, минимальные — 1,2 × 0,9 см (беспаспортные материалы КИМ).

¹ В данном случае имеются в виду только пластины, защищающие корпус воина. Пластины наборов рукавов и подола панцирей иногда имеют иную форму. О них речь будет идти ниже.

² Курган раскопан в 1967 г. на Кировоградщине Н. М. Бокий. Благодаря автору раскопок за разрешение использовать эти материалы.

³ Э. Э. Ленц. Заметки... стр. 55. Наверное, автор ошибся, приведя в примечаниях данные о размере пластин, которые имеют длину меньшую, чем ширину (3,2 × 4,2 см и 3,4 × 4 см). Во всех известных нам наборах это соотношение обратное.

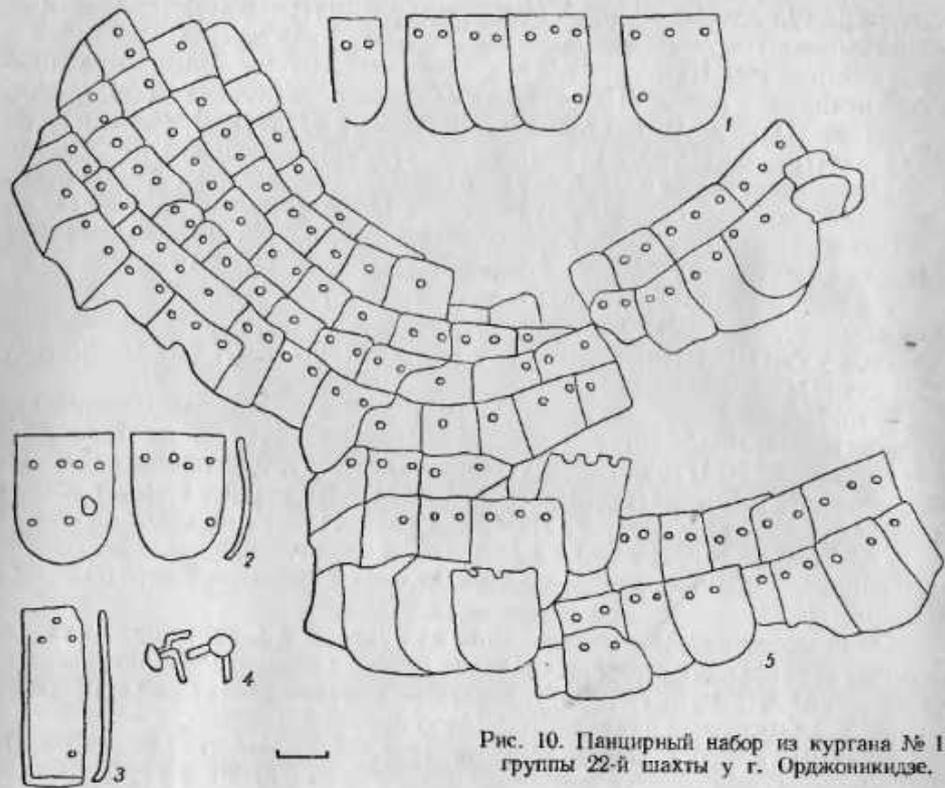

Рис. 10. Панцирный набор из кургана № 12 группы 22-й шахты у г. Орджоникидзе.

В состав набора одного панциря очень часто входили пластины разной величины. Это можно объяснить стремлением обеспечить максимальную подвижность частей доспеха на животе, пояснице, в плечевом и локтевом суставах. В панцире из кургана № 4 у станицы Елизаветинской верхняя часть была набрана из мелких чешуй, нижняя — из крупных.

Обычно пластины набора не орнаментированы. Лишь одна чешуйка из кургана № 524 у с. Жаботин имеет орнамент в виде дуги из рельефных точек, выбитых острием с обратной стороны изделия (рис. 8, 8).

Для крепления частей набора на кожаной основе, как правило, использовались тонкие кожаные ремешки или жилы¹ (рис. 11, 6, 7). Они прохо-

¹ В статье о панцирях скифского времени (Е. В. Черненко. Панцири скифского часу, стр. 90) автор с сомнением отнесся к достоверности факта находки в кургане, раскопан-

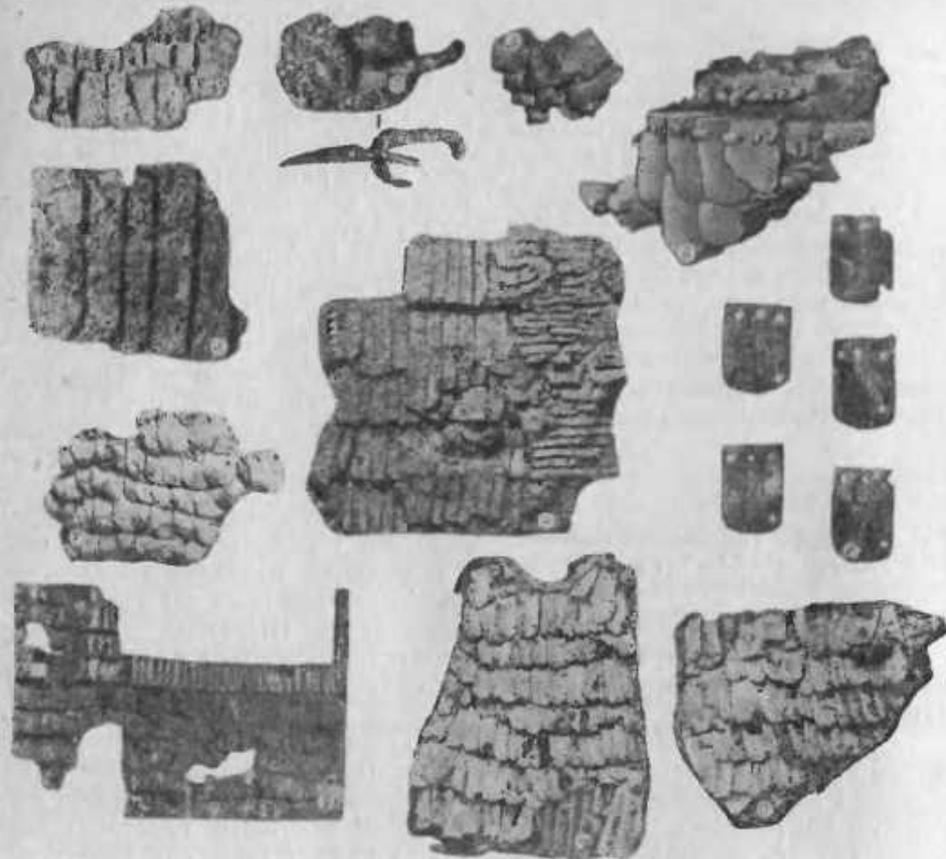

Рис. 11. Фрагменты панцирей.

1—4 — курган у с. Кипрово; 5 — Дуровка, курган № 9; 6 — Журовка, курган № 398; 7 — Макеевка; 8 — Гойты; 9 — Семибратний курган; 10—11 — Волковысы.

дили через основные отверстия, находящиеся в верхней части пластин. Количество последних колеблется от двух до четырех, очень редко доходит до шести, чаще же всего равняется трем. Иногда среднее отверстие находит-

ном А. Ашиком в Керчи в 1838 г., фрагментов панциря, в котором пластины набора крепились на основе с помощью небольших бронзовых заклепок. Знакомство с панцирными пластинами из кургана № 2, раскопанного в середине прошлого века у Ахтанизовского лимана (рис. 8, 12), показало, что такая система крепления применялась, но очень и очень редко. Среди многих десятков просмотренных нами панцирных пластин она была встречена только в упомянутом кургане. С помощью заклепок, по сообщению И. С. Каменецкого, соединены с основой беспаспортные пластины из Ростовского областного краеведческого музея.

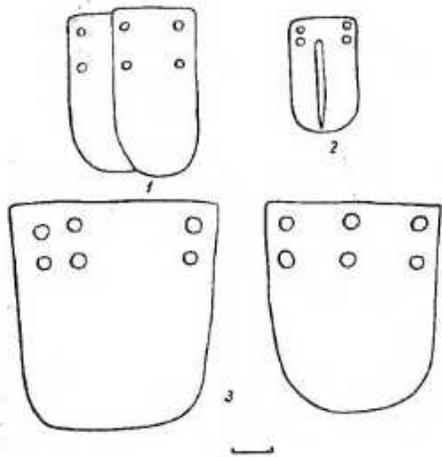

Рис. 12. Наборы савроматских панцирей. 1 — 15-й поселок; 2 — Zubov Хутор; 3 — Верхнее Погромное.

ся выше или ниже крайних, но в большинстве случаев они пробиты в один ряд. Исключением являются пластины наборов двух панцирей, обнаруженных на территории савроматского Поволжья. Они происходят из кургана № 1 у 15-го поселка¹ и из раскопанного В. П. Шиловым в 1961 г. кургана IV—III вв. до н. э. у с. Верхнее Погромное (рис. 12, 1, 3). Возможно, парное размещение отверстий характерно именно для панцирей савроматов. Интересно, что панцирные пластины из сарматского погребения у Зубова Хутора (рис. 12, 2) имеют аналогичное расположение отверстий². Правда, в этом случае мы, возможно, имеем дело не с собственно сарматским, а с римским панцирем. Ведь точно такие пластины были найдены И. Ядиным в Масаде (Израиль)³.

В большинстве случаев основные отверстия пробиты у самого верхнего края изделия. Очень редко они находятся значительно ниже, почти посредине пластины.

Основные отверстия было вполне достаточно для надежного крепления частей набора на основе. Свободно висящие пластины, закрепленные лишь в верхней части, обеспечивали воину, одетому в панцирь, максимально возможную подвижность. Но кроме основных на некоторых пластинах есть одно, реже два дополнительных отверстия в нижней части одного из боковых краев (рис. 11, 8). Использование их для крепления деталей могло привести к тому, что основа была бы покрыта «...сплошной неподвижной корой шитых между собой чешуй и была бы лишена всякой гибкости; кроме того, теряла бы свою упругость и пружинную силу»⁴.

Удачное объяснение назначения дополнительных отверстий было сделано еще в середине прошлого века. Цель их заключалась в том, чтобы «по-

мешать пластине подняться от удара мечом или каким-нибудь другим предметом»¹. Развивая эту мысль, А. Лаппо-Данилевский и Э. Э. Ленц справедливо отмечали, что система дополнительных отверстий использовалась лишь на рукавах или плечах доспеха. Использование пластин с дополнительными отверстиями объясняется тем, что при движении воина нижние части чешуй поднимались, отходя от основы, и острие оружия могло попасть под них². Кроме рукавов такие чешуи использовались на подоле панциря.

Нижний край многих пластин, а иногда и один из боковых краев, не перекрывавшийся соседней пластинкой, слегка загнут внутрь (рис. 11, 7). Панцирь, набранный из таких рельефных чешуек, выглядел более нарядным, чем доспех, в наборе которого использовались ровные детали. Однако следует отметить и то обстоятельство, что выгнутая пластина почти в два раза прочнее, чем ровная. Очевидно, это положение и обусловило применение таких пластин в составе набора большинства панцирей — лишь в немногих доспехах они ровные.

Части набора крепились на кожаной основе снизу вверх горизонтальными рядами. Это правило нарушалось очень редко. Лишь в двух случаях удалось проследить отступление от него. Так, нагрудная часть панциря из кургана № 7 группы Пять братьев состояла из пластин, образующих два концентрических круга³. В кургане № 12 группы 22-й шахты обнаружен фрагмент из восьми рядов железных панцирных пластин, расположенных полукругом. Очевидно, это та часть набора доспеха, которая защищала верх груди у шеи (рис. 10, 1, 5).

При наборе пластин применялись два принципа размещения их на основе — правый или левый (правый край одной пластины закрывает левый край соседней в первом случае или наоборот — во втором). В большинстве панцирей использовался только один принцип набора. Реже встречается сочетание обоих приемов. Панцирные пластины из второго Семибратнего кургана образуют ряды, из которых каждый нечетный набран слева направо, а четный — наоборот (рис. 13, 2). Интересен набор панциря, обнаруженного Л. П. Крыловой⁴ в кургане № 3 у Кривого Рога. Выделяется фрагмент, состоящий из четырех рядов крупных пластин. Первые два и четвертый ряды набраны слева направо, третий — справа налево (рис. 14). Железные детали набора панциря из кургана № 398 у с. Журовка набраны слева направо, а бронзовые — наоборот. Сочетание двух принципов применялось и при наборе панцирей из курганов № 401 у Журовки, № 23 группы Частых. Панцирь из четвертого (южного) кургана у станицы Елизаветин-

¹ К. Ф. Смирнов, В. Г. Петренко. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья. — САИ, вып. Д1—9. М., 1963, табл. 14, 32.

² Раскопка курганов на Зубовском хуторе. — ИАК, вып. 1. СПб., 1901, стр. 97—98; Е. Н. Мипс. Scythians and greeks. Cambridge, 1913, стр. 231, рис. 134; Л. Мацулевич. Бляхи-обереги сарматского панциря. — Сообщения Государственного Эрмитажа, вып. IV. Л., 1947, стр. 7, рис. 3.

³ Y. Yadin. Masada. Herod's Fortress and the Zealots' Last Stand. London, 1966, стр. 54, рис. на стр. 55 (нижний).

⁴ Э. Э. Ленц. Заметки..., стр. 57.

¹ ДБК, стр. 182.

² А. Лаппо-Данилевский. Указ. соч., стр. 94; Э. Э. Ленц. Заметки..., стр. 54.

³ В. П. Шилов. Раскопки Елизаветовского могильника в 1954—1958 гг. — ИРОМК. № 1(3). Ростов, 1959, стр. 22, рис. 2, 2.

⁴ Благодарю Л. П. Крылову за разрешение использовать в работе эти материалы.

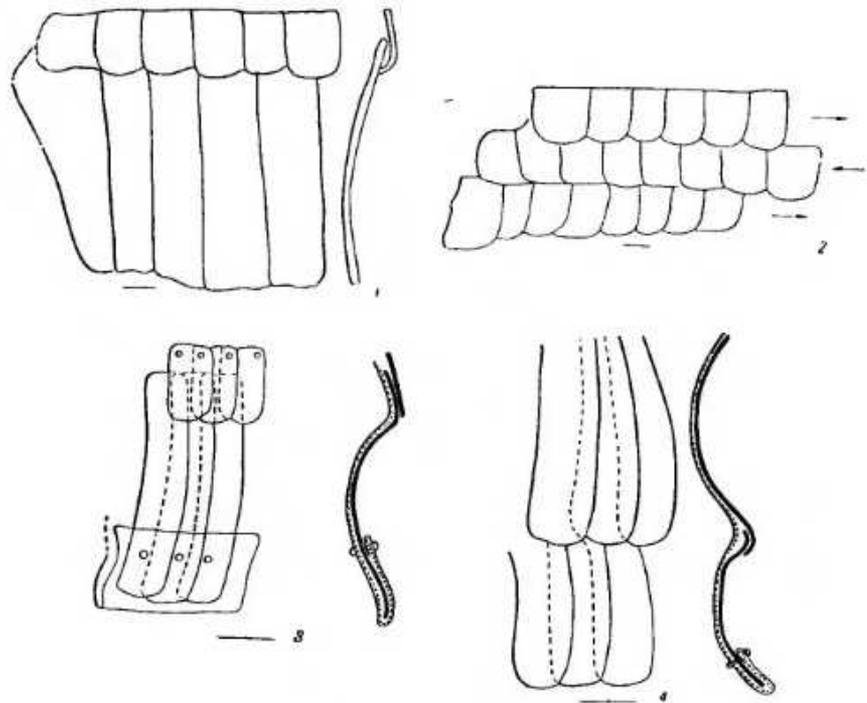

Рис. 13. Наборы панцирей.

1 — Крячковка; 2 — Семибратний курган; 3, 4 — Мелитопольский курган.

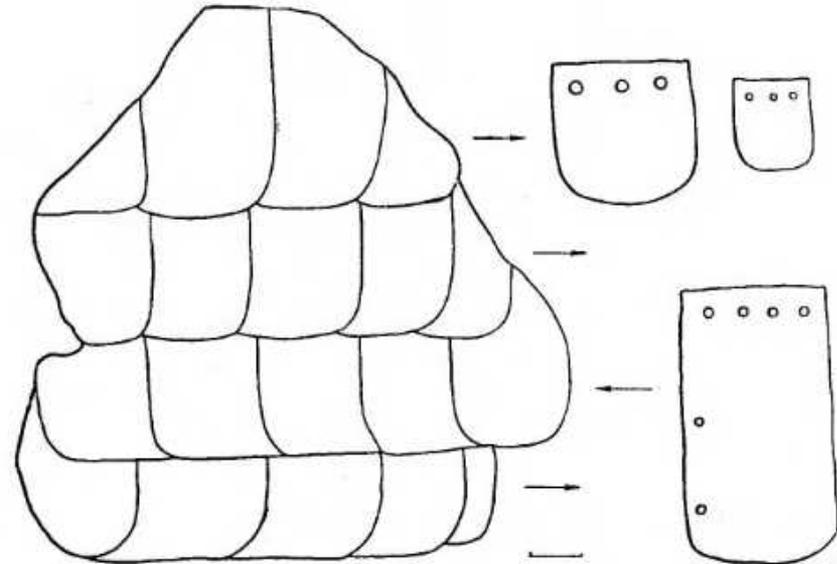

Рис. 14. Панцирные пластины из Кривого Рога.

К первому относятся массивные продолговатые пластины со слегка закругленными нижними углами. Они обычно больше по размеру, чем детали всего остального набора. Кроме основных, на них пробито одно-два дополнительных отверстия вдоль одного из краев. Размещение отверстий зависит от того, как набраны части набора — слева направо или наоборот. Пластины этого типа входят в состав набора доспехов из курганов № 491 у с. Макеевка, № 396, 401 у с. Журовка и многих других¹.

Пластины второго типа более узкие и длинные, чем описанные выше. Если детали первого типа, как правило, прямые, то эти сильно выгнуты дугой. Иногда они имеют S-образный профиль. Такие пластины, по мнению С. Н. Замятина, являются частью обрамления ворота². Однако с этой мыслью нельзя согласиться. Скорее всего, чешуи с подобным профилем находились на подоле панциря. В пользу этого свидетельствуют остатки панцирей из Мелитопольского и Крячковского (рис. 13, 1) курганов, кургана № 490 у Макеевки и ряда других³. Во всех случаях подобные пластины расположены ниже мелких и завершают ряды набора. На панцире из Мелитополь-

¹ Е. В. Черненко. Панцири скифского часу, стр. 91.

² С. Н. Замятин. Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежем. — СА, VIII. М., 1946, стр. 41.

³ Там же.

ской имеет своеобразный набор. На одном фрагменте видно расположение шести рядов. Два верхних набраны справа налево, третий — слева направо. Три нижние повторяют расположение верхних.

Иногда пластины каждого верхнего ряда несколько смещены в сторону относительно нижнего так, что верхняя деталь находится не непосредственно над нижней, а перекрывает стык между двумя чешуями нижнего ряда.

Детали верхнего ряда перекрывают нижние на половину-треть их высоты. Такой принцип набора, когда в каждом месте панциря металлическое покрытие образовывало слой из трех-четырех пластин, обеспечивал высокую степень надежности доспеха.

Чешуи, из которых набирался подол панциря, иногда имели иную форму, профиль и размер, чем остальные части набора. По форме их можно разделить на два типа.

ского кургана S-овидные чешуи образовывали один или два ряда набора (рис. 13, 3, 4). Они имеют большое сходство с деталями защитных боевых поясов.

Металлический набор рукавов состоял из чешуй разной формы и размера. Чаще всего они имеют ту же форму, что и набор остальной части доспеха и обычно отличаются от них лишь меньшими размерами.

Возможно, что небольшие чешуйки, которые входили в состав набора доспехов, где преобладают пластины большего размера, относятся к набору рукавов. Однако сильная разрушенность многих панцирей не позволяет в большинстве случаев выделить их из состава всего набора. Можно уверенно говорить, что из таких пластин были набраны рукава панциря из Кирова (рис. 11, 1, 4) и некоторых других¹.

Иную форму имеет набор рукавов панцирей из курганов № 9(74) группы Солохи, Мелитопольского, № 9 у с. Дуровка на Среднем Дону (рис. 8, 13) и кургана у с. Старое под Киевом. Они здесь изогнуты в дугу, узкие и длинные. Их максимальные размеры 8×1 см². На основе они крепились не вертикально, а горизонтально. Ряды плотно соединялись между собой. В панцире из кургана у с. Старое наиболее уязвимая часть набора — стык между рядами — был перекрыт дополнительным рядом меньших по размеру пластинок. Для защиты от травмирования острыми краями чешуй вдоль места соединения рядов набора снизу был нашит толстый слой кожи, а в панцире из кургана у с. Старое, кроме того, слой меха (рис. 15).

Рукава панциря из кургана у с. Дуровка набраны из изогнутых дугой узких железных пластин размером $5,7 \times 1,8$ см. Вдоль длинных краев их пробито по три отверстия — два по краям и одно посередине (рис. 8, 13)³.

Между рядами железного набора рукавов доспеха из кургана у Солохи, вероятно, в декоративных целях, поместили одну бронзовую пластинку.

Скорее всего, панцири, при изготовлении которых были использована подобная система набора, имели длинные рукава. Такой совершенный набор, который обеспечивал большую подвижность в локтевом суставе, известен только среди панцирей IV—III вв. до н. э.

Иное размещение длинных частей набора было использовано в панцире из Семибратнего кургана. Чешуи длиной около 15,5 см были размещены вдоль рукава. Очевидно, этот и подобные ему панцири имели короткие рукава. В противном случае длинные пластины сковывали бы движения рук (рис. 6, 1).

Сильная разрушенность большинства панцирей не позволяет уточнить способы соединения рукавов с остальным доспехом.

В состав набора многих панцирей входят пластины, изготовленные из

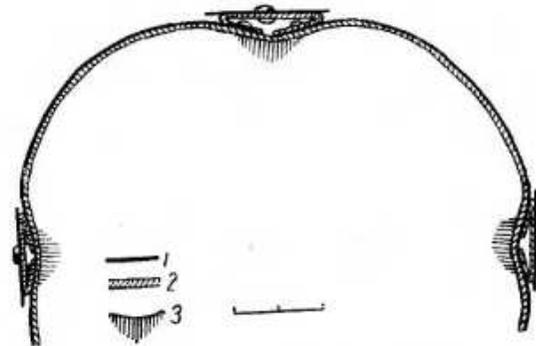
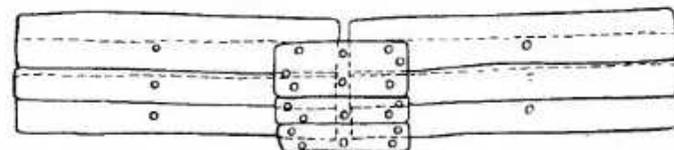

Рис. 15. Реконструкция набора рукавов доспеха из кургана у с. Старое.

1 — железо; 2 — кожаная основа; 3 — мех.

бронзы и железа. Чаще всего их взаимное расположение установить невозможно. По предположению Э. Э. Ленца, бронзовые пластины, входившие в состав набора железных доспехов, составляли «отдельные более или менее самостоятельные части брони в виде запястий, воротов»¹.

Нижняя часть панциря из Костромского кургана была набрана из бронзовых, верхняя — из железных пластин². Скорее всего, рукава или подол панциря из кургана № 12 группы 22-й шахты были набраны из бронзовых пластин. Железный панцирь из кургана № 5 у станции Елизаветовской имел плечья, набранные из бронзовых деталей³. В описанном выше панцире из Каменского (Днепродзержинск) был использован набор из железных и бронзовых пластин, размещенных в шахматном порядке. Такой прием, безусловно, преследовал декоративные цели.

Для придания панцирю более нарядного вида применялось также покрытие части набора золотом, помещение среди пластин набора отдельных золотых бляшек или украшение его изображениями, выполненными в зверином стиле.

¹ Е. В. Черненко. Панцири скифского часу, стр. 91.

² Там же.

³ Материалы не опубликованы. Сужу о них по рисункам, любезно предоставленным автором раскопок.

¹ Э. Э. Ленц. Заметки..., стр. 59.

² ОАК за 1897 г. СПб., 1900, стр. 13.

³ ОАК за 1909—1910 гг. СПб., 1913, стр. 145.

Прием плакировки — покрытие золотом бронзы или железа — в скифское время достиг высокой степени совершенства. Древние мастера умели делать листовое золото толщиной около 8 микрон и площадью до 200 кв. см¹.

Обтянутые золотом железные панцирные пластины найдены в шести курганах — Александрополе, Куль-Обе (рис. 8, 4), № 2 группы Частых, у с. Мاستюгино, втором Семибратнем (рис. 8, 5) и кургане Патиниотти².

Золотом покрывалась или вся пластина (Куль-Оба, Александрополь, курганы Патиниотти и № 2 группы Частых), или с целью экономии драгоценного металла, лишь та ее часть, которая не перекрывалась деталями, расположенными выше или рядом. Панцирные пластины из курганов у Мاستюгино и второго Семибратнего были покрыты золотом лишь на три четверти их поверхности (рис. 8, 5). На обратной стороне золотое покрытие плотно прижималось к железу. А. И. Мелюкова справедливо считает, что из плакированных чешуй набирали лишь переднюю часть панцирей³. В состав панцирного набора второго Семибратнего кургана кроме пластин, покрытых золотом, входили простые железные той же формы и размера. Сохранился большой фрагмент набора, в котором золотом покрыты только чешуи верхних рядов (рис. 1, 9). Скорее всего, из них была набрана даже не вся передняя, а лишь верхняя нагрудная часть доспеха.

Покрытие золотом железных и тщательная полировка бронзовых пластин преследовали не только декоративные цели. «Блеск оружия вызывает у врага особый ужас», — отмечал военный теоретик древнего Рима Вегеций⁴. Панцири с плакированным набором могли быть и знаком отличия крупного военачальника. В битве при Эрифрах Масистий был одет в доспех, состоящий из золотых чешуй⁵.

В ограбленном погребении кургана № 12 группы 22-й шахты была найдена небольшая золотая полусферическая бляшка-пуговка (рис. 10, 4). Вероятно, она украшала панцирь и крепилась на пластинах с помощью двух золотых усиков. На нескольких фрагментах набора этого панциря имеются сквозные отверстия, проходящие через две-три пластины (рис. 10, 2). Длина незагнутой части усиков точно соответствует толщине блока из двух-трех пластин. Систему взаимного расположения этих пуговок на панцире установить невозможно ввиду сильной разрушенности доспеха при ограблении. Саму эту разрушенность можно объяснить тем, что грабители срывали с панциря золотые украшения.

¹ С. И. Руденко. Культура населения горного Алтая в скифское время. М.—Л., 1953, стр. 251.

² В. В. Латышев. К истории археологических исследований в Южной России.— ЗООИД, т. XV. Одесса, 1889, стр. 79, 82; М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 93, 382.

³ А. И. Мелюкова. Вооружение скифов, стр. 71.

⁴ ВДИ, 1940, № 1, стр. 280.

⁵ Геродот, IX, 22.

Подобные же отверстия в средней части пластин имеются на пластинах набора еще нескольких панцирей. К числу их относятся доспехи из ранних комплексов конца VII — начала VI—V вв. до н. э. (курган № 524 у с. Жаботин, погребение близ с. Артанд в Венгрии¹, курган у Нимфея). Примечательно, что аналогичным же образом — через отверстия, пробитые сквозь несколько пластин, — крепились бляхи с украшениями на панцирях сарматского времени².

А. И. Мелюкова обратила внимание на тот факт, что некоторые панцири украшались бляшками в зверином стиле. Не случайны, по ее мнению, и находки вместе с панцирями изображений в виде головок льва и лосихи в курганах № 400 и 401 у с. Журовка³. На плече каменной фигуры воина, одетого в панцирь (собрание Краснодарского музея)⁴, изображена бляха в виде головы грифона (рис. 16), а на груди имеется нечеткое изображение оленя в «летучем галопе»⁵. Возможно, панцирными украшениями этого рода являлись также утраченная ныне золотая пластина «величиной с ладонь в виде оленя» из кургана, хищнически раскопанного у с. Табурище⁶, и олень из Куль-Обы, найденные в комплексах с панцирными пластинами. Панцирь из кургана, хищнически раскопанного в 1868 г. в некрополе Нимфея⁷, имел нагрудное украшение в виде массивной литой головы лося⁸.

Рис. 16. Стела из собрания Краснодарского музея.

¹ М. Parduz. Указ. соч., табл. XI, 7.

² Л. Мацулевич. Указ. соч., стр. 6—7.

³ А. И. Мелюкова. Вооружение скифов, стр. 72.

⁴ А. А. Миллер. Новый источник к изучению связи Скифии с Кавказом.— ИРАИМК, т. IV. Л., 1925, стр. 109, рис. 9, 10.

⁵ П. Н. Шульц. Скифские изваяния..., стр. 232.

⁶ ИАК, вып. 65, стр. 163—164.

⁷ А. Л. [Юденко]. Раскопки в курганах, находящихся на предполагаемой местности древней Нимфеи.— Древности. Труды Московского археологического общества, т. II. М., 1870, стр. 54—55.

⁸ J. A. H. Potratz. Die Skythen in Südrussland. Basel, 1963, табл. 77.

Бронзовой пластиной в виде головы Медузы был украшен панцирь из четвертого Семибратнего кургана. Золотая трехлучевая звезда находилась вместе с панцирем в кургане № 2 у станицы Елизаветинской¹.

Обращает на себя внимание определенный выбор сюжетов, использовавшихся для украшений доспехов — голова Медузы, лев, грифон, олень.

В состав инвентаря второго Семибратнего кургана входит тонкая серебряная, кое-где обложенная золотом, пластина, изображающая оленюху с олененком и орла, нападающего на зайца². По мнению И. Толстого, Н. Кондакова и М. И. Артамонова, эта пластина украшала нагрудную часть панциря³. Скорее всего, видимо, это не так. Сделанная из тонкого серебра большая хрупкая пластина, укрепленная на подвижной поверхности панциря, неминуемо была бы разрушена. Вероятно, права А. П. Манцевич, которая считает, что пластина украшала не панцирь, а налучье⁴.

Первая и, пожалуй, единственная попытка полной реконструкции панциря была сделана Н. Е. Бранденбургом на основании остатков панциря из кургана № 491 у с. Макеевка. Разборка монолита была произведена реставраторами Артиллерийского музея. Вот как описывает свою находку в письме к В. В. Хвойке Н. Е. Бранденбург: «Панцирь... был найден на скелете, но, к сожалению, уже разбитый и в беспорядке, так как верхняя половина скелета, видимо, была потревожена и частью раскидана грабителями новейшего времени. Теперь одна только надежда, не удастся ли подобрать разбросанные куски и восстановить первоначальную форму панциря, основываясь на некоторых довольно больших кусках его, сохранившихся, по-видимому, свое прежнее нахождение, но удастся ли это — не знаю»⁵.

Реставрированный в мастерской на основании сохранившихся фрагментов панцирь имеет вид короткой безрукавной рубахи⁶ с глубоким вырезом на груди и спине (рис. 17). Доспех доходил до низа живота⁷.

Верность такой реконструкции вызывает сомнение. Бесспорно только отсутствие у доспеха рукавов. Судя по фотографии монолита, верхняя часть панциря была полностью разрушена. Его состояние вряд ли позволяло восстановить первоначальное положение отдельных фрагментов. Кроме того, панцири такой формы не известны нам ни по изображениям, ни по рисункам сохранившихся в могилах панцирей, ни по описанию находок.

Неудачной нам представляется также попытка графической рекон-

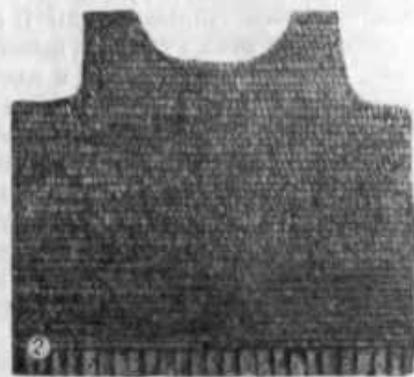

Рис. 17. Панцирь из кургана у с. Макеевка.
1 — монолит; 2 — реконструкция Н. Е. Бранденбурга.

струкции панциря IV—III вв. до н. э. из городища Чирик-Рабат в Средней Азии, предложенная С. П. Толстовым¹.

Доспех с пластинчатым набором можно разделить на несколько видов: панцири-нагрудники, панцири с длинными рукавами, панцири с оплечьем. Последние в свою очередь имеют две разновидности — с рукавами и без них.

Нагрудники. Представление об этом виде наборных панцирей дает рисунок доспеха, найденного в кургане № 2 у с. Щучинка, раскопанном В. В. Хвойкой в 1901 г. Панцирь имел вид рубашки с едва намеченными рукавами и невысоким воротом (рис. 18, 2). Он был коротким и его удачно дополнил широкий защитный боевой пояс, набранный из железных пластин². В письме Н. Е. Бранденбургу, написанном в первой половине января 1902 г. (вскоре после раскопок кургана), В. В. Хвойка пишет, что панцирь «...так и лежал, как изображено на рисунке, — сзади не было ничего, и только передняя часть была, по-видимому, нашита на материю (курсив наш — Е. Ч.)»³.

Судя по рисункам, помещенным в альбомах В. В. Хвойки, и его отчетам о раскопках у с. Веремеевки, в курганах № 1 и 3 были обнаружены панцири, аналогичные щучинскому (рис. 19). Возможно, и у них металлическим набо-

¹ Н. И. Веселовский. Нагрудник с изображением головы Медузы. — ИАК, вып. 65, стр. 2, дополнительный рисунок.

² ОАК за 1876 г. СПб., 1879, стр. 120; Атлас к ОАК за 1876 г., табл. IV, 1—3.

³ И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. 1—3. СПб., 1889, стр. 127; М. И. Артамонов. Сокровища скифских курганов. Прага—Ленинград, 1966, табл. 113.

⁴ А. П. Манцевич. Шейные уборы скифского периода, стр. 71.

⁵ Научный архив ИА АН УССР, ф. 2, д. 0-3, № 98.

⁶ ЖРБ, стр. 133.

⁷ АДЖ, стр. 330, рис. 63, 64.

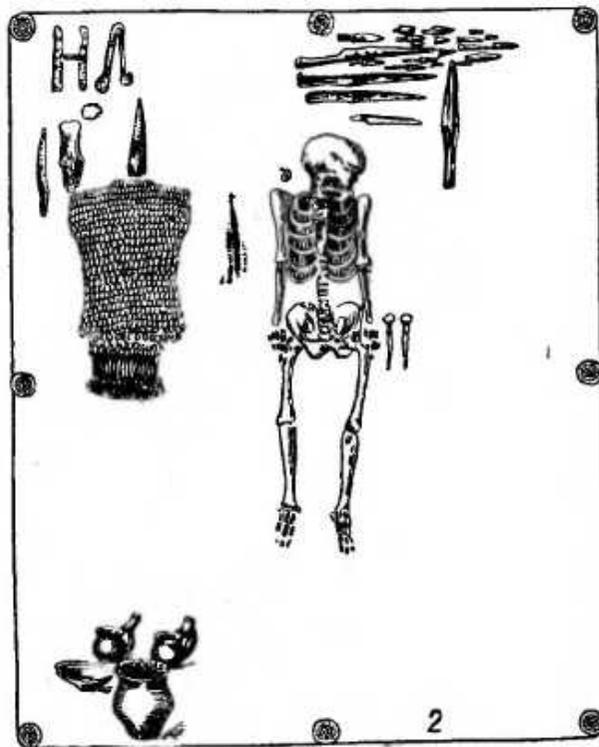
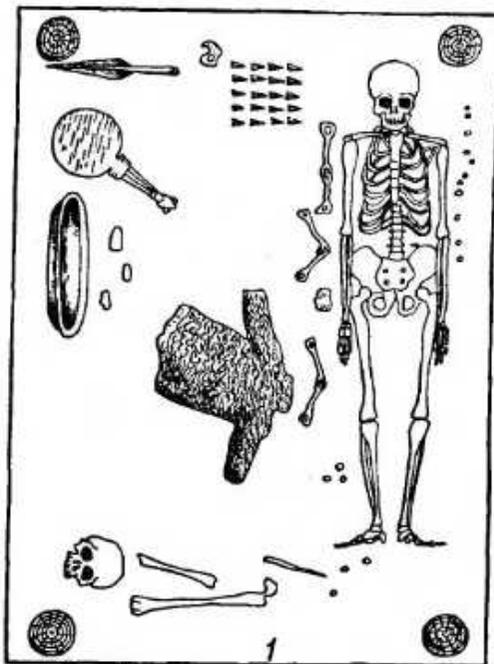
¹ С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, стр. 42, рис. 82.

² Е. В. Черненко. Скифські бойові пояси. — Археологія, т. XVI. К., 1964, стр. 37, рис. 6, 8, 9.

³ Научный архив ИА АН УССР, ф. 2, д. 0-3, № 1106.

Рис. 18. Планы погребений.

1 — Гуляй-Город, курган № 38;
2 — Щучинка, курган № 2

этого типа дает план погребения в кургане № 38 у Гуляй-Города (рис. 18, 1). Панцирь имел вид рубашки с длинными рукавами и невысоким воротом¹. Точно такой же доспех изображен на схематическом плане основного погребения в кургане Солоха, сделанном рукой А. А. Бобринского (рис. 5, 9). В такой панцирь одет также воин из кургана № 3 в ур. Стайкин Верх у с. Аксютинцы². Панцирь, имеющий эту форму, был найден и в Старшій Могиле³.

В 1927 г. П. М. Пиневицем в кургане № 6 на окраине г. Жданова было обнаружено погребение V в. до н. э. Как отмечал автор раскопок, костяк был «сплошь покрыт железным покровом от шеи до середины голеней». Панцирь имел длинные рукава⁴.

Остатки панциря с длинными рукавами были обнаружены в кургане № 2 у с. Кирово. Он

был набран из крупных массивных пластин, а его рукава — из мелких⁵. Панцири с длинными рукавами найдены также при раскопках Мелитопольского кургана, курганов № 3 у с. Старое под Киевом, № 9 у с. Дуровка, № 9(74) в группе Солохи. На боку они, вероятно, имели разрез, облегчающий одевание доспеха.

Очевидно, этот тип панцирей получил широкое распространение в скифское время начиная еще с конца VI в. до н. э. и особенно в IV—III вв. до н. э. Не исключено, что в такие же панцири одеты воины, изображенные на золотой пластине из Гермесова кургана (рис. 20).

¹ Смела, I. СПб., 1887, стр. 100—102.

² МРЗ, стр. 103.

³ В. А. Ильинская. Скифы днепровского лесостепного Левобережья. К., 1968, рис. 13.

⁴ Е. В. Черненко. Скифські кургани V ст. до н. е. під м. Ждановом.— Археологія, т. XXIII (в печати).

⁵ Е. В. Черненко. Скифские курганы на Никопольщине.— ЗОАО, т. II (35). Одесса, 1967, стр. 182, рис. 2.

ром была покрыта только грудь. В отчете о раскопках этих курганов имеется указание, что местные жители в одном из курганов похитили «находившийся на груди покойника бронзовый панцирь»¹.

Очевидно, такие же панцири обнаружены и в ряде других погребений. В кургане № 486 у Макеевки на груди и животе погребенного было найдено немного остатков железного пластинчатого панциря². А. Люценко также отмечает находку в 1872 г. в одной из гробниц на склонах горы Митридат (Керчь) «обломков нагрудника»³. Правда, в последнем случае неясно, о каком нагруднике идет речь: о наборном или о кирасе. В кургане № 1 у с. Волковцы, по сообщению исследователя, был найден «бронзовый чешуйчатый нагрудник». Безусловно, металлическим набором была покрыта только нагрудная часть и панциря из кургана № 490 у с. Макеевка. Нижний край его обшит одним рядом узких изогнутых дугой пластин. На спине доспеха металлического набора не было.

Находка панцирного нагрудника отмечается в кургане № 31 у с. Бобрница⁴. Однако вряд ли есть достаточные основания для столь категоричного суждения. Пластинки панциря здесь побывали в огне и даже предположительно говорить о принадлежности их к определенному виду доспеха нельзя.

Вероятно, нагрудники не имели широкого распространения в древности. Чаще применялись доспехи, защищавшие грудь и спину. В представлении древних авторов, панцирь должен был защищать весь корпус воина. Не случайно Геродот, описывая систему обороны Вавилона, отмечает, что «стена эта, как панцирь, обнимает город»⁵.

Панцири с длинными рукавами. Представление о внешнем виде доспеха

¹ И. А. Линниченко. О новейших раскопках г. Хвойка. — 300ИД, т. XXIII, Протоколы. Одесса, 1901, стр. 73.

² ЖРБ, стр. 130—131.

³ ОАК за 1872 г. СПб., 1875, стр. XVI.

⁴ Смела, III. СПб., 1901, стр. 73.

⁵ Геродот, I, 181.

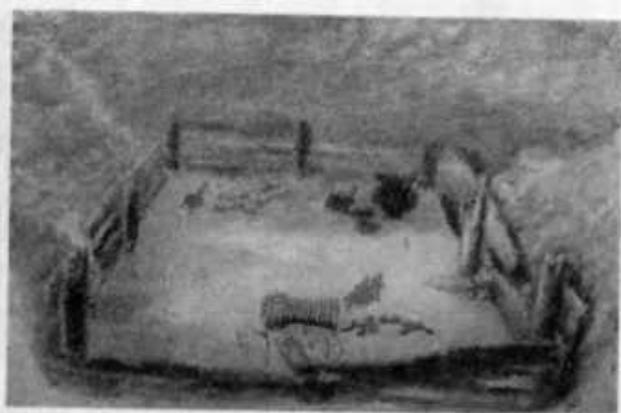

Рис. 19. Погребение у Веремеенког.

Панцири с оплечьем. Примером панциря этого вида являются доспехи, в которые одеты воины на солохском гребне¹. На пешем воине поверх одежды с длинными рукавами одет доспех в виде длинной безрукавной рубашки, сделанной из сырой кожи (рис. 21, 22). Кожа, вероятно, толстая, плотная — на панцире нет складок (рис. 5, 1, 2). Он имеет простую, но довольно оригинальную конструкцию. Спина его выкроена так, что плечевые части, разделенные глубоким округлым вырезом ворота, заходят вперед в виде длинных полос — оплечий, обшитых по краям кожаной тесьмой. В углах оплечий имеется небольшой вырез. Спереди он неглубокий. По его краю на кожаной основе нашиты четыре ряда металлических пластин, по семь в каждом. Края оплечий находятся на уровне нижнего ряда пластин. В этом месте к панцирю пришиты металлические кольца (по одному у каждого из оплечий). С помощью шнурков, которые проходили сквозь кольца, оплечья крепились к нагрудной части панциря. Металлический пластинчатый набор, безусловно, служил не только для защиты, он и украшал панцирь. В нижней части доспех расходуется широкими клешевыми складками.

Возможно, на кожаном панцире спешенного воина (рис. 23), как и на панцире всадника, был сделан боковой разрез. Наличие этого разреза и оплечий, передняя часть которых не была непосредственно связана с панцирем, намного облегчало его одевание.

Не исключено, что найденные в кургане № 2 у с. Волковцы и в одном из курганов некрополя Нимфея (рис. 5, 5—7) фрагменты панциря являются остатками доспеха, близкого к описанному выше панцирю солохского гребня². Фрагмент кожаной основы трапециевидной формы с неглубоким вырезом

¹ А. П. М а н ц е в и ч. Гребень и фиала из кургана Солоха, стр. 219.

² ДП, вып. II. К., 1899, стр. 22, № 214, табл. VII, 214.

зом в верхней части из Волковцев, на котором нашиты бронзовые пластины набора, может быть остатками металлического покрытия, расположенного в верхней половине груди (рис. 11, 10). Другой треугольный фрагмент с пластинчатым набором мог быть нижней деталью оплечий. Вместе с набором на груди он создавал надежную, достаточно подвижную защиту верхней части кожаного доспеха (рис. 11, 11).

Рис. 20. Пластина из Гермесова кургана.

Представляют интерес фрагменты кожаной основы панциря из кургана, хищнически раскопанного в некрополе Нимфея. В настоящее время они хранятся в Оксфорде¹. Форма одного из фрагментов очень близка описанной выше части панциря из волковецкого кургана (рис. 24). На кожаной основе почти треугольных очертаний было нашито 11 горизонтальных рядов пластин. Но, в отличие от волковецкой, на этой детали пластины набраны непосредственно на основе (на волковецкой между частями набора и основой нашиты горизонтальные кожаные полоски). По краю проходила обрабатывающая валик кожаная тесьма-обшивка. Бронзовые пластины набора имели вытянутую, закругленную в нижней части форму. Вдоль верхнего их края было пробито по три расположенных в ряд отверстия, в нижней части справа — еще по одному. На основе пластины крепились с помощью тонкого кожаного ремешка. В центре некоторых чешуек сделано большое круглое отверстие. Его назначение, весьма вероятно, сходно с назначением аналогичных отверстий на пластинах панциря из кургана № 12 у 22-й шахты близ г. Орджоникидзе. Как и подобный фрагмент из Волковцев, описываемая деталь, скорее всего, была нижней частью оплечий кожаного панциря.

Панцири с оплечьями иногда надеты на воинах — участниках батальных сцен античной вазовой живописи. Примером может быть изображение воина на краснофигурном килике². Оплечья доспеха здесь являются почти точной копией солохских. Они прикреплены к спине и к передней нагрудной части с помощью шнурков. Он пояса до оплечий панцирь покрыт пластинчатым набором. Подол его расходуется широкими клешевыми складками

¹ Ashmolean Museum, Department of antiquities, инв. № 1885/465. Сужу о них по превосходным фотографиям, любезно присланным автору хранителем музея профессором Г. В. Катлингом.

² А. М. S n o d g r a s s. Arms and armour of the Greeks. London, 1967, рис. 45.

Рис. 21. Солохский гребень.

(рис. 25, 2). Отличие этого панциря от описанного выше состоит в том, что пластинчатый набор расположен над поясом и не доходит до верхней части груди. Такие доспехи встречаются на изображениях воинов с краснофигурных ваз второй половины V в. до н. э.¹

Подобным же образом реконструирует немногочисленные наборные панцири IV в. до н. э., известные на территории Фракии (Големата Могила, Браничево, Янково, Розово) Л. Огненова². Вероятно, близкие по устройству панцири в это время использовались и в Скифии. К ним предположительно может быть отнесен панцирь, найденный в Талаевском кургане. Судя по плану могилы, в средней части груди погребенного находились шесть рядов бронзовых пластин³.

Вероятно, характерное для панциря солохского гребня расположение пластин было не типично для античных или фракийских наборных панцирей и составляло характерную черту местного, северопричерноморского доспеха.

Вполне возможно, что во многих погребениях, где было найдено немного пластин, количество которых явно недостаточно не только для того, что-

¹ Л. Огненова. Ризници на Траки от V—III пр. н. э. — Археология, т. 1—2. София, 1959, стр. 35, рис. 16.

² Там же, стр. 36, рис. 17.

³ А. П. Манцевич. Ритон Талаевского кургана. — ИАДК. К., 1957, стр. 156.

Рис. 22. Солохский гребень (деталь).

Рис. 23. Солохский гребень (деталь).

бы защитить весь корпус воина, но даже его грудь, находились именно такие или подобные им панцири.

Близок доспеху спешенного воина панцирь, надетый на всаднике солохского гребня (рис. 21, 23), но отличается от него наличием пластинчатого набора, покрывающего весь доспех. Пластины имеют продолговатую форму. Они прямоугольные в верхней и заостренные в нижней части. Края панциря обшиты кожаной тесьмой, образующей рельефный валик. На правом боку доспеха сделан разрез. Его верхнюю часть прикрывает нижний край оплечий. Края разреза также обшиты кожаной тесьмой (рис. 5, 3, 4). Каким способом соединялись края разреза и оплечий с нагрудной частью, понять нельзя. Вероятно, для этой цели использовались кожаные шнурки (рис. 5, 3, 4; 21).

Возможно, такой же железный панцирь с бронзовыми оплечьями был найден в кургане № 5 у станции Елизаветовской⁴. По всей вероятности, в подобный доспех был одет и воин, изображенный на килике, найденном на о. Березань (рис. 25, 1)⁵.

⁴ ОАК за 1909—1910 гг., стр. 145.

⁵ В. В. Лапин. Раскопки поселения на о. Березань. — КСИА, вып. 11. К., 1961, стр. 147, рис. 2.

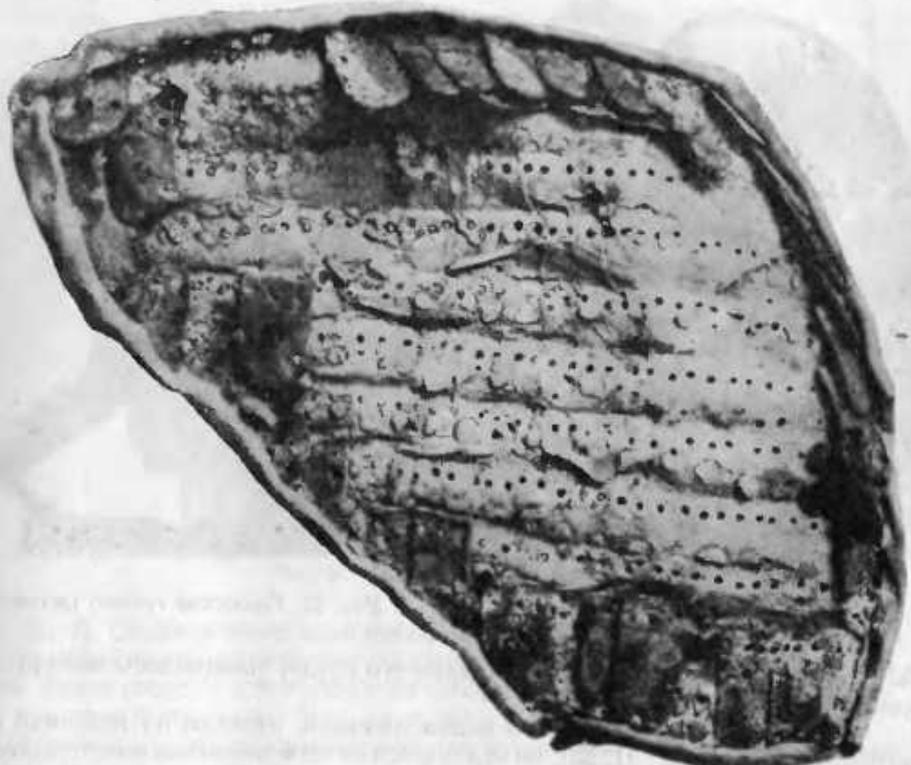
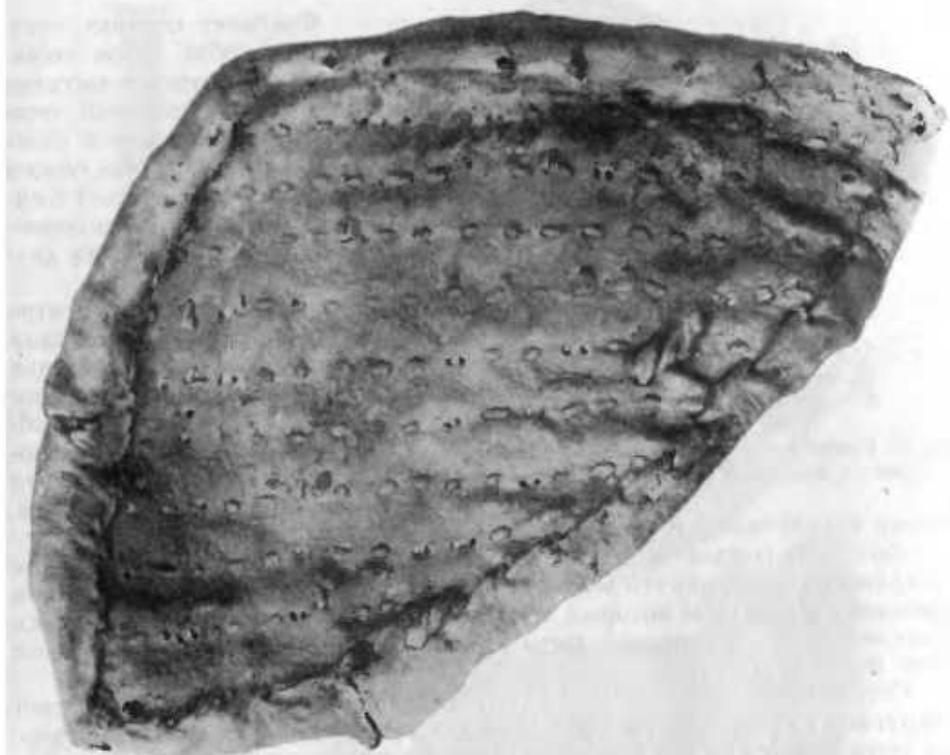

Рис. 24. Оплечье па-

К панцирям с оплечьями примыкает доспех с короткими рукавами. Остатки его обнаружены в четвертом Семибратнем кургане, раскопанном в 1875 г. В. Г. Тизенгаузенем. Ввиду большого интереса, который представляют сохранившиеся части этого панциря, считаем возможным привести здесь их краткое описание. Это тем более необходимо сделать, что описаны они очень кратко, с ошибками как в определении материала, так и места в составе доспеха.

В Государственном Эрмитаже (инв. № 16, 014в) хранятся части кожаной основы рукава, часть оплечья и фрагменты подола панциря, а также бронзовые чешуи набора, дуговидная пластина и нагрудное украшение с изображением головы Медузы.

Рукав выкроен из целого куска толстой кожи и имеет трапециевидную форму. Вдоль узкого края нашита кожаная полоса шириной 3 см и толщиной 1 мм. Край полосы обшит узкой кожаной тесьмой, образующей валик.

нциря из Нимфея.

Параллельно основанию рукав прошит девятью рядами кожаных ремешков толщиной до 2 мм. Расстояние между рядами 1,5—3 см. На рукаве хорошо заметны следы узких длинных бронзовых пластинок, расположенных вдоль него. Длина рукава 23 см, ширина сверху 23 см, внизу — 13 см (рис. 26, б).

В Эрмитаже хранятся узкие и длинные пластины из этого комплекса (рис. 26, г). Верхний их край прямоугольный, нижние углы скошены, правый край слегка загнут внутрь. Вдоль краев пробиты отверстия — три у верхнего края, пять — вдоль левого. Судя по расположению боковых отверстий, пластины были набраны слева направо. Размер чешуй 15,6 × 2,4 см. Расположение некоторых боковых отверстий совпадает с рядами строчек на рукаве. Пластины располагались на нем, несколько отступив от краев. В нижней части рукава пластинки не доходили до полоски кожи, обшитой валиком.

Рис. 25. Изображения панцирей в пазовой живописи.
1 — килик с о. Березань; 2 — краснофигурный килик Дуриса.

Размер сохранившейся части оплечий 14×14 см (рис. 26, 5).

Фрагмент подола имеет вид полосы из толстой кожи длиной 21,5 см и шириной 3 см. Вдоль его верхнего края сделан ряд отверстий для тонких ремешков, с помощью которых эта полоса и пластинки набора крепились к кожаной основе. В правой части полосы к ней пришит сложенный вдвое кусок более тонкой кожи.

Сохранившиеся бронзовые ¹ пластинки набора прямоугольные в верхней и округлые в нижней части. Правый нижний угол у них косо срезан. В верхней части имеется по три отверстия, в правом нижнем углу — по одному. Судя по расположению боковых отверстий, пластинки были набраны справа налево. Чешуи вырезаны из золотистой бронзы ножницами, форма и размер их не всегда устойчивы. Размер пластин около $3,5 \times 1,4$ см (рис. 26, 3).

Бронзовая дуговидная массивная пластинка имеет форму полукольца ². Ее концы фрагментированы. Нижний край слегка загнут внутрь, вдоль верхнего проделан ряд дырочек диаметром около 2 мм. В середине нижней части пластинки имеется большое почти прямоугольное отверстие, а у концов ее — по одному круглому. Отверстия пробиты снаружи, рваные внутренние края их не сглажены. Ширина пластинки 2 см, расстояние между ее концами 14 см (рис. 26, 4).

Бронзовая пластинка с изображением головы Медузы сделана в форме круга диаметром 14,5 см. Она выбита по матрице с обратной стороны с после-

Фрагмент оплечья представляет собой кусок кожаной основы, которая частично была обшита кожаной тесьмой. В нижней части к оплечью пришта кожаная полоса шириной 2 см и длиной 8 см. К ней прикреплена воронковидная бронзовая бляха диаметром 3,6 см.

Через отверстие в центре бляхи проходят два кожаных шнура. На основе оплечья сохранилось шесть горизонтальных рядов строчек, образованных тонкими ремешками, с помощью которых к ней крепились пластинки.

Рис. 26. Фрагменты панциря из четвертого Семибратнего кургана.
1 — пластинки набора; 2 — нагрудная пластинка; 3 — шейная пластинка; 4 — пластинка набора рукава; 5 — часть оплечья; 6 — рукав.

¹ Н. И. Веселовский ошибался, утверждая, что набор доспеха был железным (Н. И. Веселовский. Нагрудник..., стр. 3).

² М. И. Ростовцев ошибочно называет ее «золотым полумесяцем» (М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 355).

дующей доработкой деталей. В верхней и нижней частях пластины прорезано по отверстию, через которые с помощью тонких ремешков она крепилась на кожаной основе. Вероятно, такие же отверстия имелись и на разрушенных боках изделия (рис. 26, 2).

Сохранившиеся фрагменты дают возможность реконструировать этот доспех в виде покрытой бронзовым пластинчатым набором рубашки с короткими рукавами и оплечьями¹. Рукава были набраны из длинных узких пластин, расположенных вертикально. На краях оплечий имелись воронковидные бронзовые ворварки. Вероятно, такие же ворварки находились и на нагрудной части доспеха. Здесь же помещалась и круглая пластина с изображением головы Медузы (рис. 27).

К этому панцирю близок доспех, одетый на воине стелы из собрания Краснодарского музея (рис. 16). Форма его оплечий несколько отличается от оплечий предыдущего панциря. Вдоль плечей и рукавов идет рельефный валик, несколько напоминающий валик на одежде воина, изображенного на пластине Аму-Дарьинского клада². Панцирь был украшен пластинами, изображающими головы грифона и оленя.

Этот довольно развитый вид панцирей применялся с V в. до н. э.

К и р а с ы — выкованные из двух сплошных металлических пластин (нагрудной и наспинной) панцири — были наиболее распространенным видом защитного вооружения в античном мире. Однако они не получили сколько-нибудь заметного применения в Скифии и на соседних с ней (кроме Фракии) территориях. В Восточной Европе нам известны лишь три их находки. Это бронзовая нагрудная часть кирасы, украшенная головой Медузы, из кургана № 5 близ станицы Елизаветинской, железная кираса из кургана № 1 у с. Прохоровка в Поволжье и доспех из комплекса, найденного у с. Бубуй (Молдавия).

Часть кирасы из Елизаветинской была обнаружена Н. И. Веселовским в грабительском ходе кургана. Панцирь, по-видимому, состоял из двух частей. Об этом свидетельствует находка металлических деталей, соединивших обе половины доспеха³. В настоящее время панцирь хранится в Государственном Эрмитаже (инв. № КУ 1914, 8/1). Нагрудник выкован из целого листа бронзы⁴. В верхней его части вырезаны проемы для рук, в нижней высоким рельефом выбито изображение головы Медузы (рис. 28). По обеим сторонам из ее волос вырастают по три змеи. По одной змее находится в верхней части нагрудника, закрывавшей грудь. Лицо Медузы приплюснуто, глаза широко раскрыты, рот растянут. В углах широко раскрытого

Рис. 27. Вариант реконструкции доспеха из четвертого Семибратнего кургана.

рта выступают по паре изогнутых клыков. Широкий язык, прикушенный оскаленными зубами, вывалился на подбородок. Разделенные прямым пробором волосы образуют спиральные завитки, падающие на плечи локнами. В ушах висят серьги вытянутой пирамидальной формы с шариком в нижней части. На массивной толстой шее находится ожерелье из бус вытянутой каплевидной формы с шариком в нижней части, чередующихся с круглыми. Между двумя верхними змеями изображено растение с листьями-завитками (по мнению Н. И. Веселовского — лотос).

Нагрудник выкован по модели из листа бронзы с последующей проработкой некоторых деталей (насечками намечены чешуи змеиной кожи). По периметру нагрудника на расстоянии около 1 см один от другого пробиты отверстия. Через них проходили бронзовые гвоздики с круглой шляп-

¹ В общем правильное описание внешнего вида панциря было сделано еще Л. Стефани (Л. Стефани. Объяснение нескольких художественных произведений, найденных в 1876 г. в Южной России. — ОАК за 1877 г., стр. 10, 20).

² O. Dalton. The treasure of the Oxus. London, 1964, табл. XIV, 48.

³ Н. И. Веселовский. Нагрудник..., стр. 2.

⁴ М. И. Артамонов. Указ. соч., табл. 144.

Рис. 28. Деталь панциря из кургана у станицы Елизаветинской.

кой. Острие гвоздя загнуто. Под ним находится небольшая бронзовая пластина-шайба. Между шайбой и нагрудником имеется слой толстой кожи.

В нижней части нагрудника под локонами головы Медузы прикрепаны две бронзовые пластинки-завесы, к которым, вероятно, крепились длинные бронзовые пластины, защищавшие низ живота. Здесь же находятся два от-

Рис. 29. Подвески из Большой Блзницы.

верстия диаметром по 4 мм для соединения нагрудника со спинной частью. Поверхность изделия тщательно отполирована. Размеры сохранившейся части нагрудника 41 × 44 см, толщина листа до 1 мм.

Значительный интерес представляет железный панцирь, обнаруженный при случайных раскопках в кургане № 1 у с. Прохоровка Оренбургской области. Он стоял в нише, сделанной в стенке могилы. Доспех «был совершенно цел, и многие из любопытствующих надевали его на себя, пока не уронили, отчего он разбился на куски»¹. Мелкие его обломки были собраны С. И. Руденко при исследовании кургана.

Панцирь состоял из двух частей — передней и задней. Судя по нечетким фотографиям, в нагрудной части он был выпуклый, детали мускулатуры проработаны не были. В нижней части на высоте живота к доспеху была прикреплена железная полоса — «род пояса». По краю вырезов, сделанных для шен и рук, железными заклепками крепились «желобчатая полоска железа — род ворота». Украшения на груди отсутствовали. Попытки реставрировать панцирь после разрушения не было сделано, поэтому размеры его установить невозможно. По мнению М. И. Ростовцева, нагрудная и наспинная части панциря соединялись сбоку. Кроме этого, вероятно, существовали и ремни, скреплявшие доспех на плечах.

В состав происходящей из случайных раскопок у с. Бубуй коллекции, хранящейся в ГИМ, входят фрагментированные круглые бронзовые пластины, вполне вероятно, являющиеся частями панциря (инв. № 45303). В их

¹ М. И. Ростовцев. Курганные находки Оренбургской губернии эпохи раннего и позднего эллинизма. — МАР, т. 37. М., 1918, стр. 5 и сл., рис. 5, 16.

центральной части находится полусферическая выпуклость. Вокруг нее рельефно выбиты концентрические круги, разделенные геометрическими изображениями. Диаметр пластин 16 см. На каждой из них есть по три заклепки, сделанные из красной меди. Под заклепками сохранились следы железа толщиной 2,5—3 мм. Вероятно, пластины крепились по обеим сторонам груди железной кирасы.

Все описанные выше находки кирас или их частей датируются довольно поздним временем — IV—III вв. до н. э. В панцири типа кирас одеты воины, изображенные на ножнах мечей из Чертомлыка и Елизаветовской, а также на подвесках из Большой Близницы¹ (рис. 29).

* * *

Покрытие кожаной основы панциря металлическим набором, лежащим в несколько слоев, удачное размещение его пластин обеспечивали высокую надежность доспеха. Панцирь мог спасти воина от удара стрелы или копья со значительного расстояния, несколько ослабить силу удара акинаком или копьем с близкого.

Имеющиеся в литературе беглые упоминания могут дать некоторое представление о степени надежности доспеха. Так, Геродот рассказывал: когда в битве при Эрифрах Масистий, на котором был надет золотой чешуйчатый панцирь, упал, «удары по панцирю не производили никакого действия, пока то-то не заметил этого и не поразил Масистия в глаз»².

Однако сильный удар копьем в ближнем бою мог пробить панцирь. Ксенофонт, описывая поединок Артаксеркса и Кира, отметил, что Кир «...поразил его (Артаксеркса.— Е. Ч.) в грудь и ранил сквозь панцирь»³.

Важным достоинством панциря было то, что он в значительной мере обеспечивал воину максимум необходимой подвижности, не сковывал его движений. Именно это и было особенно важно для всадника, вооруженного луком. Сделанный из кожи и покрытый небольшими свободно висящими пластинами, наборный доспех, как и кираса, сделанная строго по мерке на определенном человеке, плотно облегал тело воина и его тяжесть равномерно распределялась «по разным местам: часть ее несет ключица и надплечье, часть — плечи, часть — грудь, часть — спина, часть — живот, так что он почти не похож на ношу, а скорее на предмет, приложенный к телу»⁴.

Ценным качеством наборного панциря было также то, что его не обязательно было делать по мерке на определенного человека, как это имело место при изготовлении кирас. Ксенофонт указывал на большие неудобства, которые кираса, изготовленная не по мере, причиняла воину⁵.

¹ Л. Стефани. Керченские древности в Эрмитаже. вып. I. СПб., 1873, табл. IV.

² Геродот, IX, 22.

³ Ксенофонт. Анабазис, I, VIII, 26.

⁴ Ксенофонт. Сократические сочинения, III, 10, 13.

⁵ Там же.

Безусловно, изготовление наборных панцирей из отдельных мелких частей было более трудоемким и сложным делом, чем производство кирас. Но это обстоятельство с успехом компенсировалось более высокими боевыми достоинствами наборного доспеха. Использование панцирей, особенно с длинными рукавами, делало необязательным включение в состав паноплии тяжелого всадника щита. Отсутствие же рукавов у кирас вызывало значительные неудобства. Как это очень верно заметил Ксенофонт, «...повреждение левой руки (в которой держат повод боевого коня.— Е. Ч.) делает всадника неспособным к службе»¹. Поэтому всадники тяжелой античной конницы, пользовавшиеся кирасами, по свидетельству Ксенофонта, вынуждены были применять сложные дополнительные средства защиты рук².

Следует отметить также то обстоятельство, что наборный панцирь имел большую степень надежности, чем кираса. Несмотря на то, что каждая отдельная пластина набора была тоньше, чем кираса, продуманная система размещения чешуй на основе приводила к тому, что в любом месте доспеха образовывался слой из трех-четырёх пластин. Если при ношении кирасы сила нанесенного по ней удара почти вся сосредоточивалась в самой точке удара, то удар по наборному панцирю в значительной степени распространялся на соседние части доспеха. Кроме того, его сила во многом ослабевала при разрушении выгнутых пластин, гасилась за счет упругости основы и тела.

Эти ценные качества наборного пластинчатого доспеха во многом определили то обстоятельство, что на протяжении очень продолжительного времени он был основным средством тяжелой личной защиты воина, а сам принцип набора и размещения пластин на основе, применявшийся оружейниками скифской эпохи, не претерпел существенных изменений. Многие приемы изготовления панцирей просуществовали вплоть до Киевской Руси. Лишь в сарматское время на территории Кубани появляются первые кольчуги³.

¹ Ксенофонт. О коннице, XII, 1—7.

² Там же.

³ Н. И. Веселовский. Курганы Кубанской области в период римского владычества на Северном Кавказе.— Тр. XII АС, т. I. М., 1905, стр. 353—354.

Н. И. Сокольский, однако, указал на находку кольчуги в погребении IV—III вв. до н. э. на Васюриной горе (Н. И. Сокольский. Военное дело Боспора. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1954, стр. 10). Подробно разобравший этот комплекс М. И. Ростовцев отмечает только наличие в составе инвентаря этого кургана кусков панциря (АДЖ, стр. 40). По любезному сообщению К. С. Горбуновой, в инвентарных книгах Отдела истории искусства и культуры античного мира Государственного Эрмитажа под № Вас. 90 значатся восемь обломков железной кольчуги. Значительные фрагменты ее хранятся в Фондах Эрмитажа.

Если эта кольчуга действительно происходит с Васюриной горы (а сомневаться в этом нет оснований, погребений более позднего времени там нет), то мы имеем здесь дело с древнейшим доспехом подобного рода.

Следует отметить также, что имеющиеся в ряде старых работ (прежде всего, в трудах А. А. Бобринского) упоминания о «кольчатых панцирях» и «кольчугах» скифского времени основаны на явном недоразумении. При изучении всех сохранившихся остатков этих доспехов мы всегда имели дело с частями наборных панцирей, а не кольчуг.

К сожалению, суммарное описание их, сделанное автором раскопок, не дало возможности проследить весь процесс постепенного вытеснения панцирей кольчугами, что имело бы, по словам М. И. Ростовцева, кардинальное значение для истории оружия¹. Знаменательно, что первые кольчуги представляли собой комбинацию панцирного набора и кольчужного плетения. В составе их набора использовались и пластины, и кольца².

Но даже появившиеся кольчуги не смогли полностью вытеснить наборные панцири как самостоятельный вид доспеха. Они оставались на вооружении воинов вплоть до средневековья на огромной территории Евразии от Японии до Скандинавии.

¹ М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 561.

² Э. Э. Ленц. Описание оружия, найденного в Кубанской области.— ИАК, вып. 4. СПб., 1902.

Одним из наиболее распространенных видов защитного вооружения, использовавшегося в Скифии, были боевые пояса.

В специальной работе А. П. Манцевич¹, посвященной этому виду вооружения, довольно подробно рассмотрены вопросы их устройства, использованы ценные сведения древних авторов о значении пояса у скифов, привлечены изображения воинов в поясах на предметах торевтики — вазе из Куль-Обы, золотом гребне из Солохи (рис. 21) и статуе скифского воина из Краснодарского музея (рис. 16).

Но использование ограниченного материала (15 поясов из собрания Эрмитажа) обусловило в этой ценной работе некоторые ошибки. Прежде всего это касается вопросов хронологии.

В настоящее время представляется возможным выделить новый тип боевых поясов, уточнить ряд вопросов, связанных с их происхождением, распространением в различных районах Скифии и на соседних территориях, пересмотреть вопросы датировки.

Сейчас нам известно 95 находок боевых поясов (рис. 30). О большинстве из них сохранились лишь краткие упоминания в отчетах и публикациях. Часть поясов, разрушенных при ограблении могил, была описана авторами публикаций как панцири. В музейных собраниях сохранилось лишь немногим более половины найденных при раскопках поясов. Степень сохранности их не одинаковая. Наряду с целыми или почти целыми экземплярами (Грищенцы, Щучинка, Мелитополь, Ерковы и др.) от многих поясов сохранились лишь обломки пластин.

Чаще всего в погребениях находится один пояс. Лишь в нескольких курганах их встречено больше. Так, в Чертомлыке найдено четыре пояса, в кургане № 15(75) группы Солохи — два, в кургане группы Пять братьев — три. Обычно это пояса одного типа. Уникальным является набор из трех-четырех поясов различных типов из кургана № 12 группы 22-й шахты.

В могиле пояс чаще всего надет на погребенном, иногда лежит вместе с другими предметами вооружения где-либо в стороне.

По своему функциональному назначению боевые пояса делятся на два типа — узкие портупейные и широкие защитные.

¹ А. П. Манцевич. О скифских поясах.— СА, VII. М., 1941.

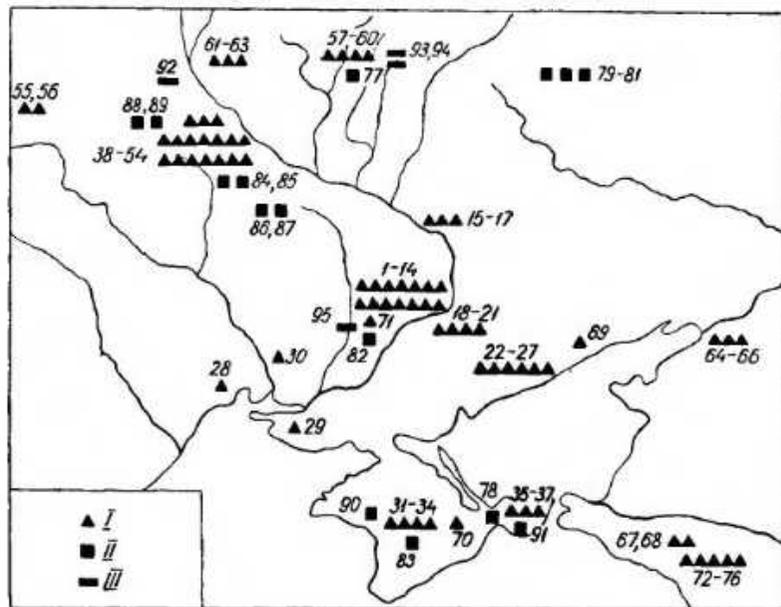

Рис. 30. Схема распространения боевых поясов.

I — портупейные пояса; II — парадные; III — защитные.

1—4 — Чертомлык; 5—7 — Александрополь; 8 — Кирово; 9, 71, 82, 56 — Орджоникидзе; 10 — Лемешев курган; 11 — Малая Лелетика; 12 — Никополь; 13 — Кут; 14 — Рахмановка; 15 — Башмачка; 16 — Новосаитовка; 17 — Игрия; 18, 19 — Солохи; 20, 21 — группа Солохи; 22 — Мелитопольский курган; 23 — Аккермень; 24 — Ждьянов; 25 — Цимбалка; 26 — Огуз; 27 — Дев курган; 28 — Николаевка; 29 — Нововладимировка; 30 — Новорозановка; 31, 70 — Талаевский курган; 32 — Пастака; 33 — Славное; 34 — совхоз Красный; 35 — Куль-Оба; 36 — Нимфей; 37 — Ильичево; 38—43, 84 — Журовка; 44, 45 — Манеевка; 46—48, 88 — Верестинги; 49 — Пешки; 50 — Ходоров; 51 — Бобрца; 52 — Грищенцы; 53 — Райгород; 54 — Пастырское; 55 — Ильинцы; 56 — Новосельцы; 57 — Волковцы; 58, 59, 93, 94 — Роменский уезд; 60 — Ходоров; 61 — Борисполь; 62 — Старо; 63 — Ерковцы; 64—66, 72—76 — Елизаветовская; 67, 68 — Гойты; 69 — Шульговка; 77 — Аксютинцы; 78 — курган Патиниотти; 79 — Частые курганы; 80 — Мяслюгино; 81 — Русская Тростянка; 83 — Золотой курган; 85 — Грищенцы; 86 — Мельгуновский курган; 87 — Апостолово; 89 — Стеблев; 90 — Симферополь; 91 — Баксы; 92 — Щучинка.

ПОРТУПЕЙНЫЕ ПОЯСА

Портупейные пояса встречаются преимущественно в могилах. Они были предназначены для ношения меча, топора, чаши, оселка и других предметов. Среди поясов этого рода можно выделить три группы: 1) кожаные пояса; 2) пояса с пластинчатым набором; 3) пояса, покрытые фигурными бляхами.

Кожаные пояса известны только по изображениям на памятниках искусства. Они имеют вид гладких кожаных полос, опоясывающих корпус воина. На поясе, которым подпоясан спешенный воин солохского гроб-

ня, заметна щель. Из нее выходит ремень, на котором подвешен меч. Для ношения боевого топора на конце такого же ремня делалась специальная петля. Она хорошо видна на стелах из Ждановского и Херсонского музеев, а также из Добруджи.

О широком распространении кожаных портупейных поясов говорит то, что только на пяти воинах среди десятков их изображений на предметах торевтики надеты пояса других типов. Почти на всех скифских стелах (за исключением терновской, хранящейся в НКМ, а также стелы из собрания КИМ; рис. 2, 2, 3) изображены гладкие, по-видимому, также кожаные пояса¹.

Пояса с пластинчатым набором. Для изготовления пластин поясного набора чаще всего использовалась бронза (52 экз.), реже — железо (34 экз.). Из железа, обтянутого золотом, изготовлены пластины пояса из Куль-Обы (рис. 31, 10). Золотые пластины входили в состав поясных наборов из Огуза (рис. 31, 1), Аксютинцев, Мельгуновского и других курганов. Обтянутые золотом серебряные пластины составляли набор пояса из кургана у г. Орджоникидзе (рис. 31, 7). Уникальным является пояс из чередующихся участков железных и бронзовых пластин, обнаруженный в кургане, раскопанном А. И. Тереножкиным в 1965 г. у с. Ерковцы Переяслав-Хмельницкого района на Киевщине.

Пояса с набором из узких пластин были выделены и хорошо описаны А. П. Манцевич. Они имеют почти одинаковое устройство, близка форма пластин набора. В небольших пределах меняется только длина и ширина последних, различно количество отверстий на них и т. д. Судя по сохранившимся фрагментам, основой этих поясов служил прочный кожаный ремень, сложенный в два-три слоя.

Металлические пластины набора расположены рядами поперек ремня основы, как хорошо видно на бляшке из Куль-Обы (рис. 32). Обычно они продолговатые, часто со срезанными углами. Иногда одна или две боковые стороны закруглены. На основе пластины крепились с помощью тонких кожаных ремешков, для чего в верхней и нижней частях их имеется по одному-два отверстия. Длина пластин колеблется в пределах 2—8,9 см, ширина — 0,8—1 см. Середина большинства пластин сильно вогнута внутрь. Подобный изгиб хорошо заметен на поясе стелы Днепропетровского музея. Изредка встречаются прямые пластины. Каждая пластинка закрывает половину-треть поверхности предыдущей.

¹ Недавно П. Н. Шульц опубликовал новую стелу из собрания Одесского археологического музея. Стела была снята с кургана у с. Демидов Березовского района Одесской области. Она была отнесена П. Н. Шульцем к сарматским (П. Н. Шульц, Антропоморфная стела сарматского круга, найденная на Арабатской стрелке.— ЗОАО, т. II (35). Одесса, 1967, стр. 198, рис. 2; 4, 2). Вероятно, это ошибка. Стела очень отличается от сарматских по своей форме. На ней имеется изображение пояса, обычное для скифских скульптур и не характерное для сарматских (рис. 2, 4).

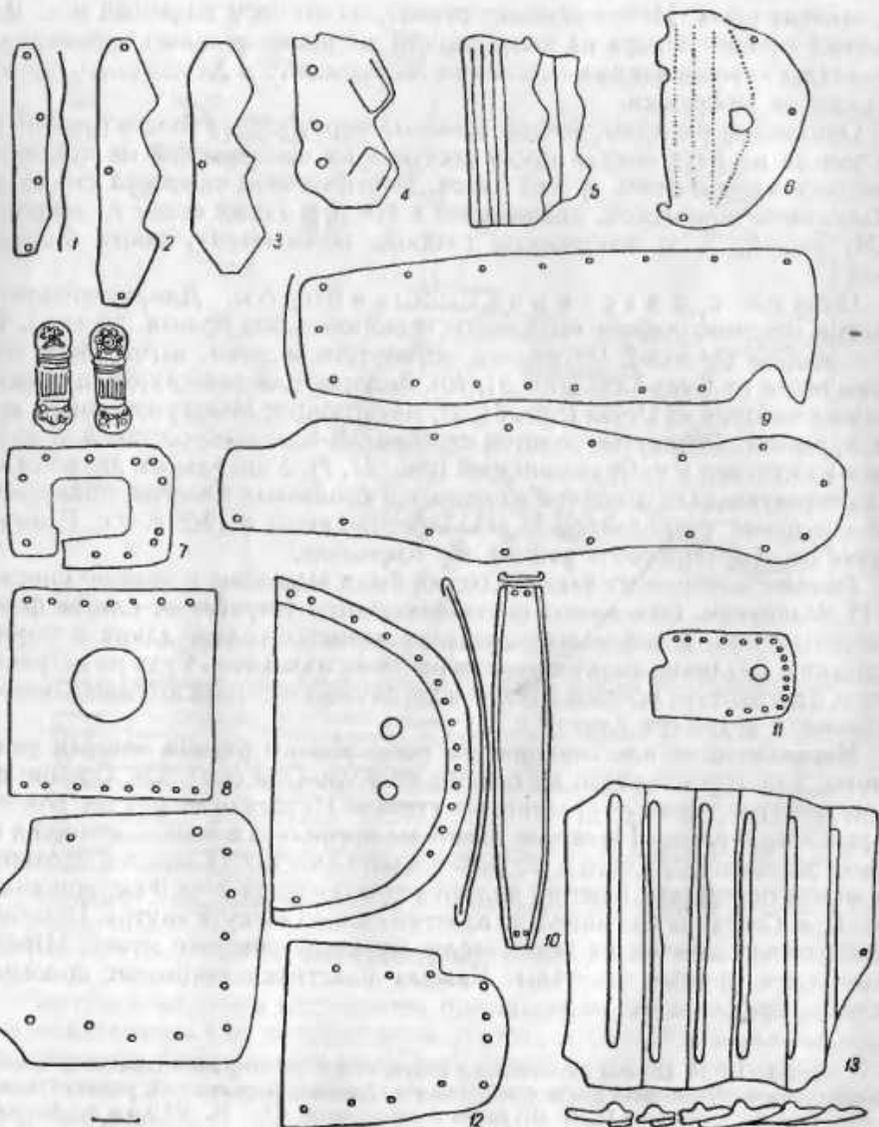

Рис. 31. Наборы боевых поясов.

1 — Огуз; 2 — Пастырское; 3 — Грищенцы; 4 — Жаботин; 5 — Нимфей; 6 — Солоха; 12 — Орджоникидзе;
8 — Мелитопольский курган; 9 — Шульговка; 10 — Куль-Оба; 11 — Чертомлык; 13 — Роменский уезд.

Рис. 32. Золотая бляшка из Куль-Обы.

Редки находки пластин с одним зубчатым краем. А. П. Манцевич упоминает лишь два пояса, металлический набор которых состоит из зубчатых деталей. Это пояса из Грищенцев и Пастырского (рис. 31, 2, 3). К ним следует прибавить набор из одного нимфейского кургана (рис. 31, 5).

Кроме узких в состав металлического поясного набора входили прямоугольные срединные пластины с круглыми или прямоугольными отверстиями в центре. Размеры их колеблются в пределах $3 \times 4,2$ — $3,5 \times 5$ см (рис. 31, 7, 8). По краям пластин пробиты мелкие отверстия для пришивания к основе. Через большое отверстие, находящееся в центре, проходили ремни, к которым подвешивали меч, горит и т. д. В состав набора пояса из кургана у Экскаваторного парка на окраине г. Орджоникидзе входила золотая срединная пластина прямоугольной формы. В ее центре было сделано квадратное отверстие. Вырубленная зубилом с трех сторон (с боков и сверху) центральная часть пластины плотно прижата к краю. Через это отверстие проходил ремень, на котором был подвешен горит со 183 стрелами. Размер пластины $3 \times 2,5$ см (рис. 31, 7).

Срединные пластины использовались в составе поясных наборов редко. Об этом можно судить не только по незначительному количеству их находок, но и по тому факту, что изображений таких пластин на поясах нет. Вряд ли это обстоятельство можно объяснить только трудностью их воспроизведения на мелких предметах.

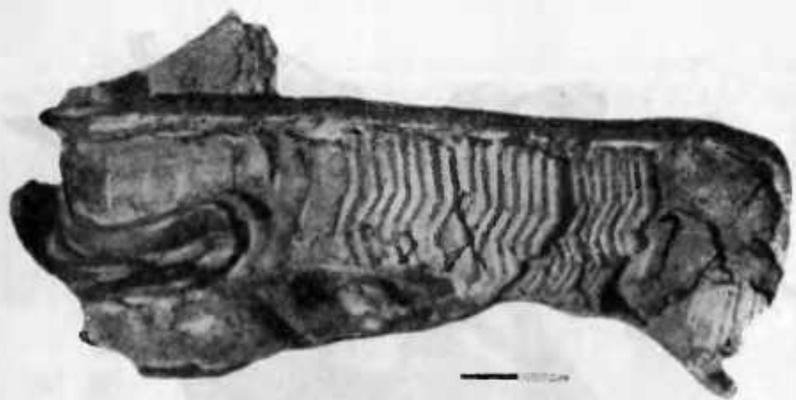

Рис. 33. Пояс из кургана у с. Грищенцы.

На концах некоторых поясов находились бронзовые или железные конечные пластины полуовальной, полукруглой, прямоугольной и трапециевидной формы. Они обычно изогнуты так же, как и узкие пластины набора. Через одно-два крупные отверстия в этих пластинах проходили ремни, стягивающие пояс (рис. 31, 6, 10, 11). Последние пришивались с обратной стороны пояса. В том случае, когда пояс не имел конечных пластин, ремешки пришивали просто к концам основы.

Удачным примером расположения в составе набора пластин всех видов может быть хранящийся в Эрмитаже фрагмент пояса из с. Грищенцы на Каневщине. В левой части его сохранились части конечной бронзовой пластины и остатки набора из зубчатых деталей. В средней части пояса прорезано узкое отверстие (щель) длиной 4,5 см, обшитое кожаным кольцом. Его края отогнуты наружу и частично перекрывают срединную пластину, фрагмент которой сохранился.

Сквозь щель в основе проходит сложенный вдвое кожаный ремень, наглухо пришитый к внутренней стороне основы. Кожаная основа доспеха состоит из двух слоев кожи шириной 4,6 см. По краю пояс обшит узкой кожаной тесьмой, образующей валик (рис. 33).

Сохранившихся полностью портупейных поясов известно немного, поэтому установить полную длину большинства из них нельзя. Длина пояса из кургана № 32 у с. Бобрца равняется 80 см, а пояса из Мелитопольского кургана — не менее 90 см.

От общей массы портупейных поясов описанной выше системы набора несколько отличаются фрагменты двух поясов, хранящиеся в Киевском историческом музее. Они сохранились частично и ничего определенного о их общем виде сказать нельзя. Доспехи входят в состав собрания А. А. Бобринского, состоящего из материалов, полученных при раскопках на территории Роменского уезда.

Один обломок (№ Б 41—405) состоит из трех толстых пластин прямоугольной формы. Вдоль двух из них, расположенных по краям, в средней части проходит невысокое ребро. В верхней и нижней частях пластин имеется по два отверстия диаметром до 2 мм. Пластины слегка изогнуты. Размер их 6,5 × 1,8 см. Каждая деталь перекрывает соседнюю наполовину. Отверстия для крепления каждой последующей пластины расположены над отверстиями предыдущей. По краю пояс был, вероятно, обшит кожаной тесьмой, которая вплотную примыкала к ребру.

Фрагмент второго пояса (№ Б 41—13) набран из шести прямоугольных пластин с ребром вдоль оси (рис. 31, 13). Размеры пластин и способ их крепления на основе и между собой близки описанному выше.

Кроме многочисленной группы портупейных поясов с набором из пластин, расположенных поперек основы, А. И. Мелюкова выделила три пояса, покрытые бронзовыми пластинами, нашитыми вдоль нее¹. Это пояса из Шульговки, одного из Талаевских курганов и кургана у г. Орджоникидзе.

В ГИМ хранится несколько фрагментированных бронзовых пластин из Шульговки. Одна из них, почти целая, размерами 11,5 × 3,5 см, имеет четырехугольную форму с чуть закругленными углами. Хорошо сохранилась также другая пластина, вероятно, от конца пояса. Один конец ее закруглен, другой — прямоугольный, в середине она несколько расширяется. По краю обеих пластин идут небольшие отверстия для крепления на кожаной основе с помощью железных заклепок (рис. 31, 9).

Пояс, несколько отличающийся от шульговского, был найден в кургане № 12 группы 22-й шахты у г. Орджоникидзе. Длину большинства его пластин установить невозможно ввиду разрушенности их краев. Она превышала 8 см при ширине 5 см. Сохранились также почти полностью две одинаковые пластины, находившиеся на концах пояса. Форма их близка к трапециевидной. Вдоль внешних краев всех пластин имеются отверстия (рис. 31, 12).

Портупейные пояса, кроме выполнения своей основной функции, могли защищать корпус воина от ударов. В этом случае пояса с продольными пластинами были неравноценны остальной массе портупейных поясов. Кроме того, что они были менее эластичны, такие пояса уступали наборным и в прочности. Продуманное расположение узких поперечных пластинок на поясах приводило к тому, что, как и в панцирях, в любом месте пояса кожаная основа была покрыта двумя-тремя слоями металла. Поэтому при почти равной толщине узких чешуй и пластин, подобных шульговским, пояс, составленный из последних, имел в два-три раза меньшую прочность. Вероятно, поэтому пояса типа шульговского и не получили широкого распространения.

Мастера-оружейники уделяли большое внимание отделке поясов. Помимо всего прочего они должны были служить украшением одежды. Только

¹ А. И. Мелюкова. Вооружение скифов, стр. 75.

Рис. 34. Золотая пластина поясного набора из кургана у с. Аксютинцы.

этим можно объяснить зубчатую форму пластин набора упоминавшихся выше поясов. Декоративный характер имели также пояса с набором из золотых, серебряных или железных плакированных пластин.

Пояса с фигурным набором. Парадные портупейные пояса, украшенные бляхами, выполненными в зверином стиле, розетками, пластинами с изображениями воинов, выделила А. И. Мелюкова. К ним она отнесла пояса из курганов № 1 у Аксютинцев, № 2 у Мастюгино и Золотого кургана у Симферополя¹.

В отличие от основной массы боевых поясов, пояса этой группы характеризуются богатым пышным убранством. Они отличаются от обычных доспехов этого рода как по металлу, использованному для изготовления деталей их набора, так и по характеру самих изображений, а частично — и по устройству.

В нескольких погребениях найдены пояса, кожаная основа которых была покрыта золотым набором. В курганах № 1 у с. Аксютинцы и № 3

группы Частых они были найдены *in situ*. В первом случае пояс был украшен девятью крупными золотыми прямоугольными бляхами с изображением скифа, одетого в портупейный наборный пояс (рис. 34)². В кургане из группы Частых на золотых поясных пластинах вытеснено изображение грифона³. М. И. Ростовцев относит к поясному набору бляхи, на которых изображен скиф с ритонном и горитом, из кургана Патиниотти⁴. Очевидно, к набору парадного пояса относятся также золотые пластины, найденные вместе с горитом в Мелитопольском кургане.

Кроме поясов, набор которых состоит из сплошных золотых пластин с тисненными на них изображениями, нередко встречаются пояса, украшенные рельефными бронзовыми (очень редко — золотыми) литыми бляхами.

Замечательный пояс был найден *in situ* в Золотом кургане под Симферополем (рис. 35, 3—5). В центре его находились два бронзовых изображения орла и две литые головы грифона с раскрытыми пастьми, украшавшие переднюю часть пояса. Остальная его часть была покрыта 40 литыми круглы-

¹ А. И. Мелюкова. Вооружение скифов, стр. 74.

² Е. В. Черненко. Скифські бойові пояси, рис. 2.

³ М. И. Ростовцев. Воронежский серебряный сосуд.— МАР, т. 34. М., 1914, стр. 83, табл. II, 8.

⁴ Там же, стр. 93.

Рис. 35. Поясные бляхи.

1 — курганы Г близ с. Журовка; 2 — Гриценцы; 3—5 — Золотой курган; 6 — Мастюгино; 7, 8 — Мельгуновский курган.

ми бронзовыми пуговицами¹. Использование этого пояса в качестве портупейного подтверждается находкой в кургане меча.

Точно такие же парные бляхи в виде орлов и голов грифона найдены в курганах Г близ Журовки (рис. 35, 1). Еще М. И. Ростовцев отмечал большое сходство их с описанными выше безусловно поясными пластинами из Золотого кургана². Вероятно, журовские бляхи, подобно найденной недавно в одном из погребений у с. Грищенцы пластине в виде головы грифона (рис. 35, 2), являются частью поясного набора, а не украшением конской узды, как это полагает В. Г. Петренко³. Против мнения о связи этих пластин с конским убором убедительно свидетельствует отсутствие в составе инвентаря отмеченных выше погребений предметов, которые можно было бы отнести к конской сбруе. По-видимому, как и в Золотом кургане, изображения головок грифона и здесь украшали переднюю часть поясов, покрытых узким пластинчатым набором, части которого засвидетельствованы в составе инвентарей обоих курганов.

Вероятно, прав Е. Придик, предположительно отнесший к составу поясного набора также серию из 17 массивных золотых блях (рис. 35, 7, 8) в виде хищных птиц (орлов и коршунов), найденных в Мельгуновском кургане⁴. Обращает на себя внимание большое их сходство с бронзовыми бляхами с изображением орла из поясного набора Золотого кургана.

О находке пяти бронзовых блях в виде орлов, украшавших пояс, сообщается в краткой публикации итогов раскопок А. Н. Синельниковым одного из курганов у с. Апостолово-Михайловка⁵.

Большой интерес представляют несколько поясов, для украшения которых были использованы массивные бронзовые и золотые пластинки в виде голов льва. В кургане № 4 у с. Берестяги на Каневщине⁶ было найдено 12 аналогичных бронзовых блях, украшавших переднюю часть пояса. Десять изображений обращены в фас, два в профиль. Две бляхи в виде львиных голов в профиль были помещены на концах пояса. На обратной стороне изделий находятся небольшие ушки для крепления их на кожаной основе. Через разинутые пасти львов, вероятно, проходил кожаный шнурок, которым завязывался пояс (рис. 36, 1—3). Возможно, к этому же поясу относятся и найденный в описываемом кургане, к сожалению, не сохранившийся фрагмент основы с нашитыми на нее узкими бронзовыми пластинками, покрывавшими, вероятно, остальную часть пояса.

Рис. 36. Медные бляхи поясных наборов.
1—3 — Берестяги, курган № 4; 4 — Стеблев.

Скорее всего, частью такого же пояса является бляха, найденная в с. Стеблев на Черкасщине. Сейчас она хранится в КИМ (№ Б—921). И по размерам и по внешнему виду бляха аналогична описанным выше конечным деталям пояса из Берестяг (рис. 36, 4).

Не исключено, что к поясу относится и бронзовая пластина в виде львиной головы, найденная при раскопках, проведенных в конце прошлого века под Симферополем¹. Безусловно, права В. И. Пругло, отнесшая к поясным украшениям золотые бляшки с изображением львиных головок в профиль (рис. 37) из Баксинского кургана в окрестностях Керчи². Одна из головок обращена влево, другая — вправо. Размеры их 1,9 × 2 см. Оче-

¹ А. Х. Стевен. Раскопка курганов близ Симферополя летом 1890 г. — ИТУАК, вып. 11. Симферополь, 1891, стр. 65, рис. 5, 5.

² М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 399.

³ В. Г. Петренко. Бронзовая бляха с головой грифона. — КСИА, вып. 89. М., 1962, стр. 148.

⁴ Е. Придик. Мельгуновский клад 1763 г. — МАР, вып. 31. М., 1911, стр. 17.

⁵ АЛЮР, т. 1. К., 1903, стр. 59.

⁶ Смела, III, стр. 96.

¹ ОАК за 1895 г. СПб., 1897, стр. 14.

² В. И. Пругло. Золотые украшения звериного стиля из Баксинского кургана. — КС ОГАМ. Одесса, 1963, стр. 73—74, рис. 1, 1, 2.

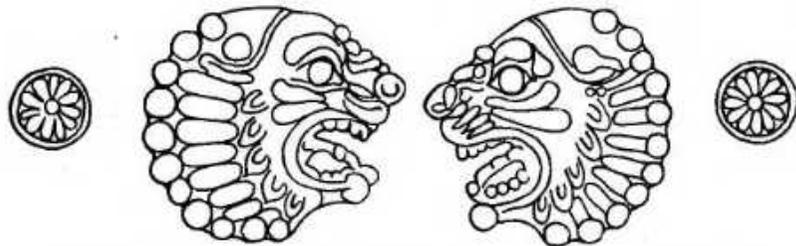

Рис. 37. Золотые бляхи поясного набора из Баксинского кургана.

видно, как и берестнягские бляхи, они помещались на конце пояса. К его обороту относятся также золотые бляшки-розетки.

Для поясных наборов курганов скифского времени на Среднем Дону характерны бронзовые бляшки в виде двояных или строенных кругов. Они обнаружены в курганах № 2 у с. Мастогино (рис. 35, б) и № 14 у с. Русская Тростянка.

Своеобразный поясной набор из серебряных, покрытых тонкой золотой фольгой фигурных бляшек был найден на костяке воина из кургана, раскопанного А. И. Тереножкиным у Экскаваторного парка под г. Орджоникидзе на Никопольщине. Кроме 115 таких бляшек в состав набора входила золотая срединная почти квадратная пластина (рис. 31, 7).

Обращает на себя внимание определенный набор изображений на бляхах — лев (Берестнягн, Стеблев, курганы под Симферополем и у с. Баксы), орел (Мельгуновский и Золотой курганы, Журовка, Апостолово), грифон (Золотой курган, Журовка, Грищенцы).

Пояса, покрытые нашивными бляшками или бляшками с петлей на обороте, иногда встречаются в могильниках ананьинской культуры. От скифских они отличаются иным стилем орнаментации¹.

Вероятно, некоторая часть блях, найденных в курганах скифского времени и украшенных изображениями в зверином стиле и розетками, также может относиться к боевым поясам.

Портупейные кожаные пояса с набором, состоящим из круглых блях, изображены на воинах серебряного сосуда из Куль-Обы. Диаметр их равен половине ширины пояса. В центре каждой бляшки отмечена точка, — вероятно, отверстие для заклепки, крепившей изделие к основе. Между бляшками намечены расположенные попарно точки, скорее всего, небольшие бляшки, украшавшие пояс.

Использование розеток и круглых бляшек для украшения поясов подтверждается находкой последних в поясных наборах Золотого и Баксинского курганов.

¹ А. И. Мелюкова. Вооружение скифов, стр. 75.

Пояса этого рода встречаются редко. Известно лишь четыре их находки: три — в курганах Среднего Поднепровья и одна — в кургане на Никопольщине.

Выделить защитные пояса позволяла еще находка, сделанная у с. Щучинка в 1901 г. В. В. Хвойкой. Однако по целому ряду причин она выпала из внимания исследователей.

У с. Щучинка на Киевщине В. В. Хвойка раскопал два кургана. Подробная публикация обоих комплексов сделана в нашей статье¹. В одном из курганов наряду с довольно обильным инвентарем был обнаружен лежащий ниже панциря широкий боевой пояс. Во время войны он был разбит и затем восстановлен автором из обломков почти в первоначальном виде (рис. 38, 1).

Пояс был положен в могилу свернутым в два оборота и поэтому имеет цилиндрическую форму с перехватом в средней части. Он был набран на кожаной основе из семи рядов горизонтально расположенных пластин различной величины. В поясе четко выделяется три части — верхняя, средняя и нижняя.

Верхняя часть образована тремя рядами небольших пластин. Первые два из них состоят из чешуек, закрепленных на основе ремешками, проходящими через три расположенных сверху отверстия. В третьем ряду пластины той же формы, но отверстия в них пробиты в два ряда (по три отверстия в каждом) — сверху и внизу детали. Нижняя часть пластин этого ряда сильно загнута внутрь. Пластины заходят одна на другую, перекрывая по вертикали и по горизонтали около трех четвертей поверхности соседней детали (кроме чешуй первого ряда, у которых закрыто соседней пластиной около половины поверхности). Все пластины имеют совершенно одинаковую форму и размер (3 × 2 см) и, вероятно, вырублены из листа железа строго по шаблону.

Средняя часть пояса набрана из одного ряда узких длинных, расположенных вертикально пластин с прямоугольным верхним и округлым нижним краями. У верхнего края каждой детали находится по три отверстия — два расположены в ряд и одно несколько выше их, между ними. Пластины сильно изогнуты в дугу, верхняя часть их загнута внутрь.

Нижняя полоса состоит из трех рядов пластин той же формы и размера, что и верхняя.

Общая длина пояса 106 см, ширина 17 см. Его диаметр в свернутом виде: сверху 18 см, внизу 20 см.

Основа пояса сделана из толстой кожи. Верхний край ее загнут наружу и заходил на пластины верхнего ряда настолько, что закрывал отверстия в верхней их части подобно тому, как это делалось и на портупей-

¹ Е. В. Черненко. Скифські бойові пояси.

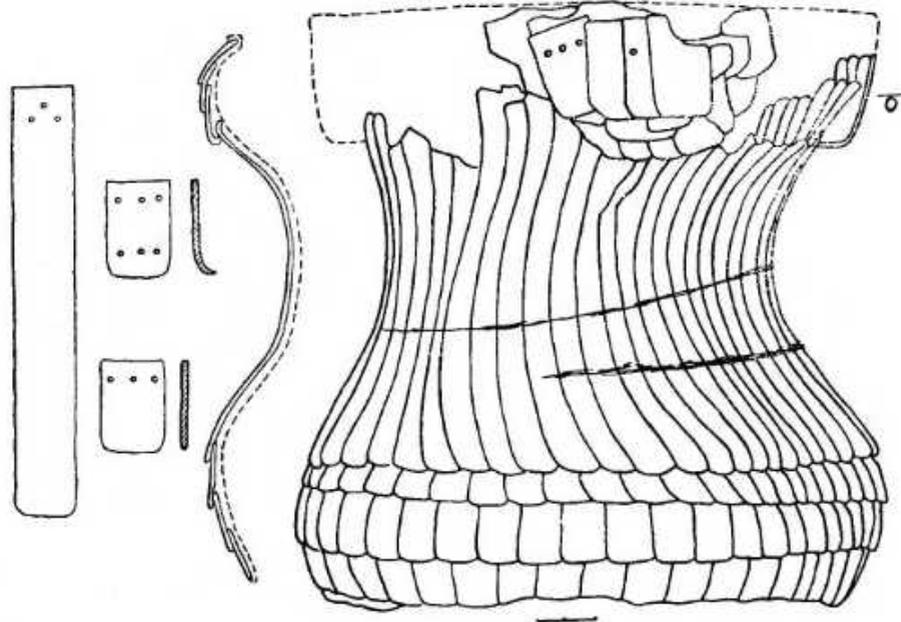

Рис. 38. Защитный пояс из кургана № 2 у с. Щучинка.

ных поясах. На концах пояса ремень основы несколько выступал из-под пластин, на нем в середине и у верхнего края были пришиты толстые кожаные шнурки, служившие завязками пояса.

После того, как доспех был свернут в трубку, его обвязали в средней части этими шнурками. Следы их, как и боковой выступающей основы, пропитанные окислом, заметны на поверхности пояса.

Остальные три пояса этого типа сохранились в фрагментах. В общих чертах они очень близки щучинскому. Как и последний, они состояли из трех основных частей. Судя по сохранившимся фрагментам, все доспехи были положены в могилу в свернутом виде.

Пояс из Щучинки позволяет реконструировать способ ношения и назначение доспеха этого типа, его роль и место среди защитного вооружения скифского времени. В кургане он находился вместе с коротким панцирем, рассчитанным только на защиту верхней части корпуса воина. Пояс предназначен был защищать его нижнюю часть (живот). В могилу его положили свернутым в свиток. Таким образом, пояс, не являясь частью панциря, дополнял его. Он мог служить и самостоятельным оборонительным доспехом.

Судя по тому, что такого рода пояса встречаются в могилах очень редко, можно думать, что они были недостаточно рациональными. Между по-

ясом и коротким панцирем, неминуемо должен был образоваться трудно устранимый зазор. Очевидно, длинный панцирь в этом отношении был более целесообразен. Кстати отметим, что нижние ряды набора некоторых панцирей (из кургана № 490 у с. Макеевка, из Мелитопольского кургана и др.) набирали из крупных железных пластин, подобных тем, из каких составлена средняя часть щучинского пояса.

* * *

Представляется возможным уточнить хронологические рамки бытования боевых поясов на территории Северного Причерноморья.

А. П. Манцевич датирует узкие портупейные пояса серединой V—III вв. до н. э.¹ Однако имеются данные, свидетельствующие о том, что они применялись ранее. Фрагменты железных поясов были найдены в курганах второй половины VI в. до н. э. — № 362 у с. Пешки и № 3 у с. Берестяги.

Есть основания поставить вопрос даже о более раннем, чем вторая половина VI в. до н. э., времени появления портупейных поясов. Среди вещей, происходящих из кургана № 524 у с. Жаботин, в Государственном Эрмитаже хранится обломок тонкой бронзовой пластины (№ ДН, 1913, 2/22). Вдоль одного ее края имеется два зубчатых выступа, а у противоположного — маленькие отверстия для крепления на основе. С обратной стороны изделия выбиты П-образные рельефные выступы (рис. 31, 4). По форме и устройству эта пластина близка зубчатым чешуям поясных наборов, о которых речь шла выше. Возможно, и она относится к поясному набору. В этом случае появление древнейших скифских поясов с металлическим набором должно быть отнесено к концу VII — началу VI вв. до н. э.

Очень рано появляются и пояса, покрытые фигурными бляхами. Наиболее ранняя находка доспеха этого типа сделана в Мельгуновском кургане. Щучинский пояс позволяет датировать начало применения широких защитных поясов серединой VI в. до н. э.

Уже в VI в. до н. э. пояса были обычны для скифов и входили в состав специфически скифского убранства. По наличию пояса можно было даже отличать скифа от нескифа. Об этом очень красочно рассказывает Лукиан Самосатский в новелле «Скифский гость». Токсарис, долго живший в Греции, легко узнал в приехавшем в Афины Анахарсисе скифа. «А Анахарсису откуда можно было бы признать в нем (Токсарисе. — Е. Ч.) земляка, когда он был одет по-эллински, с выбритой бородой, без пояса (курсив наш. — Е. Ч.) и без оружия...»².

Для скифов пояс был одним из древнейших предметов снаряжения, и вовсе не случайно, конечно, что наряду с плугом, ярмом, топором и чашей он упоминается среди божественных даров в старейшей скифской генеалогической легенде.

¹ А. П. Манцевич. О скифских поясах, стр. 27.

² ВДИ, 1948. № 1, стр. 303.

Требует пересмотра и нижняя дата применения поясов. В качестве самой поздней находки этого рода А. П. Манцевич приводит доспех из Александровского кургана, датирующегося III в. до н. э.¹ Однако среди инвентаря погребений мавзолея Неаполя Скифского (рубеж II—I вв. до н. э.—I в. н. э.), правда, в очень небольшом количестве найдены железные чешуйки, а также фигурные пластины, по форме и размерам близкие к деталям более ранних наборов. Незначительное количество их в названном памятнике Н. Н. Погребова совершенно справедливо объясняет изменением традиций. В это время, по ее словам, металлом покрывали не весь пояс сплошь, а набивали только несколько пластинок, может быть, спереди, по бокам «пряжки»².

Портупейные пояса были единственным приспособлением для ношения предметов вооружения, использовавшимся в Скифии. С предположением Б. Е. Дегена о применении для этих же целей наплечных портупей³ согласиться нельзя. Оно основано только на некотором внешнем сходстве парных бронзовых колец из могильника VII—VI вв. до н. э. у с. Требениште (Болгария) с кольцами, иногда встречающимися в погребениях IV—III вв. до н. э. на территории Европейской части СССР. В нескольких погребениях могильника у с. Требениште парные кольца были найдены рядом с мечами «тяжелого типа»⁴. Опубликовавший эти погребения Б. Филов ограничился только замечанием, что назначение этих колец неясно⁵. Б. Е. Деген же считал, что они входили в состав наплечной портупей. Вероятно, с этим можно согласиться. Но для подобного объяснения функционального назначения колец из курганов нашего юга нет достаточных оснований. Большинство их происходит из разграбленных при ограблении комплексов. Б. Е. Деген отметил ненарушенное положение колец лишь в трех погребениях: у станицы Марьевской на Кубани, у сел Мастюгино (курган № 5) и Кириковка (курган № 12). Примечательно, что в двух первых случаях они находились у шеи женского и детского погребений вместе с различными украшениями. Б. Е. Деген объясняет это явление как «...вторичное, пережиточное использование предметов, вышедших из употребления в живом быту»⁶.

В то время как портупейные кольца из Фракии сделаны из бронзы, названные выше кольца, «против обыкновения», как заметил Б. Е. Деген, золотые или электровые. Можно было бы принять мнение Б. Е. Дегена о вторичном использовании колец в качестве украшений, если бы первичное применение их в составе северопричерноморских портупей не вызывало сом-

нений. Но и это не так. Трудно поверить, что кольца, предназначенные для ношения тяжелых предметов вооружения, могли изготавливать из таких мягких материалов, как золото и электр.

Если в погребениях у Марьевской и Мастюгино, по мнению Б. Е. Дегена, подобные кольца использованы вторично, то «именно такое применение их (в составе портупей.— Е. Ч.) мы встречаем в Кириковском кургане»¹. Такой вывод также основан на недоразумении. И в этом случае кольца были найдены в составе инвентаря погребения подростка вместе с другими украшениями. В могиле вовсе отсутствуют предметы вооружения. Указание Б. Е. Дегена, что в кургане у Кириковки парные кольца были найдены «...при железном ноже (может быть, мече?) с костяной рукоятью, где сохранились и остатки ремня»², не совсем точно соответствует описанию погребения, сделанному автором раскопок кургана Е. Мельник. Они входили в группу предметов, названную ею «украшениями конского убора», и находились по обе стороны массивной бусины из горного хрусталя. С бусиной их связывал ремешок, продетый сквозь отверстие в ней. Рядом с «украшениями конского убора» лежал «железный кривой ножик с костяной рукоятью, прикрепленной гвоздиками»³. Этот обычный ножик с горбатой спинкой даже предположительно (как это сделал Б. Е. Деген) нельзя рассматривать в качестве меча. Не могут быть частями портупей и «остатки ремня», отмеченные Б. Е. Дегеном. Это тонкий ремешок, на котором висели кольца и бусина. Маленькие ножи никогда на портупее не носились.

Скорее всего, кольца из кургана у Кириковки, как и кольца из Мастюгино и Марьевской, были сделаны из электра — «белого бронзового сплава», по словам Е. Мельник⁴.

Все это не позволяет согласиться с предположением Б. Е. Дегена об использовании скифами для ношения оружия наплечных портупей.

Боевые пояса в Скифии получили широкое распространение. Известно более 90 их находок, почти равномерно распределяющихся по всей территории Скифии. Их нет только в курганах Подолни, бассейнах Ворсклы и Сев. Донца. За пределами самой Скифии они известны лишь в памятниках Нижнего Дона и Северного Кавказа. Пояса, покрытые металлическим набором, подобно панцирям, акинакам, копьям, луку и секире, были общескифскими предметами вооружения.

Часто боевые пояса находят в погребениях, где имеются и остатки панцирей (Кирово, Мелитопольский курган, Щучинка, Солоха, Александрополь, Волковцы и многие другие). Как и панцири, они составляли обязательную принадлежность доспеха тяжеловооруженного конника.

¹ А. П. Манцевич. О скифских поясах, стр. 27.

² Н. Н. Погребова. Указ. соч., стр. 59.

³ Б. Е. Деген. О «загадочных предметах» из скифских погребений.— КСИИМК, вып. 7. М., 1941.

⁴ Б. Е. Деген. Там же, стр. 40, рис. 28.

⁵ Там же, стр. 96.

⁶ Там же.

¹ Б. Е. Деген. Указ. соч., стр. 96.

² Там же.

³ Е. Мельник. Раскопки курганов в Харьковской губ. в 1900—1901 гг.— Тр. XII АС, т. I, стр. 714.

⁴ Там же, стр. 715.

Шлемам скифского времени посвящена большая работа Б. З. Рабиновича. В ней описаны и классифицированы почти все доспехи этого рода, известные ко времени написания статьи. Автор собрал и ввел в научный оборот группу шлемов VI в. до н. э., в большинстве своем найденных на Кубани, очень убедительно показав их местное, негреческое происхождение¹.

Разделение на определенные типы шлемов, происходящих с территории нашей страны, которое предложил Б. З. Рабинович, было принято большинством исследователей. Но изучение доспехов, находящихся в музейных собраниях, знакомство с новыми находками дало возможность внести существенные коррективы в разработанную им типологию.

Уже после опубликования работы Б. З. Рабиновича было найдено несколько новых шлемов различных типов. Появился ряд публикаций, в которых наряду с описанием находок рассматриваются некоторые частные вопросы, связанные с этим видом вооружения².

К сожалению, несколько шлемов еще не опубликовано. Это доспехи из с. Кардашинка под Херсоном, из кургана, раскопанного Е. Н. Черепановой у с. Надежда в Крыму, и аттический шлем, найденный при случайных обстоятельствах на р. Пхье — притоке Верхней Лабы на Северном Кавказе³, а также античный шлем из сарматского погребения в Астраханской области. Исключительный интерес представляет найденный О. Г. Шапошниковой в кургане второй половины V в. до н. э. у с. Новорозановка железный наборный шлем.

В настоящее время на территории СССР известно 62 находки шлемов скифского времени (рис. 39). Лишь около половины их входит в состав погребальных комплексов, остальные найдены при случайных обстоя-

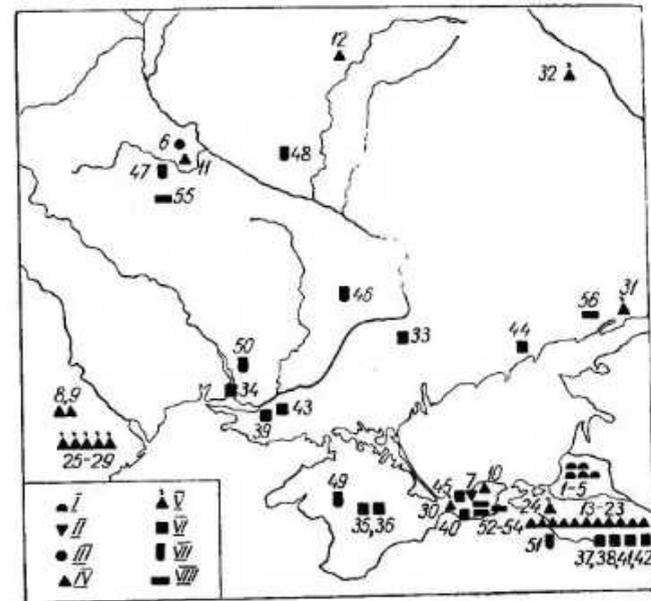
¹ Б. З. Рабинович. Шлемы скифского периода. — ТОИПК, т. 1. Л., 1941.
² Б. Луни. Археологические находки 1935—1936 гг. в окрестностях ст. Тульской и Темнолесской близ Майкопа. — ВДИ, 1939, № 3; И. И. Копылов. Находка скифского шлема в Семиречье. — УЗААП, т. XIV. Серия общественно-политическая. Алма-Ата, 1955; Е. Е. Кузьмина. Бронзовый шлем из Самарканда. — СА, 1958, № 4; П. А. Дитлер. Аттический шлем из станицы Темнолесской. — СА, 1964, № 1; Г. П. Сергеев. Олонештский античный клад. — ВДИ, 1966, № 2; Е. В. Черненко. Аттический шлем в Посуля. — Археология, т. XIX; Е. В. Черненко. Н. В. Пятшова. Железная маска из Херсонеса (рецензия). — СА, 1966, № 4; Е. В. Черненко. О шлеме из Нимфея. — СА, 1966, № 4.

³ Сужу о нем по любезному сообщению Н. В. Анфимова.

Рис. 39. Схема находок шлемов.

I — кубанские; II — халкидский; III — коринфский; IV — аттические; V — фракийские; VI — подвергшиеся перделке; VII — чешуйчатые; VIII — неопределенные.

1—3 — Келермесская; 4, 5 — Крымская; 6 — Ромейковна; 7, 40, 54 — Нимфей; 8, 9, 25—28 — Олонешты; 10 — Кекуватский; 11 — Пастырское; 12 — Волковцы; 13—16 — Курджипс; 16 — Краснодар; 17 — Анапа; 18 — Мезмай; 19 — Золотая гора; 20 — Темнолесская; 21 — Пхье; 22 — Кутанс; 23 — Сухуми; 24 — Большая Близница; 29 — Бубуй; 30 — Керчь; 31, 56 — Елизаветовская; 32 — Мясногори; 33 — Союха; 34 — Ольвия; 35 — Надежда; 36 — Талаевский курган; 37 — Елизаветинская; 38 — Майкоп; 39 — Каменка; 41 — Дажговская; 42 — Владиканка; 43 — Кардашинка; 44 — Жданов; 45 — Керчь; 46 — Каменная Могила; 47 — Журовка; 48 — Веремевка; 49 — Чистополье; 50 — Новорозановка; 51 — Васюрна гора; 52 — Куль-Оба; 53 — Керчь (Митридат); 55 — Рыжановка.

ствах. Уникальным является клад предметов вооружения из Олонешт (Молдавия), в котором находилось шесть шлемов аттического и фракийского типов.

Подавляющее большинство шлемов происходит с территории Северного Причерноморья и Северного Кавказа. Лишь архаические шлемы кубанского типа проникают на восток от Волги вплоть до Средней Азии. Головные доспехи античных типов также известны только в Северном Причерноморье и на Северном Кавказе, лишь один из них происходит с территории Нижнего Поволжья (курган № 1 у с. Никольское Енотаевского района Астраханской области)¹.

Все известные нам шлемы можно подразделить на несколько основных типов (рис. 40). К VI в. до н. э. относятся шлемы, названные Б. З. Рабиновичем «кубанскими». Начиная с V в. до н. э. входят в употребление импортные шлемы античных типов — халкидские, коринфские, аттические и «фракийские». Особую группу образуют шлемы различных импортных типов с удаленной нижней развитой частью. Использовались и шлемы, набранные из отдельных пластин. Подробно описаны Б. З. Рабиновичем шлемы из Мерджан, станицы Ахтанизовской и, возможно, из Буеровой могилы, происхо-

¹ В. П. Шилов, И. П. Засецкая, Л. П. Маловицкая. Работы в Нижнем Поволжье. — Археологические открытия 1965 г. М., 1966, стр. 87.

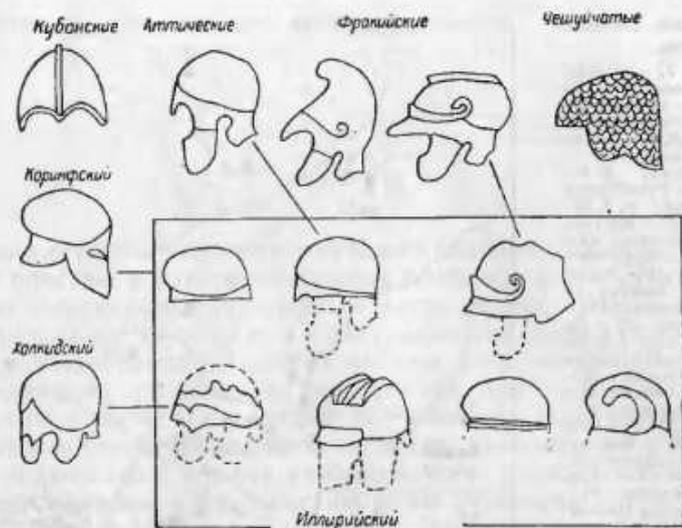

Рис. 40. Типы шлемов.

Рис. 41. Шлем из Самарканда.

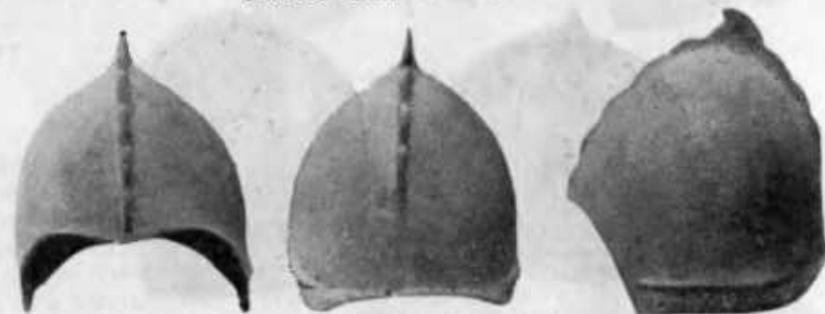

Рис. 42. Шлем из Кысмычи.

дят из поздних комплексов. Типологически они стоят ближе к шлемам сарматского времени, поэтому опущены в настоящей работе. Мы не рассматриваем здесь также вопросы, связанные со шлемами доскифских типов, найденных в с. Кременна на Подолни и в могильнике Фаскау в Осетии¹, так как они и хронологически, и типологически выходят за пределы разрабатываемой темы.

Кубанские шлемы. К типу ранних Б. З. Рабинович отнес девять массивных литых шлемов. Он назвал их кубанскими по месту большинства находок. Однако это название не было принято в археологической литературе. М. П. Грязнов называет подобные шлемы раннескифскими², Е. Е. Кузьмина — архаическими скифскими³. Оба эти названия неправомерны хотя бы потому, что шлемы этого типа в самой Скифии неизвестны. Не менее неудачны названия, производимые от формы шлемов: «горшковидные», предложенное К. Ф. Смирновым⁴, и «котловидные» — С. С. Черниковым⁵.

Следует, очевидно, согласиться с введенным Б. З. Рабиновичем названием «кубанские», так как все принятые в литературе названия головных доспехов обычно происходят от названия местности, где предполагается их первоначальное или основное производство.

Сейчас известно 11 шлемов этого типа. Об обстоятельствах находок двух из них (хранятся в ГИМ) нет никаких данных. Глухие сведения имеются о шлеме, найденном где-то в верховьях Иртыша. Пять шлемов происходят из курганов VI в. до н. э., раскопанных в долине Кубани¹ (у станиц Келермесской и Крымской). Один шлем найден в Поволжье (Старый Печур), два — в Средней Азии (у Самарканда и на территории городища Кысмычи Джамбульской области; рис. 41, 42).

В литературе получило распространение ошибочное мнение, что шлемов этого типа имеется больше, чем описано в работе Б. З. Рабиновича.

¹ Не исключено, что шлем из раскопок И. А. Хойновского происходит с днепровского Правобережья. На выставке Киевского общества древностей и искусств в 1897 г. он находился среди бронзовых предметов из коллекции И. А. Хойновского (Указатель выставки Киевского общества древностей и искусств 1897 г. К., 1897, стр. 17, № 539). Эта коллекция состояла из нескольких десятков предметов. Для подавляющего большинства их указаны места находок. Все они происходят из курганов днепровского лесостепного Правобережья.

¹ Б. З. Рабинович. Указ. соч., стр. 103—105, рис. 1, табл. 1, 1.

² М. П. Грязнов. Памятники майэмвирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае.— КСИИМК, вып. 18. М., 1947, стр. 12.

³ Е. Е. Кузьмина. Указ. соч., стр. 120.

⁴ Е. Ф. Смирнов. Вооружение сарматов, стр. 73.

⁵ С. С. Черников. Загадка Золотого кургана. М., 1965, стр. 106.

Рис. 43. Кубанские шлемы.
1 — собрание ГИМ; 2 — станица Келермесская.

А. И. Мелюкова и К. Ф. Смирнов, помимо найденных и опубликованных в недавнее время доспехов из Средней Азии, относят к ним шлем, найденный, по сообщению М. П. Грязнова, в горах Алтая¹. Это основано на явном недоразумении. Простое сравнение шлема из Западной Сибири и шлема, помещенного в работе М. П. Грязнова, показывает их полное тождество. Несомненно, что это одна и та же находка. Ошибкой является также упоминание Е. Е. Кузьминой и А. И. Мелюковой (со ссылкой на Е. Е. Кузьмину) факта находки шлема подобного же типа в савроматском погребении кургана Черная Гора у с. Абрамовка Оренбургской области.

Лучшие образцы шлемов кубанского типа происходят из раскопок Д. Г. Шульца и Н. И. Веселовского у станицы Келермесской, а также Н. И. Веселовского и И. Хойновского у станицы Крымской². Все они близки между собой. Для примера опишем шлем из келермесского кургана, раскопанного Н. И. Веселовским.

¹ К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов, стр. 75; А. И. Мелюкова. Вооружение скифов, стр. 76.

² И. Хойновский. Археологические сведения о предках славян и Русн. К., 1896, стр. 60, табл. III.

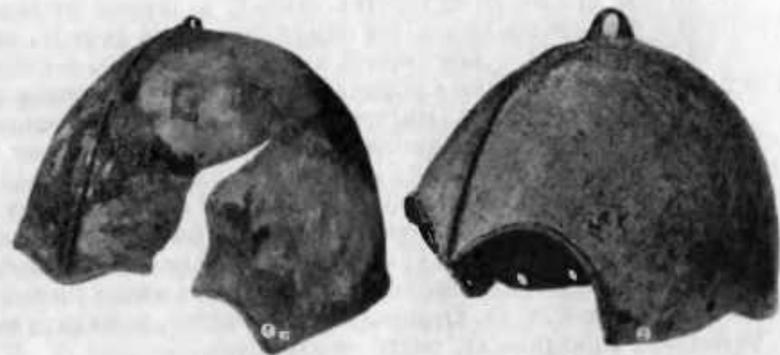

Рис. 44. Кубанские шлемы из станицы Келермесской.
1 — раскопки Д. Г. Шульца; 2 — раскопки Н. И. Веселовского.

Форма доспеха довольно точно передает форму головы (рис. 43,2). В передней его части имеется небольшой вырез, окаймленный дугами, сходящимися к переносице. Небольшой вырез в задней части имеет прямоугольные очертания и окаймлен валиком. Такой же валик проходит по оси шлема и вдоль его боков. В верхней части доспеха имеется невысокий конический выступ, а вдоль краев в боковых и задних частях просверлены отверстия диаметром 6,5 мм. Высота шлема 17,3 см, длина 23 см, ширина 18 см. Толщина стенок колеблется в пределах 3—3,5 мм. Вес — 1,9 кг.

Различаются шлемы описываемого типа лишь некоторыми второстепенными деталями. Не у всех есть рельефные валики, проходящие по бокам и в задней части. У некоторых экземпляров вместо конического выступа вверху имеется круглое кольцо (рис. 44). Иногда отсутствует прямоугольный вырез сзади. Высота доспехов 15—20,5 см, длина 17—18 см, ширина 17—18 см, вес 1,6—1,9 кг.

Б. З. Рабинович высказал предположение, что большие отверстия, пробитые вдоль краев шлема, служили не только для крепления мягкой подкладки, без которой ношение доспеха было просто невозможно, но и кожаных или войлочных нащечников и назатыльников, очевидно, имевших покрытие из металлических чешуй. Правомность такого предположения подтверждается находкой в кургане у станицы Крымской чешуйчатых железных частей шлема, защищавших щеки и затылок. Вероятно, через эти отверстия к шлему с помощью заклепок крепились также тяжелые наборные части доспеха — своеобразные бармицы. На одном из келермесских доспехов этого типа сохранились заклепки.

В работе Б. З. Рабиновича приведено описание и схема реконструкции техники изготовления шлемов кубанского типа, которую предложил М. П. Грязнов.

Из того факта, что на поверхностях шлемов не видно следов швов, М. П. Грязновым был сделан вывод, что они отливались в формах, состоявших только из двух частей — внутренней и внешней. Однако мы не можем согласиться с этим утверждением. Скорее всего, при отливке шлемов использовалась трехчастная форма¹. Внутренняя створка ее была сплошной, а внешняя состояла из двух симметричных частей. Вероятно, этим можно объяснить обязательное наличие почти на всех шлемах рельефного валика — следа литейного шва, проходящего по оси шлема. В пользу мнения об использовании для отливки шлемов кубанского типа более сложной формы, чем та, которую предполагал М. П. Грязнов, говорит и наличие на некоторых доспехах ушка, находящегося в верхней части. Отлить такое ушко в сложной форме из трех частей легко. Отливка же его в форме, реконструируемой М. П. Грязновым, практически почти невозможна.

И. Хойновский, описывая шлем из станицы Крымской, указал, что он был украшен золотой тисненной диадемой². Еще Л. А. Мацулевич обратил внимание на то, что отдельные части этой диадемы, безусловно, составлены из разновременных частей. Самые ранние из них, по его мнению, датируются лишь III в. до н. э. Б. З. Рабинович с сомнением отнесся также и к достоверности факта находки золотой диадемы, инкрустированной янтарем, на шлеме из келермесского кургана, раскопанного Д. Г. Шульцем³. В этом с ним не соглашается А. П. Манцевич. В подтверждение своего мнения она привела, на наш взгляд, не совсем убедительные доказательства. Не подкрепляет ее доводов и ссылка на широко распространенный в микенское время обычай украшать шлемы клыкками⁴. На микенских шлемах этой группы клыкки не являлись украшениями, а выполняли защитные функции. Поэтому ими была убрана не часть поверхности доспеха, а весь шлем.

Б. З. Рабинович на основании находок в келермесских курганах уверенно датировал шлемы кубанского типа VI в. до н. э. Однако в последнее время в литературе были сделаны попытки пересмотра этой датировки. Е. Е. Кузьмина датировала шлем из Самарканда не только VI, но и V вв. до н. э.⁵, а Л. П. Семенов и И. И. Копылов распространили время бытования доспехов этой группы на VI—IV вв. до н. э.⁶ С этим никак нельзя согласиться. Ведь во всех этих случаях попытки изменения датировок Б. З. Рабиновича основаны на находках шлемов, обнаруженных случайно, вне комплекса.

¹ Пользуюсь случаем, чтобы выразить признательность Б. А. Шрамко за консультацию по этому вопросу.

² И. Хойновский. Указ. соч., стр. 60, табл. III.

³ Б. З. Рабинович. Указ. соч., стр. 109, 112.

⁴ А. П. Манцевич. Золотой венец из кургана на р. Калитве.— ИБАИ, т. XXI. София, 1959, стр. 64 и сл.

⁵ Е. Е. Кузьмина. Указ. соч., стр. 124.

⁶ Л. П. Семенов. Шлемы из Северной Осетии.— КСИИМК, вып. 57. М., 1955, стр. 62; И. И. Копылов. Находка скифского шлема..., стр. 302.

После VI в. до н. э. шлемы кубанского типа не использовались. Лишь по поводу одного из них — шлема, происходящего из раскопок И. А. Хойновского у станицы Крымской, — Н. В. Пятыхшева высказала мнение, что он был найден в сарматском погребении III в. до н. э., где использовался «как реликвия или талисман, наделенный религиозно-мистическим значением»¹. В подтверждение этого Н. В. Пятыхшева ссылается на «вполне обстоятельное», по ее мнению, описание погребения, сделанное автором раскопок.

С этим также нельзя согласиться. Совершенно очевидно, что И. А. Хойновский не разобрался в раскопанном им памятнике. Еще Б. З. Рабинович справедливо отметил, что, несомненно, мы имеем здесь дело с двумя погребениями — основным (VI в. до н. э.) и впускным — сарматским. Из описания И. А. Хойновского совершенно ясно, что шлем был найден в основном погребении. Невозможность отнесения всего инвентаря погребения к III в. до н. э. убедительно подтверждается находкой в основном погребении железного меча с бронзовой рукояткой и бронзового дротика (?). Объяснять и эти предметы как «реликвии» или «талисманы» нет никакого основания.

Нам представляется возможным поставить вопрос о более раннем, чем предлагает Б. З. Рабинович, времени появления кубанских шлемов.

В 1895 г. при случайных раскопках у станицы Махосhevской был обнаружен интересный комплекс, состоящий из бронзовых наверший, удилов кубанского типа и псалиев². Кроме этих материалов, как сообщает М. И. Ростовцев, там находился и характерный греческий шлем³. Интересно, что «греческими» М. И. Ростовцев всегда называл кубанские шлемы из келермесских курганов: «два греческих бронзовых шлема», «греческий шлем»⁴, «бронзовый шлем чистой греческой формы» («a bronze helmet of pure Greek shape») ⁵. В случае верности данных М. И. Ростовцева о находке шлема у станицы Махосhevской⁶, мы имеем дело, скорее всего, также со шлемом кубанского типа. Весь же комплекс, найденный у Махосhevской, датируется VIII—VII вв. до н. э.⁷

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы не дают оснований предполагать применение в VI в. до н. э. шлемов каких-либо иных типов кроме кубанских. Лишь А. П. Манцевич высказала предположение об использова-

¹ Н. В. Пятыхшева. Железная маска из Херсонесса. М., 1964, стр. 22.

² А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки.— МИА. № 23. М., 1951, стр. 117.

³ М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 319.

⁴ Там же, стр. 314, 317.

⁵ M. Rostovtzeff. Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, 1922, стр. 49.

⁶ Следует, однако, отметить, что кроме М. И. Ростовцева ни один из авторов, писавших о махосhevском комплексе, не упоминает о находке шлема.

⁷ А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки, стр. 117; его же. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе.— ВССА. стр. 60—62.

нии в Северном Причерноморье в это время наряду с кубанскими также «колоколовидных» шлемов, производство которых, по ее мнению, сосредоточивалось в Семиграде. Этот вывод был сделан главным образом на основании находки в кургане у Калитвы золотого «венца», являющегося, по предположению А. П. Манцевич, украшением колоколовидного шлема. Как пример «колоколовидных» защитных головных уборов А. П. Манцевич приводит шлемы из Хайдубесерменя (Венгрия) и Зельсдорфа (Германия). Диаметр первого из них 24,5 см, диаметр второго не указан автором, приведена только его высота — 26 см¹.

Утверждение, что эти шлемы круглые, явилось, пожалуй, важнейшим доводом в пользу мнения о связи почти круглого золотого «венца» из Калитвы со шлемом. Однако все колоколовидные шлемы, как, впрочем, и все остальные, имеют не круглую, а эллипсоидную форму. Это хорошо видно на примерах тех же колоколовидных шлемов. Большая подборка шлемов этого типа, обнаруженных на территории Венгрии, опубликована в одной из работ А. Можолитч. Согласно ее данным, они имеют следующие размеры: шлем из Кишкесеча — 23,5 × 19,5 см, из Надотетены — 22,3 × 20,7 см, из Хайдубесерменя — 23,8 × 20,6 см, из Эндрёда — 23,2 × 19 см, из Ченге — 27,5 × 22 см².

Приведенные А. Можолитч действительные украшения шлемов этого типа в виде лент принципиально отличаются от «венца» из Калитвы. Очень отдаленное сходство с ним имеют и другие диадемы, привлеченные А. П. Манцевич в подтверждение своего мнения. Они хорошо известны в памятниках бронзового века Венгрии³. Многие из них отличаются небольшими размерами. Уже одно это делает невозможным использование их в качестве нащельных украшений. Орнаментация внутренней поверхности «венца» из Калитвы золотой витой веровочкой также противоречит мысли о том, что он мог служить украшением шлема.

Все это позволяет с уверенностью утверждать, что вопрос о применении в Скифии колоколовидных шлемов в настоящее время не может иметь положительного решения.

Коринфские шлемы. Единственный экземпляр шлема несомненно коринфского типа был найден в кургане у с. Ромейковка⁴. Он является великолепным образцом коринфских шлемов в их развитой форме.

В шлеме четко разграничены две части — верхняя, защищающая че-

репную коробку, и нижняя, прикрывающая лицо и бока головы. Нашечники выступают вперед, края их, вероятно, были заострены. Основные отверстия окружены прочерченными линиями. Две линии на лбу имитируют брови (рис. 45, 5).

По мнению Б. З. Рабиновича, шлему из Ромейковки близок шлем из кургана, раскопанного Н. И. Веселовским в 1913 г. у станицы Елизаветинской¹. Остатки его хранятся в Эрмитаже (№ КУ 4/191). Доспех был найден в сильно фрагментированном состоянии. Это во многом затрудняло решение вопроса о его типологии. Б. З. Рабинович отметил ряд особенностей случайного характера, отличающих этот шлем от шлемов коринфского типа — отсутствие нашечников, нижней части, глазных вырезов, наличие бортика, проходящего у края.

Осмотр остатков шлема показал неубедительность доводов Б. З. Рабиновича в пользу отнесения этого шлема к коринфскому типу. Скорее всего, это аттический шлем, у которого утеряна нижняя часть.

Несмотря на то, что находка коринфского шлема в Северном Причерноморье единственная, не следует, очевидно, делать вывод о вообще редком применении доспехов рассматриваемого типа на этой территории. Коринфский шлем надет на всаднике солохского гребня (рис. 21, 22). Голова большой статуи воина в коринфском шлеме, сделанная из местного известняка (рис. 45, 6), была найдена в Керчи².

По любезному сообщению И. Д. Марченко, в Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина хранится найденная в окрестностях Фанагории в 1967 г. Г. И. Соколовым известняковая массивная голова воина в коринфском шлеме, близкая голове из Керчи.

Халкидский шлем. Единственный шлем этого типа (рис. 45, 1) был найден в богатом погребении воина из 16-й гробницы в некрополе Нимфея, раскопанной в 1876 г.³

Многие черты сближают халкидские шлемы с аттическими (форма верхней части, стрельчатые углубления в лобной части, форма назатыльника и наносника). Отличие состоит лишь в наличии неподвижных нашечников, составляющих со шлемом одно целое. Иногда отсутствует наносник, обязательный в аттических шлемах.

Аттические шлемы получили очень широкое распространение в античном мире в V—III вв. до н. э. На территории Северного Причерноморья и Северного Кавказа найдено 17 таких доспехов. Большинство их происходит с территории Северного Кавказа. Кроме шлемов, включенных в работу Б. З. Рабиновича, в недавнее время здесь найдено еще два их

¹ Б. З. Рабинович. Указ. соч., стр. 137.

² А. П. Иванова. Новая скульптурная находка в Керчи. — КСИМК, вып. 23. М., 1948.

³ Б. З. Рабинович. Указ. соч., стр. 133—139; Л. Ф. Силантьева. Некрополь Нимфея. — МИА, № 69. М., 1959, рис. 46.

¹ А. П. Манцевич. Золотой венец из кургана на р. Калитве, стр. 63.

² A. Mozsolics. Neuere hallstattzeitliche Helmfunde aus Ungarn. AA, v. V. Budapest, 1955, стр. 35—42.

³ P. Patay. Egy miniatűr bronz diadém. — Archaeologiai éretesito. vol. 94. № 1. Budapest, 1967, стр. 57.

⁴ И. Фундуклей. Обзорение могил, валов и городищ Киевской губернии. К., 1848, стр. 13, 72, табл. XVI.

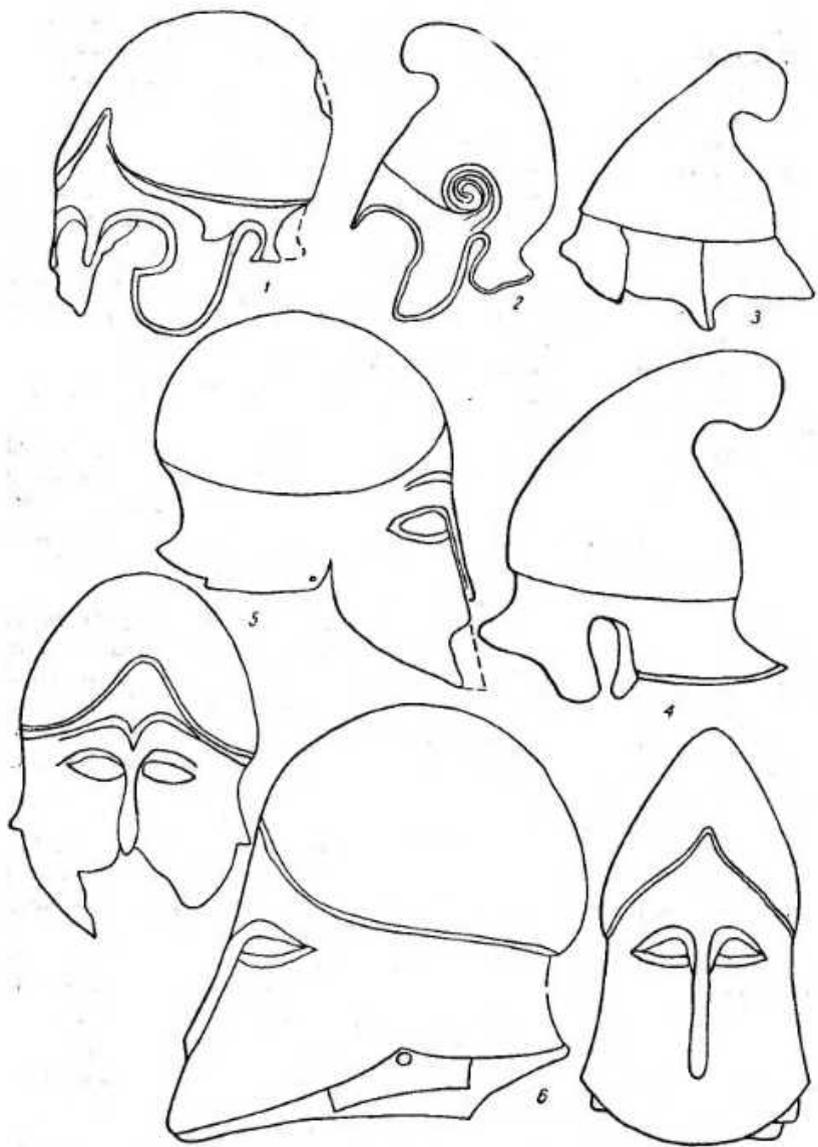

Рис. 45. Шлемы античных типов.

1 — Нимфей; 2 — Большая Блианица; 3, 4 — Олонешты; 5 — Ромейковка; 6 — каменная голова из Керчи.

экземпляра. Шлем из станции Темнолесской издан П. А. Дитлером¹. Публикацию шлема, обнаруженного на р. Пхие, подготовил Н. В. Анфимов.

Аттические шлемы обязательно имеют назатыльник, наносник и висящие на шарнирах нащечники. Назначение этих деталей как дополнительных средств защиты головы воина очевидно. Тем более странными выглядят попытки Н. В. Пятышевой трактовать их то как маску, то как антропоморфное забрало, то как декоративный элемент, которому придан апотропический смысл².

Некоторые экземпляры шлемов этого типа имеют прочерченный орнамент на наноснике, надбровных вырезах и назатыльнике. В верхней части их иногда находится накладка с ушками для крепления украшения. Изредка вдоль края шлема проходит резной орнамент.

Одним из лучших образцов доспехов этого типа является шлем из кургана № 4 в ур. Галушино близ с. Пастырское (рис. 46, 1). В литературе с ним связано много ошибок как в определении места находки, так и количества шлемов, происходящих отсюда. П. А. Дитлер указывает, что шлем был найден в кургане, раскопанном в ур. Галущенко³, А. И. Мелюкова называет это урочище селом⁴, а Н. В. Пятышева говорит о находке в этом месте не одного, а двух доспехов — одного в ур. Галушино, а другого — у с. Пастырское⁵.

Все шлемы аттического типа, известные по находкам на территории Северного Причерноморья, различаются между собой лишь второстепенными, несущественными деталями. Суммарная их датировка IV в. до н. э. вряд ли может быть изменена при использовании лишь имеющегося сейчас в нашем распоряжении материала. Попытка П. А. Дитлера на основании частных особенностей отдельных шлемов дать более дробную их датировку⁶ не может быть признана удачной. Едва ли это можно будет сделать даже после анализа всего комплекса, в состав которого входит тот или иной шлем. Ведь сам он может быть несколько старше остальных находок. Да и комплексов, в состав которых входят достаточно хорошо сохранившиеся экземпляры шлемов, не так уж много. Это курганы в бывшем имении Кекуватского, у сел Пастырское и Волковцы. В последнем случае шлем (рис. 46, 2) известен лишь благодаря акварельному рисунку В. В. Хвойки⁷. Подавляющее же большинство известных нам аттических шлемов найдено при случайных обстоятельствах, вне комплексов, и поэтому не может быть использовано для уточнения хронологии.

¹ П. А. Дитлер. Указ. соч.

² Е. В. Черненко. Н. В. Пятышева. Железная маска..., стр. 219.

³ П. А. Дитлер. Указ. соч., стр. 317—318.

⁴ А. И. Мелюкова. Вооружение скифов, стр. 77.

⁵ Н. В. Пятышева. Указ. соч., стр. 21.

⁶ П. А. Дитлер. Указ. соч., стр. 317—320.

⁷ Е. В. Черненко. Аттический шолом з Посулья.

Рис. 46. Аттические шлемы.

1 — Пастарское; 2 — Волковца; 3 — Темнолесская

Вызывает удивление то обстоятельство, что доспехи этого типа, намного чаще других встречающиеся среди находок, не известны на предметах торевтики. Поэтому особый интерес представляет скифская стела из собрания Донецкого музея¹, где на воине надет характерный аттический шлем. Это пока что единственное изображение воина в головном доспехе в скифской монументальной скульптуре (рис. 4).

Фракийские шлемы были выделены Б. Шредером на основании изучения доспехов крупных европейских музейных собраний². Помимо

¹ О. К. Тахташ. Указ. соч.

² В. Schöder. Thrakische Helm. — Jahrbuch des k. deutschen archäologischen Instituts, v. XXVII. Berlin, 1912.

них в сводку были включены известные ко времени написания статьи несколько шлемов из курганов Северного Причерноморья (Нимфей, Керчь, Большая Близница). Б. З. Рабинович полностью согласился с мнением Шредера об этих шлемах как фракийских. Им же была существенно пополнена сводка Шредера за счет доспехов из станицы Елизаветовской, Каменки и Бубуя, а также выделены как поздний вариант фракийских шлемов доспехи из Мерджан и станицы Ахтанизовской.

Однако объединение всех этих шлемов в одну группу встречает возражение. Если и можно согласиться с отношением доспехов из Большой Близницы, Керчи, Бубуя и Елизаветовской к фракийским, то шлемы из Каменки, Нимфея, Ахтанизовской и Мерджан включены в эту группу, по нашему мнению, явно ошибочно.

Найденные на территории СССР шлемы фракийского типа можно разделить на две группы. В первую из них входят шлемы из Большой Близницы (рис. 45, 2), Мастюгино и часть шлемов из Олонешт, а во вторую — доспехи из Бубуя, Керчи и Елизаветовской

Правомочность объединения шлемов обеих групп в один тип подтверждается изображением шлема на рельефе «саркофага Александра» из Сидона, относящемся к IV в. до н. э. Он имеет признаки обеих групп — выступающий вперед гребень, сближающий его со шлемами из Большой Близницы и Олонешт, козырек, назатыльник, нащечники и волюты на боках, как у шлемов из Керчи, Бубуя и Елизаветовской¹.

Шлемы первой группы напоминают фригийские колпаки с наклоненным вперед гребнем. Иногда они имеют небольшой наносник (Большая Близница). Нащечники, как правило, подвижные (Большая Близница, один шлем из Олонешт). Часто они вообще отсутствуют (два других шлема из Олонешт, ряд шлемов в подборке Шредера)². У всех шлемов есть назатыльник.

Характеризуя доспехи этой группы, входившие в состав Олонештского клада, Г. П. Сергеев отметил близость верхней их части фригийскому колпаку, а нижней — аттическому шлему. На этом основании он предложил отказаться от названия фракийские, употребляя впредь термин фригийско-аттические³. Едва ли можно с этим согласиться. Если близость формы этих шлемов фригийскому колпаку безусловна, то утверждение о аналогичности нижней их части форме аттического шлема основано на явном недоразумении. С аттическими эти шлемы сближает только форма назатыльника (отметим, что такие же назатыльники имеют и халкидские шлемы). Но различий у них гораздо больше, чем общего. Для аттических шлемов обязательны наносник и нащечники, вовсе не характерные для фракийских. Нет их, в частности, и на всех шлемах из Олонешт. Поэтому вслед за Б. Шредером и Б. З. Рабиновичем будем называть эти шлемы фракийскими.

¹ E. Akurgal. Die Kunst Anatoliens. Berlin, 1961, табл. 264.

² В. Schöder. Указ. соч., табл. 10, 1—3.

³ Г. П. Сергеев. Указ. соч., стр. 138.

Кроме простых шлемов, не имеющих никаких украшений (шлемы из Большой Близницы, два шлема из Олонешт; рис. 45, 2—4), выделяется группа роскошно украшенных парадных шлемов. Они хорошо представлены в работах Б. Шредера, Г. Иванова, И. Венедикова¹. Многие из них найдены на территории древней Фракии. К этой же группе относится шлем из Олонештского клада, богато украшенный в передней части изображением бородатого мужского лица, а по бокам — рельефными фигурками львов, готовых к прыжку.

Скорее всего, остатками парадного шлема фракийского типа являются пышно украшенные фрагменты тонких бронзовых пластин в виде изображения лба и волос человека с толстым слоем кожи под ними (рис. 53, 1, 2), происходящие из кургана № 2 у с. Мастогино². Они найдены вместе с другими предметами вооружения — поножами и колчанным набором. Опубликовавший весь комплекс Н. Е. Макаренко не высказал своего мнения об этих предметах. В работе П. Д. Либерава также приведены фотографии пластин без указания их назначения³.

К мнению об этих пластинах как частях парадного шлема фракийского типа пришла также А. П. Манцевич⁴. Однако она, на наш взгляд, ошибочно считает частями шлема (скорее всего, нащечниками) прямоугольные пластины с изображениями грифона. Нащечниками они быть не могут из-за своих больших размеров (16 × 8,5 см) и необычной для этих деталей формы. Кроме того, эти пластины абсолютно прямые, в то время как нащечники, как правило, слегка изогнуты.

В пользу трактовки некоторых пластин из Мастогино как деталей шлема свидетельствует частое применение в украшениях парадных фракийских шлемов элементов человеческого лица — волос, бороды, усов⁵.

Лучшим образцом шлемов второй группы является доспех из клада, обнаруженного при полевых работах в с. Бубуй (Молдавия), хранящийся ныне в ГИМ (№ 45301). По оси его проходит массивный гребень. Он начинается над лбом и доходит до затылка (рис. 47). Вперед выдается длинный козырек, отделенный от тулии заостренным ребром, переходящим в спираль на боках шлема. В задней части по основанию доспеха проходит невысокий рельефный валик. Назатыльник слегка отогнут и на боках мягко переходит

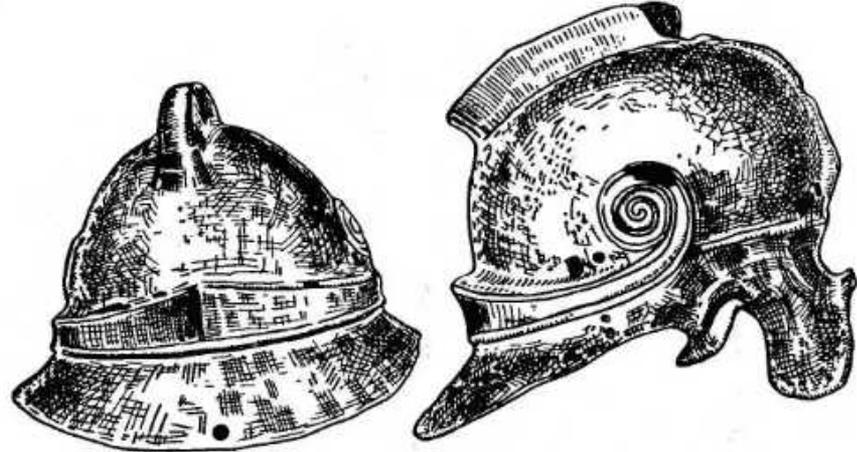

Рис. 47. Шлем из Бубуя.

в опускающиеся книзу продолговатые с закругленными углами выступы, защищавшие шею с боков. Неглубокий вырез для ушей сзади ограничен этими выступами, а спереди — округлой заостренной в передней части пластинкой. По краю шлема имеется небольшое утолщение.

Б. З. Рабинович при публикации доспеха изобразил его без нащечников, фрагменты которых, выкованные из тонкого листа бронзы, хранятся в ГИМ (рис. 48). Они были подвижными. В верхней части имеется петля для крепления к шлему, в нижней части изнутри пробито отверстие.

Близок по форме к бубуйскому роскошный железный шлем, украшенный серебряными фигурами, из кургана, раскопанного в 1834 г. в Керчи А. Ашиком¹.

Подвергшиеся переделке шлемы античных типов. Подробно описав шлемы кубанского («местного») типа, Б. З. Рабинович объединил в особую группу шлемы, названные им «поздними вариантами» местных. К ним он отнес шлемы, найденные в станице Даховской, Солохе, Талаевском кургане, Ольвии и Майкопе².

Названные доспехи во многом различаются между собой. Но для них характерно сохранение, хотя и в измененном виде, наглазных вырезов и ровно обрезанных краев без выступа по бокам и затылку для крепления нащечников. Внешне шлемы похожи на кубанские. Это и дало Б. З. Рабиновичу основание видеть в них «поздний вариант местного (кубанского.— Е. Ч.) типа». Отличаются они от кубанских, по мнению Б. З. Рабиновича, и техни-

¹ В. Schöder. Указ. соч., табл. 10, 5—6; Г. И. Иванов. Предпознано вьюжение на трактец от Асеновград.— Розкопки и проучвания, т. I. София, 1948, стр. 100, 107, рис. 69—70; I. Venedikov. Der Gesichtsmaskenhelm in Thrakien.— Eirene, v. I. Praha, 1960, табл. 14, 15.

² Н. А. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 гг.— ИАК, вып. 43. СПб., 1911, стр. 52—53, 64—65, табл. II—IV.

³ П. Д. Либерава. Памятники..., табл. 20, 3, 7, 11.

⁴ Доклад на заседании Отдела скифо-античной археологии ИА АН УССР в октябре 1966 г.

⁵ В. Schöder. Указ. соч., табл. 9, 5—10; 10, 4—5; I. Venedikov. Der Gesichtsmaskenhelm..., рис. 14, 15.

¹ Б. З. Рабинович. Указ. соч., стр. 152—154, рис. 23.

² Там же, стр. 128—135.

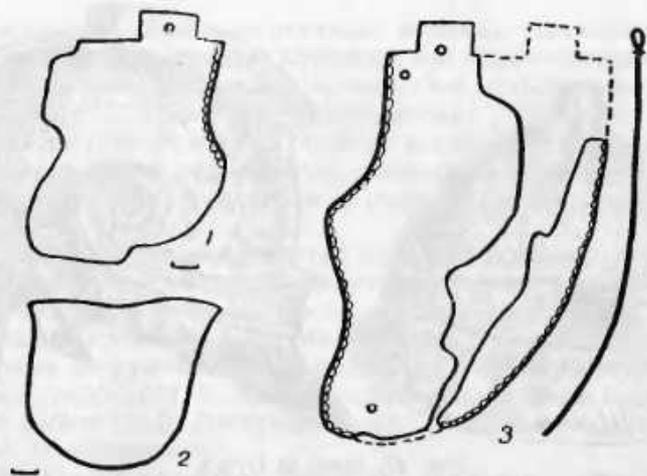

Рис. 48. Части шлема из Бубуя.

кой изготовления. Если все архаические (кубанские) шлемы литые, то эти (согласно Б. З. Рабиновичу) — кованные¹. Они представляют собой, по мнению Б. З. Рабиновича, «яркий пример скрещения местного типа с чужими формами»².

Детальное рассмотрение шлемов, объединенных Б. З. Рабиновичем в группу местных, а также использование несколько новых находок, не известных ему, позволило сделать вывод, что Б. З. Рабинович ошибся. Эти шлемы не являются примером «влияния греческих форм» на местные шлемы, образцом «проникновения греческих элементов не только во внешнее оформление предмета, но также и в его технику», они не «произведения скифских мастеров, усвоивших некоторые греческие технические приемы», как это считал Б. З. Рабинович, а являются результатом переделки греческих импортных шлемов различных типов.

А. П. Манцевич первой обратила внимание на ошибку Б. З. Рабиновича, отметив, что, по крайней мере, шлемы из Талаевского кургана и Солохи являются предметами ввоза и первоначально имели форму, близкую шле-

¹ Отметим, что мнение Б. З. Рабиновича об изготовлении всех этих шлемов ковкой ошибочно. Ниже будет показано, что описываемые доспехи являются результатом переделки шлемов античных типов. Как показал сделанный Б. А. Шрамко металлографический анализ шлема из кургана у с. Надежда, он был отлит в форме с последующей проковкой отдельных частей. Сам состав металла некоторых античных шлемов, по мнению Б. А. Шрамко, свидетельствует, что их невозможно было выковать из листа металла. Такой доспех можно было только отлить.

² Б. З. Рабинович. Указ. соч., стр. 134.

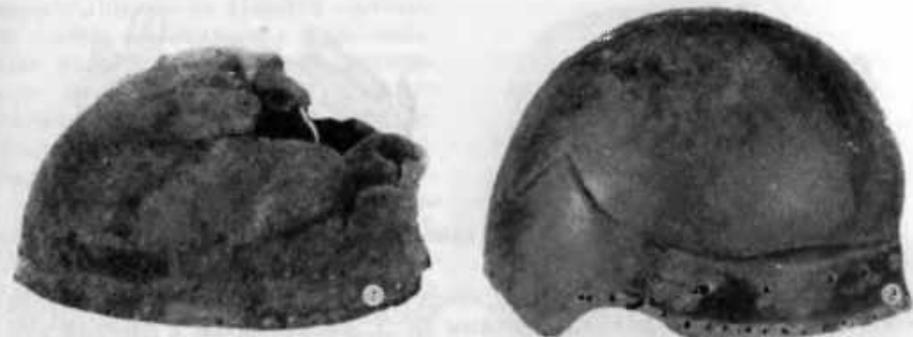

Рис. 49. Античные шлемы, подвергшиеся переделке.

1 — Майкоп; 2 — Солоха.

мам из Пастырского, усадьбы Кекуватского и Ольвии, у которых срезаны нащечники и назатыльники¹.

Однако замечание А. П. Манцевич верно лишь в отношении шлема из Солохи. Он действительно был первоначально, скорее всего, аттическим или халкидским с удаленной впоследствии нижней частью. На нем хорошо заметно место срезанного узкого наносника, обязательного для шлемов этого типа, и стрельчатое углубление в лобной части, обычное для аттических шлемов (рис. 49, 2).

Опубликованный А. П. Манцевич шлем из Талаевского кургана (рис. 50), очевидно, является результатом переделки шлема иного, не аттического типа, отличающегося от аттического в основном отсутствием наносника. Скорее всего, в качестве первоосновы для изготовления шлема Талаевского кургана был использован вариант халкидского, аналогичный шлему IV в. до н. э. из Аскалона (Израиль)².

Большой интерес представляет шлем из Майкопа, хранящийся ныне в ГИМ (рис. 19, 1). Он, безусловно, переделан из коринфского: только для коринфских шлемов характерна такая сильно выступающая назад развитая затылочная часть. Ближе всего к майкопскому стоит шлем классического коринфского типа из кургана у Ромейковки.

Безусловно, результатом переделки аттического шлема является шлем из Ольвии³.

В группу шлемов античных типов, подвергшихся переделке, входит также ряд доспехов, отнесенных Б. З. Рабиновичем к иным типам (шлемы из Каменки, Нимфея), и несколько шлемов, не известных Б. З. Рабиновичу.

¹ А. П. Манцевич. Ритон Талаевского кургана, стр. 156.

² R. George. Italic helmets.— Expedition, v. 6, № 1. 1963, стр. 32, рис. 1.

³ Б. З. Рабинович. Указ. соч., стр. 134, рис. 12.

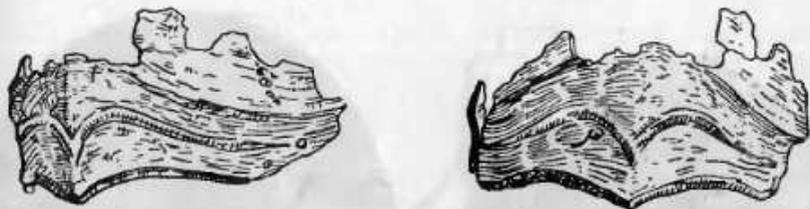

Рис. 50. Шлем из Талаевского кургана.

Шлем из Каменки (на Нижнем Днепре) имеет много общих черт со шлемом из Бубуя, справедливо отнесенным Б. З. Рабиновичем к фракийским. Вероятно, он и переделан из шлема, подобного бубуйскому.

Особый интерес представляет шлем из Нимфея. Доспех найден в кургане, хищнически раскопанном в некрополе Нимфея в декабре 1868 г.¹ Краткая публикация части инвентаря была сделана в конце прошлого века Е. Гарднером². Шлем не был приобретен для русских музейных собраний и попал в Оксфорд, где и хранится в настоящее время³. Он неоднократно воспроизводился в различных изданиях⁴. Шлем имеет полусферическую, слегка уплощенную форму (рис. 51). В его лицевой части сделан небольшой прямоугольный вырез. Вдоль оси шлема проходят два невысоких треугольных в разрезе валика⁵, между которыми прочерчены три параллельные линии. Вдоль края шлема пробиты крупные отверстия, вероятно, для крепления подкладки и металлического набора, защищавшего щеки, шею и затылок. Шлем имел небольшой козырек, укрепленный тремя заклепками.

Не может быть никаких сомнений, что этот доспех также является результатом переделки шлема античного типа. Но в отличие от описанных выше шлемов, в качестве его первосновы был взят доспех, в целом виде неизвестный среди северопричерноморских находок.

Б. Шредер и Б. З. Рабинович, на наш взгляд, ошибочно отнесли этот шлем к фракийским. В то же время Б. З. Рабинович верно обратил внимание на сходство его с несколькими шлемами, помещенными в таблицах Б. Шре-

¹ А. Л [Юценко]. Указ. соч.

² E. Gardner. Ornaments and armour from Kerch in the New Museum at Oxford.— *Journal of Hellenic Studies*, v. V. 1884.

³ Ashmolean Museum, Department of antiquities, инв. № 1884/464. Пользуюсь случаем, чтобы выразить благодарность хранителю музея профессору Г. Катлингу за присланные фотографии шлема. Это позволило составить более полное и точное представление об этой находке.

⁴ E. Gardner. Указ. соч., табл. XLVI, 2; B. Schröder. Указ. соч., стр. 342, табл. 15, 4; Б. З. Рабинович. Указ. соч., стр. 139—140, рис. 14; Н. В. Пяташева. Указ. соч., рис. 8; Е. В. Черненко. О шлеме из Нимфея.

⁵ В нашей небольшой заметке об этом шлеме ошибочно указано, что упомянутые рельефные валики находились не на самом шлеме, а на пластинке, укрепленной на нем.

дера¹. Доспех из Нимфея сближается с ними наличием двух параллельных рельефных валиков, проходящих по верху шлема, а отличаются наличием козырька, отсутствием неподвижных нащечников и назатыльника.

Шлемы этого типа часто встречаются на территории Венгрии². Очень много их известно на Балканах, прежде всего на территории Югославии. Из таких доспехов происходит из Боснии и Герцеговины³, более 30 — из Далмации⁴. Всего же на территории Югославии сейчас найдено более 50 экземпляров шлемов этого типа.

Уже одно это обстоятельство является веским доводом в пользу предложенного Е. Куканом названия доспехов этого рода — инсулярно-иллирийские⁵. Называют эти шлемы сейчас по-разному — греко-иллирийскими, иллирийско-греческими, инсулярно-иллирийскими. Но слово иллирийские обязательно упоминают все авторы.

В пользу мнения о безусловной связи шлема из Нимфея с иллирийскими свидетельствует также ряд дополнительных обстоятельств. На нимфейском шлеме хорошо заметно наличие прямоугольного выреза в верхней части, рельефного валика, проходящего над ним, и отверстия для крепления штыря, которое имеется на большинстве шлемов этого типа. На боку доспеха сделан неглубокий вырез. Две окаймляющие его прочерченные линии и рельефные невысокие валики образуют острый угол. На многих шлемах иллирийского типа резкий переход от нащечника к назатыльнику выполнен под таким же углом. В качестве козырька при переделке шлема могла быть использована часть назатыльника. О том, что козырек был прикреплен к шлему позднее, говорит более небрежная обработка его краев и грубое крепление к шлему, сделанному с большой тщательностью и аккуратностью.

Погребение, в котором был найден этот шлем, датируется серединой V в. до н. э.

¹ Б. З. Рабинович. Указ. соч., рис. 15; B. Schröder. Указ. соч., табл. 15, 1—3, 5—7.

² A. Mozsolics. Указ. соч., стр. 49, рис. 12, 13.

³ I. Bojanovski. Novi ilirsko-grčki šljem iz Crvenice.— *Naše starine*. t. XI. Sarajevo, 1967.

⁴ M. Nicolanci. Nove grčke kacige i knemide u Dalmaciji.— *Vjesnik za arheologiju i historiju Dalmatinsku*, t. LXI. Split, 1963; его же. Dodatak grčko-ilirskim kacigama u Dalmaciji.— Там же, t. LXII. Split, 1967.

⁵ E. Kukahn. Der Griechische Helm. Marburg, 1936, стр. 53—55.

Рис. 51. Шлем из Нимфея.

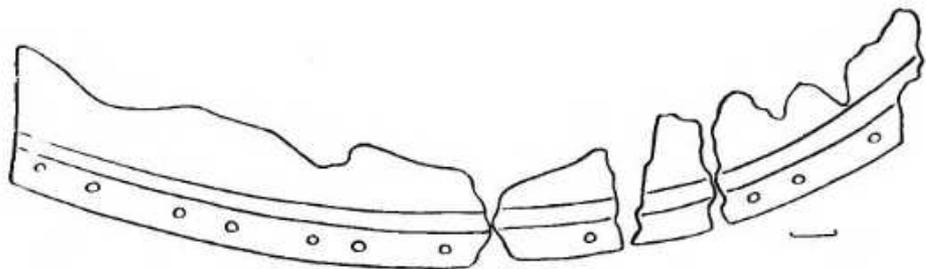

Рис. 52. Шлем из кургана № 6 у г. Жданова.

Этим же временем, вероятно, можно датировать еще два доспеха, обнаруженных на территории Северного Причерноморья. В кургане № 6, раскопанном в 1927 г. на окраине г. Жданова, была найдена нижняя часть разрушенного шлема, подвергнутого переделке (рис. 52). Вдоль края его пробиты отверстия для крепления подкладки. Над ними проходит рельефный полукруглый в разрезе валик, составляющий одно целое со шлемом¹.

Подобный же, к сожалению, до сих пор не опубликованный, целый шлем найден в Кардашинке на нижнем Днепре (ХИАМ, инв. № 5815).

Отнесение этих находок к определенному типу античных шлемов затруднено.

Частично поврежденный шлем, переделанный из аттического, обнаружен в кургане, раскопанном Е. Н. Черепановой у с. Надежда Октябрьского района Крымской области.

Примечателен шлем, найденный при раскопках савроматского погребения IV в. до н. э. в кургане № 1 у с. Никольское Астраханской области². По любезному сообщению раскопавшей этот курган И. П. Засецкой, он близок шлему из Майкопа, то есть коринфскому. Вдоль края его имеются отверстия. Под шлемом находились бронзовые пластины набора, выполнявшие роль своеобразной бармицы.

Очевидно, такие шлемы имели чешуйчатые наборные назатыльник и нащечники. Но составляли ли они одно целое или были отделены друг от друга, пока что не удалось выяснить.

Косвенным свидетельством в пользу применения пластинчатых нащечников и назатыльников является наличие на некоторых античных шлемах, подвергнувшихся последующей переделке, значительного числа отверстий, находящихся на боках и в задней части шлема. Помимо мелких отверстий, вполне достаточных для надежного закрепления мягкой подкладки, на до-

¹ Е. В. Черненко. Скифські кургани V ст. до н. е. під м. Ждановом.

² В. П. Шилов, И. П. Засецкая, Л. П. Маловицкая. Указ. соч., стр. 87.

спехах иногда имеются более крупные, рассчитанные на крепление тяжелого панцирного набора.

Как видим, для изготовления шлемов описанной выше группы использовались шлемы аттического, фракийского, халкидского, коринфского, иллирийского типов. Причины, вызвавшие эти переделки, неизвестны. Вероятно, следует с большим вниманием отнестись к предположению, сделанному А. П. Манцевич, о том, что, ввиду значительной ценности шлемов, переделке могли подвергаться поврежденные экземпляры — доспехи с утраченными наносниками, нащечниками, поврежденной затылочной частью.

В этой связи интересен шлем из погребения, раскопанного в 1838 г. Ашиком в Керчи. Шлем очень примитивно склепан из трех пластин — две образуют бока, третья — верхнюю часть доспеха¹. Он был сделан или из частей разрушенных шлемов, или из бронзовых пластин неизвестного назначения, возможно, даже из частей металлических сосудов.

Представляет интерес шлем, найденный в 1935 г. при случайных обстоятельствах у станицы Даховской на Кубани. Он был включен Б. З. Рабиновичем в группу шлемов, являющихся, по его мнению, «поздними вариантами» местного (кубанского) типа². Шлем состоит из двух частей и оформлен в виде несколько стилизованной бараньей головы. В передней его части высоким рельефом намечены глаза, а по бокам — витые рога (рис. 53, 3).

Б. З. Рабинович связывает этот шлем с кубанскими. Возможно, для этого есть некоторые основания. Но включение его в группу «поздних вариантов» местного типа и рассмотрение вместе с описанными выше аттическими шлемами, подвергшимися переделке, встречают возражение. В отличие от других таких шлемов, он не подвергся последующей переделке и сохранился в своем первоначальном виде.

Б. З. Рабинович, ссылаясь на сообщение Б. Лунина, отмечает находку у той же станицы Даховской также шлема с изображением стилизованной головки коня, близкого описанному выше доспеху. Вероятно, шлем утерян. В литературе он больше нигде не упоминается.

Установить принадлежность к определенным типам некоторых шлемов, имеющих, очевидно, античное происхождение, невозможно. Сами эти доспехи не сохранились, о них известно только из кратких упоминаний в отчетах и публикациях. Это шлемы из Куль-Обы, погребения на Митридате (Керчь), раскопанного в 1872 г. Люценко, из курганов № 7 некрополя Нимфея, № 5 у станицы Елизаветовской и Рыжановки в Поднепровье.

Чешуйчатые шлемы. Э. Э. Ленц высказал предположение о возможности использования в скифское время, наряду с коваными сплошными, шлемов, набранных из пластин и чешуй, близких пластинам пан-

¹ Б. З. Рабинович. Указ. соч., стр. 165—166, табл. XXV.

² Там же, стр. 129—130, табл. X.

Рис. 53. Шлемы.

1, 2 — курган у с. Мастюгино; 3 — станица Даховская.

цирного набора¹. Эта мысль была поддержана Э. Миннзом и А. И. Мелюковой².

В подтверждение своего мнения Э. Э. Ленц упоминает изображения в подобных же шлемах воинов сарматского времени на фресках Стасовского склепа 1872 г.³ Много их и на других фресках керченских склепов этого периода. М. И. Ростовцев назвал рассматриваемые шлемы «решетчатыми»⁴.

По мнению Э. Э. Ленца, остатки наборного шлема скифского времени найдены в кургане № 401 у с. Журовка. К ним он относит обломок, состоящий из двух пластинок (рис. 54), который, возможно, представляет собой «кусочек налобной части венца с половиной так называемой «брови», т. е. дугообразного выреза над глазом»⁵.

Кроме журовских пластинок известны находки пластинчатого набора, которые, судя по их положению в могилах, могут также являться остатками пластинчатых шлемов.

В кургане Каменная Могила на черепе погребенного находились куски железных пластин. Возможно, остатками подобного же шлема являются обломки железа, лежащие на голове погребенного в кургане у с. Чистополье в Крыму (раскопки Н. И. Веселовского). В кургане № 4 у с. Веремеевка на Полтавщине В. В. Хвойкой над головой погребенного был найден «какой-то распавшийся железный предмет, остатки которого представляли нечто вроде чешуй»⁶. Этот предмет едва ли может быть остатками панциря. Во время своих раскопок В. В. Хвойка обнаружил достаточно большое количество панцирных наборов. Они были найдены и в двух из четырех курганов этой же группы. Спутать этот предмет с панцирем В. В. Хвойка не мог. Он вообще был очень осторожен в определении функционального назначения находимых им предметов. Остается предположить, что и эти чешуи имеют отношение к наборным шлемам.

М. И. Ростовцев высказал предположение, что чешуйчатый наборный шлем был найден среди вооружения склепа Васюриной горы⁷.

К сожалению, реконструкция чешуйчатых шлемов сейчас еще невозможна. Ясно лишь, что они, в отличие от «решетчатых шлемов» раннего

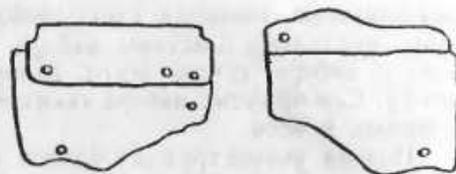

Рис. 54. Часть набора шлема (?) из кургана № 401 у с. Журовка.

¹ Э. Э. Ленц. Заметки..., стр. 59.

² Е. Миппс. Указ. соч., стр. 74; А. И. Мелюкова. Вооружение скифов, стр. 76.

³ АДЖ, Альбом, табл. XXVIII; Э. Э. Ленц. Заметки..., стр. 60.

⁴ АДЖ, стр. 305.

⁵ Э. Э. Ленц. Заметки..., стр. 61, рис. 8, 9.

⁶ Научный архив ЛО ИА АН СССР, д. 53/1899, стр. 19.

⁷ АДЖ, стр. 40.

средневековья, имевших жесткую металлическую основу (каркас), на котором крепились пластины набора, такового не имели. Части металлического набора, скорее всего, нашивались непосредственно на кожаную основу. Сам принцип набора таких пластин был тот же, что и у панцирей и боевых поясов.

Полная реконструкция одного из наборных шлемов с нащечниками и назатыльником возможна на основании целого доспеха из кургана у с. Новорозановка. К сожалению, эта уникальная находка еще не издана и в полном объеме не может быть использована.

Большинство шлемов, обнаруженных на территории Скифии, является предметами импорта. Они состояли на вооружении местной аристократии, но в отличие от панцирей и боевых поясов не стали массовым средством личной защиты.

Главным убором, в какой-то мере защищавшим голову рядовых воинов, была известная по многочисленным изображениям кожаная, войлочная или меховая шапка-башлык¹, которая могла быть дополнительно укреплена металлическим набором.

¹ А. И. Мелюкова. Вооружение скифов, стр. 73.

Этому виду защитного вооружения, имевшему широкое применение на юге Восточной Европы в скифское время, в литературе до сих пор уделялось недостаточно внимания. Вероятно, такое положение можно объяснить, прежде всего, немногочисленностью находок целых щитов. Авторы, писавшие о них, использовали, главным образом, изображения щитов на предметах торевтики и свидетельства древних авторов.

А. Лаппо-Данилевский, отметив большое разнообразие форм щитов, высказал предположение о возможном материале, из которого они изготовлялись¹. Несколько интересных замечаний по поводу щитов, изображенных на солохском гребне², сделал М. И. Ростовцев.

Н. И. Сокольский в единственной работе, посвященной этому виду оружия, описал почти все известные к 1955 г. находки щитов и сделал удачную попытку связать возникновение и распространение различных их форм с использованием тех или иных тактических приемов³. Но и в этой работе, как и в работе М. И. Ростовцева, основное внимание уделено щитам сарматского времени. Наиболее полная сводка щитов, известных по находкам и изображениям на предметах торевтики, сделана А. И. Мелюковой⁴.

В погребениях щиты встречаются очень редко. М. И. Ростовцев, отметив довольно частые находки в могилах шлемов и панцирей, указал, что щит в них необычен⁵.

Незначительное количество находок этого рода следует объяснять не редким применением щитов, а тем, что подавляющее большинство их изготовлялось из дерева, прутьев, кожи и поэтому в курганах не сохранилось, а металлическое панцирное покрытие доспехов этого вида, встречаемое в могилах, часто описывалось исследователями как остатки панцирей.

Представляется возможным разделить все щиты, известные по находкам на территории Северного Причерноморья, на два основных типа — деревянные и с металлическим покрытием. Последние, в свою очередь, делятся на несколько видов. К их числу относятся щиты, покрытые сплошной металлической пластиной, и доспехи с панцирным набором.

¹ А. Лаппо-Данилевский. Указ. соч., стр. 92—93.

² АДЖ, стр. 334.

³ Н. И. Сокольский. О боспорских щитах. ҚСИМК, — вып. 58. М., 1955.

⁴ А. И. Мелюкова. Вооружение скифов, стр. 78.

⁵ М. И. Ростовцев. Курганные находки..., стр. 73.

Сейчас известны только две находки, которые можно считать остатками деревянных щитов. Это материалы, обнаруженные в кургане у с. Ладьжичи севернее Киева и в одном из курганов могильника у с. Кут.

Описание находки у Ладьжичей сделано очень нечетко. Указывается только, что в кургане, раскопанном в 1886 г., был найден «деревянный щит», но очень «перегнивший, когда его стали приподнимать, он распался на части»¹. Таким образом, нельзя сказать ничего определенного ни о форме щита, ни о деталях его устройства.

Другой деревянный щит был обнаружен в кургане № 24 могильника у с. Кут. Он лежал слева от костяка, частично перекрывая левую часть груди и руки. Доспех овальной формы, слегка расширяющийся в верхней части. На наружной его стороне сохранились остатки красной краски².

Очевидно, деревянные щиты иногда обшивались толстой плотной кожей. В книге Клавдия Элиана «О животных» рассказывается о животном таранде: «Водится он в Скифии, хребтом и величиной похож на быка. Скифы обтягивают его шкурой свои щиты и считают ее надежной защитой от копий»³.

Несомненно, права А. И. Мелюкова, предполагающая, что большие деревянные обтянутые кожей щиты держат в руках воины воронежского и куль-обского сосудов. Очевидно, из того же материала сделан меньший, почти овальный щит пешего воина на серебряной пластине горита из Солохи⁴. Возможно, подобное же устройство имел продолговатый с закругленными углами щит пешего воина солохского гребня. Поперек него проходит рельефная грань, вероятно, для придания щиту дополнительной жесткости (рис. 21). Не исключено, что такой же овальный щит держит в руках пеший варвар с ритона, происходящего из Керчи, Анапы или Новороссийска⁵. Все названные доспехи окаймлены по краю рельефным валиком.

Вероятно, в Скифии бытовали и щиты, сплетенные из лозы, палочек или коры, подобные применявшимся на огромной территории Евразии от Алтая⁶ до Венгрии⁷. Очень часто говорит о плетеных щитах Ксенофонт⁸. По его словам, иногда они покрывались «воловьей косматой кожей»⁹.

¹ В. Б. Антонович. Археологическая карта Киевской губ. М., 1895, стр. 21—22.

² Д. Т. Березовец. Ровкопки курганного могильника эпохи бронзы та скифского часу в с. Кут.— АП, т. IX. К., 1960, стр. 71—72.

³ ВДИ, 1948, № 2, стр. 223.

⁴ А. И. Мелюкова. Вооружение скифов, стр. 78.

⁵ Е. Придик. Два серебряных ритона из коллекции Императорского Эрмитажа.— ЗООИД, т. XXX, стр. 175, табл. IV, 3.

⁶ С. И. Руденко. Указ. соч., стр. 243.

⁷ А. Mozsóics. Указ. соч., стр. 53—54.

⁸ Ксенофонт. Анабазис, II, 2, 6; VI, 1, 9;

⁹ ВДИ, 1949, № 2, стр. 338—339.

На территории СССР такие доспехи с кожаным покрытием известны на Алтае.

Плетеные щиты до нас не дошли. Представление об их внешнем виде дают только изображения на предметах торевтики. Вероятно, плетеный из ивы или тростника щит держит в руках спешенный воин солохского гребня (рис. 21, 23). Щиты, имеющие подобную форму, довольно часто встречаются на изображениях батальных сцен вазовой живописи. Очень часто ими вооружены амазонки, с которыми их связывает античная традиция. С такими доспехами обычно изображали амазонок на аттических вазах еще с начала V в. до н. э.¹

П. К. Степанов писал, что щит спешенного воина солохского гребня состоял из «тростника, переложенного кожей и вделанного в металлическую раму»². Последнее не находит подтверждения в данных, полученных при раскопках. Если отсутствие в погребениях органических материалов, из которых сделан щит, и можно объяснять их недолговечностью, то металлическая рама его могла и должна была сохраниться. Окантовка, принятая П. К. Степановым за раму-оковку, скорее всего, является кожей, которой был обшит щит по краю.

Одинаковы по форме и, возможно, по устройству со щитом солохского гребня щиты, изображенные на калафе из Большой Близицы. Ту же форму, но иное устройство имеет щит с Ксенофантового лекифа. Поверхность его покрыта косой насечкой. Вполне вероятно, что она имитирует чешую

ЩИТЫ С МЕТАЛЛИЧЕСКИМ ПОКРЫТИЕМ

Щиты со сплошным покрытием. В эту группу объединены доспехи, поверхность которых была покрыта сплошной железной или бронзовой пластиной.

Уникальный щит со сплошной железной пластиной найден Н. И. Веселовским в Костромском кургане. Это «тонкий и круглый железный щит, на котором был укреплен превосходный литой золотой олень длиной в 0,33 м»³. Судя по рисунку доспеха на плане могилы, он имел диаметр около 75 см.

Несколько щитов, покрытых тонкой бронзовой пластиной, было обнаружено при раскопках погребений в Северном Причерноморье. Часть их описана Н. И. Соколовским.

Большинство щитов со сплошным покрытием найдено в обломках. Это во многом затрудняет выяснение как формы доспеха, так и деталей его устройства. Единственный целый щит рассматриваемого типа был обнаружен в

¹ А. А. Передольская. Вазы Ксенофанта.— Труды Отдела истории искусства и культуры античного мира, т. I. Л., 1945, стр. 63.

² П. К. Степанов. История русской одежды, стр. 13.

³ ОАК за 1897 г., стр. 13, рис. 44.

окрестностях Керчи, в кургане, раскопанном Г. Ашиком в 1834 г. Доспех не сохранился. Он был «...найден наполовину сломанным, т. к. бронза была сильно повреждена, то он скоро рассыпался, и частицы не могли быть сохранены. Щит имел вид выпуклого продолговатого круга и был окружен плоским краем, по которому... были набиты гвозди, служившие закрепою для подкладки и кожаных петель, которые еще видны были на нижней стороне щита в то время, когда была открыта гробница»¹. По подсчетам В. Д. Блаватского, щит был небольшой. Его размеры около $0,51 \times 0,27 \text{ м}^2$.

Обломки нескольких щитов, имевших аналогичное устройство, открыты в погребениях IV—III вв. до н. э. К их числу относятся небольшие круглые (диаметром 43—50 см) щиты из курганов № 9 и 10 у станицы Елизаветовской². Возможно, частями таких же щитов являются обломки бронзовых гладких пластин из погребения Васюриной горы⁴ и Зеленского кургана⁵.

К сожалению, ничего определенного нельзя сказать об устройстве щитов рассматриваемой группы. В этой связи важна находка разрушенного щита в составе клада у с. Большое Плоское под Одессой. Доспех позволяет с уверенностью говорить об использовании в качестве основы некоторых подобных щитов деревянных досок толщиной до 1 см. Бронзовая пластина обивки крепилась на основе с помощью железных заклепок, проходивших вдоль края.

Есть основания во многих щитах, изображенных на предметах торевтики, видеть доспехи, возможно, имевшие сплошное, скорее всего, бронзовое пластинчатое покрытие. Несколько воинов, с такими, очевидно, щитами изображены на ножнах мечей из Чертомлыка и станицы Елизаветовской, а также на горитах типа Мелитопольского. Близкий по форме и устройству к доспеху ножен чертомлыкского меча щит виден на частях горита из Карагодеуашха⁶. На сохранившейся части ритона, приобретенного А. А. Бобринским в Керчи, Анапе или Новороссийске, в руке воина изображен овальный щит, который «...окаймлен двумя рядами точек, изображающих, вероятно, два ряда металлических гвоздей»⁷. Воин держит щит в руках с помощью двух ремненных петель. Одна из них одета на предплечье, а вторая зажата в ладони. Очевидно, такой же щит изображен и за спиной воина расписной стелы IV—III вв. до н. э. из собрания Керченского музея. Игрушечный

¹ ДБК. СПб., 1854, стр. XXVIII; Атлас, табл. С, 5.

² В. Д. Блаватский. Очерки военного дела..., стр. 84.

³ ИАК, вып. 35. СПб., 1910, стр. 103—104, рис. 8, ж; 9, г.

⁴ АДЖ, стр. 40.

⁵ ИАК, вып. 60. Пг., 1916, стр. 28.

⁶ В. К. Мальмберг. Памятники греческого и греко-варварского искусства, найденные в кургане Карагодеуашха.— МАР, № 13. М., 1894, стр. 126, рис. 2, 4.

⁷ Е. П р и д и к. Два серебряных ритона..., стр. 175, табл. IV; V, 2.

круглый терракотовый щит был найден В. В. Шкорпиловым в погребении IV—III вв. до н. э.¹ Круглые щиты держат в руках воины и nereиды на деревянных деталях украшения Анапского саркофага III в. до н. э.²

Деревянные в основе щиты с металлическими умбонами в скифское время на территории Северного Причерноморья, вероятно, не применялись. Во всяком случае, металлические предметы, которые можно было бы считать умбонами, пока что не обнаружены.

Нельзя согласиться с В. М. Скудновой, описавшей в качестве умбона кожаного или деревянного щита выпуклую бронзовую бляху диаметром около 10 см из погребения № 82 некрополя Ольвии³. Это изделие не может быть умбоном хотя бы уже потому, что основной довод, выдвинутый В. М. Скудновой в пользу отнесения его к щиту, не совсем соответствует действительности. Она отмечает, что «умбон» был разрублен в бою. В действительности же рубящий удар пришелся по нему не снаружи, а изнутри.

Возможно, прав К. Ф. Смирнов, определивший как умбон полую массивную железную инкрустированную золотом бляху из кургана у с. Сары в Поволжье⁴.

Вызывает возражение отнесение А. П. Манцевич к щитам бронзовых пластин из Прикубанья⁵. По ее мнению, они близки к фракийским пластинам покрытия щитов беотийского типа, выделенным Л. Огненовой⁶. Пластины из Фракии отличаются от прикубанских и аналогичных им из кургана под Никоподем (тоже определенных Г. Павлуцким⁷ в качестве своеобразного щита) как формой и размерами, так и способом крепления на основе. Имели они и другое назначение.

Особую группу составляют щиты с панцирным покрытием м. Целый такой доспех овальной формы был найден в Золотом кургане⁸. Скорее всего, подобные очертания имел и щит из Крячковки. Щиты рас-

¹ Н. И. Соколовский. О боспорских щитах, стр. 15.

² А. П. Иванова. Художественные изделия из дерева и кости.— Античные города Северного Причерноморья. М.—Л., 1955, стр. 116—117, рис. 15—17.

³ В. М. Скуднова. Погребения с оружием из некрополя Ольвии.— ЗОАО, т. I (34). Одесса, 1960, стр. 66.

⁴ К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов, стр. 75, рис. 42, 2.

⁵ А. П. Манцевич. Бронзовые пластины из Прикубанья.

⁶ Л. Огненова. Опыт на реконструкция на два щита от Тракия.— ИБАИ, т. XVIII. София, 1952; ee же. Survivances de la civilisation méditerranéenne du II e millénaire en Thrace vers la seconde moitié du I er millénaire.— Acta antiqua Philippopolitana. Sofia, 1963.

⁷ Г. Павлуцкий. Указ. соч.

⁸ По сообщению В. Ф. Пешанова, овальный щит с панцирным покрытием был найден им в кургане № 1 у г. Днепрорудного. После доклада В. Ф. Пешанова на конференции Института археологии АН СССР 1966 г. в Москве многие специалисты высказались против отнесения частей этого доспеха к щиту. Материалы из этого интересного погребения еще не изданы. Не имея возможности познакомиться с этой находкой лично, считаем преждевременным включать этот доспех в нашу работу.

смазываемой группы, вероятно, имели и другую форму, однако нынешнее их состояние не позволяет говорить об этом более определенно.

Самое полное представление о щитах с панцирным покрытием дает изображение доспеха конного воина на солохском гребне. Щит закрывает левый бок и спину воина (рис. 21). Форма его вытянутая, бобовидная или овальная. Очень четко передано 11 рядов чешуй¹, покрывавших доспех. Вдоль его края проходит рельефный валик. Вероятно, это кожаная тесьма, окаймляющая набор щита, как на панцирях и боевых поясах.

Обе руки всадника заняты копьем и поводьями, щит висит за спиной, но ремней, с помощью которых он мог быть укреплен, на груди не видно. В нижней части доспеха, чуть выше края, находятся два расположенных вертикально круглых цилиндра. Снизу в них входят два изогнутых стержня. Единственное имеющееся в литературе объяснение назначения этих стержней и трубочек предложил И. Н. Сворнос. Он пытался истолковать их как своеобразные приспособления для крепления щита на воткнутых в землю копьях с целью прикрытия спешенного воина от стрел².

Однако подобное толкование кажется неприемлемым. Более естественным в этом случае было не горизонтальное, а вертикальное положение доспеха. Укрепленный на копьях щит, имеющий большую ширину, чем высоту, может закрыть лишь очень незначительную часть корпуса. Очевидно, трубочки, о которых идет речь, предназначались для закрепления щита на корпусе всадника. Это было продиктовано стремлением освободить руки всаина, дать ему возможность управлять конем и действовать оружием. Щит мог крепиться на двух расположенных рядом крюках, подвешенных на боевом поясе или на панцире. Парное размещение крюков обеспечивало необходимую устойчивость щита.

Две бронзовые «трубочки» были найдены вместе с остатками щита в 1965 г. в кургане у г. Орджоникидзе (раскопки А. И. Тереножкина). В докладе «О щитах скифского времени» на конференции Института археологии АН СССР в 1968 г. А. П. Манцевич сообщила о том, что в составе инвентаря погребения в кургане Солоха вместе с пластинами, являющимися, по ее мнению, частью панцирного покрытия щита, были найдены трубочки, аналогичные упомянутым выше.

Щит, имевший большую ширину, чем высоту, в отличие от продолговатых овальных щитов пехотинцев (по верному мнению Н. И. Сокольского), был доспехом всадников.

Щиты рассматриваемого типа по особенностям металлического набора можно разделить на доспехи с чешуйчатым и полосчатым покрытием.

Щиты с чешуйчатым покрытием. Предположение о возможном исполь-

¹ М. И. Ростовцев и А. И. Мелюкова считали, что щит всадника плетеный (АДЖ, стр. 334; А. И. Мелюкова. Вооружение скифов, стр. 78).

² С. Половцова. Объяснение изображений на драгоценных вещах из Солохи проф. Сворносом.— ИАК, вып. 65, стр. 27.

зовании в Скифии щитов с покрытием такого рода было высказано Н. И. Веселовским. По его словам, «...продолговатый щит, покрытый, по-видимому, предохранительными чешуйками»¹, изображен у конного воина на солохском гребне. Эту мысль поддержали Б. З. Рабинович и Н. И. Сокольский².

Но панцирное покрытие щитов не было выделено из общей массы железных чешуй, которые обычно считали остатками панцирей. Ведь форма наборных пластин доспехов обоих видов одна и та же. Отличие заключается только в использовании для соединения частей набора щитов не мягкой ременной, а жесткой проволочной связи.

Целый такой щит был найден в конце прошлого века в Золотом кургане на окраине Симферополя.

Железных пластин среди инвентаря погребения было немного. Ввиду большого сходства их с пластинами панцирных наборов и нечеткого описания при публикации в литературе утвердилось мнение, что в кургане найден панцирь³. В действительности мы безусловно имеем дело со щитом. Об этом определенно свидетельствует как способ соединения пластин, так и подробное описание самой находки, сделанное проводившим раскопки А. Х. Стевенем. «Щит, на котором лежал покойник, овальной формы, несколько вогнутый, имел 1 аршин 12 вершков длины и 1 аршин ширины (около 125 × 70 см.— Е. Ч.) и состоял из тонких жестяных пластинок, весьма густо в наклонном положении набитых на дерево. В разрезе части составляли более 1/2 вершка толщины, и вес всего щита был очень значителен»⁴. На плане погребения, приведенном А. Х. Стевенем, изображен доспех, имеющий форму, близкую форме щита на гребне из Солохи (рис. 55).

В Эрмитаже хранится часть железных пластин этого набора (№ Кр. 1890, I, 121). Размеры их 4 × 1,7 см и 4 × 2,5 см. Чешуи вытянутые, округлые внизу. Нижний край слегка загнут внутрь. В верхней части нахо-

¹ Н. И. Веселовский. Из находок в кургане Солоха.— ИАК, вып. 52, Прибавления. СПб., 1914, стр. 192.

² Б. З. Рабинович. Указ. соч., стр. 138; Н. И. Сокольский. О боспорских щитах, стр. 16.

³ ОАК за 1890 г. СПб., 1893, стр. 4—6; А. А. Спицын. Скифо-сарматские курганы Крымской степи.— ИТУАК, вып. 54. Симферополь, 1918, стр. 176.

⁴ А. Х. Стевен. Указ. соч., стр. 149, рис. 4.

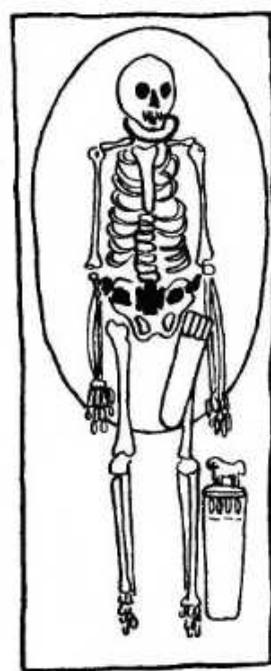

Рис. 55. План погребения в Золотом кургане.

дятся по три отверстия. На железных пластинах находились круглые бронзовые бляшки диаметром 0,8—1 см с отверстием в центре. Через эти отверстия проходили железные или бронзовые проволоочки, крепившие пластины на основе и между собой. Наличие в составе набора помимо железных чешуй круглых бронзовых бляшек и обусловило ошибку М. И. Ростовцева, указавшего, что пластины были «...скреплены бронзовыми гвоздиками с широкими шляпками»¹. Включение этих бляшек в состав набора не было вызвано конструктивными соображениями. Несомненно, они имели декоративное назначение.

Частями щитов с чешуйчатым железным покрытием являются детали наборов, происходящие из двух курганов у с. Журовка.

В КИМ хранится несколько фрагментов из кургана № 398 (инв. № Б-46-203). Это продолговатые прямоугольные сверху и закругленные внизу пластины размерами 4,3 × 3,1 см и толщиной до 1,5 мм. В верхней их части имеется по три-четыре отверстия. По одному отверстию сделано в нижних углах. Пластины скреплены проволоочными железными скобами толщиной до 2 мм. Острые края скоб неплотно прижаты к пластине. В наборе есть также небольшое количество более узких пластин той же длины и формы.

В Эрмитаже находятся железные почти квадратные пластины размером 2 × 2 см, происходящие из кургана № 401 (рис. 56, 1). В отличие от описанных выше, для соединения их была использована не только железная, но и бронзовая проволока.

Железный чешуйчатый набор имел щит из станицы Келермесской. Украшением его служила знаменитая Келермесская пантера².

Щиты с полосчатым покрытием. Пластины этих наборов прямые, один край их слегка загнут внутрь. Общую длину полос ввиду значительной разрушенности установить невозможно. Ширина их колеблется в пределах от 2 до 4 см. Пластины крепились между собой и на основе металлической проволоочной связью.

Остатки щита с полосчатым покрытием были обнаружены А. И. Терножкиным в кургане № 12 группы 22-й шахты у г. Орджоникидзе на Никопольщине. Длина сохранившихся частей набора достигает 21 см, ширина — около 3 см. Один из краев пластин загнут внутрь. Каждая полоса перекрывает соседнюю на треть ее ширины (рис. 57, 3, 4). Пластины соединены железной и бронзовой проволокой. На одном из фрагментов железных полос укреплен бронзовая почти прямоугольная бляшка. Вдоль двух ее краев пробиты отверстия, через которые проходит бронзовая проволоочная связь. Размер пластинки 4 × 3 см (рис. 57, 3). Очевидно, подобные бляшки находились в средней нижней части щита, там, где были укреплены

¹ М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 397.

² А. П. Манцевич. Золотая чаша Келермесского кургана.— *Opusculi in honorem G. Oprescu*, Bucuresi, 1961, стр. 333.

Рис. 56. Панцирное покрытие щитов.

1 — курган № 401 у с. Журовка; 2 — курган у с. Волковца.

и бронзовые цилиндрические трубочки, о которых упоминалось выше. К одной из них окислами приклеилась часть железной пластины набора. Длина трубок 6 см, диаметр — 2 см (рис. 57, 2). Щит был овальный — сохранились части округлых краев (рис. 57, 4). Украшала доспех массивная литая бронзовая рыба длиной 22 см и шириной 5,6 см (рис. 57, 1). На внутренней ее стороне заметны следы окислов железа, оставленные частями набора. Судя по ним, рыба была расположена вдоль пластин. Части железной проволоки, крепившей ее к щиту, сохранились в отверстиях, идущих вдоль края изделия.

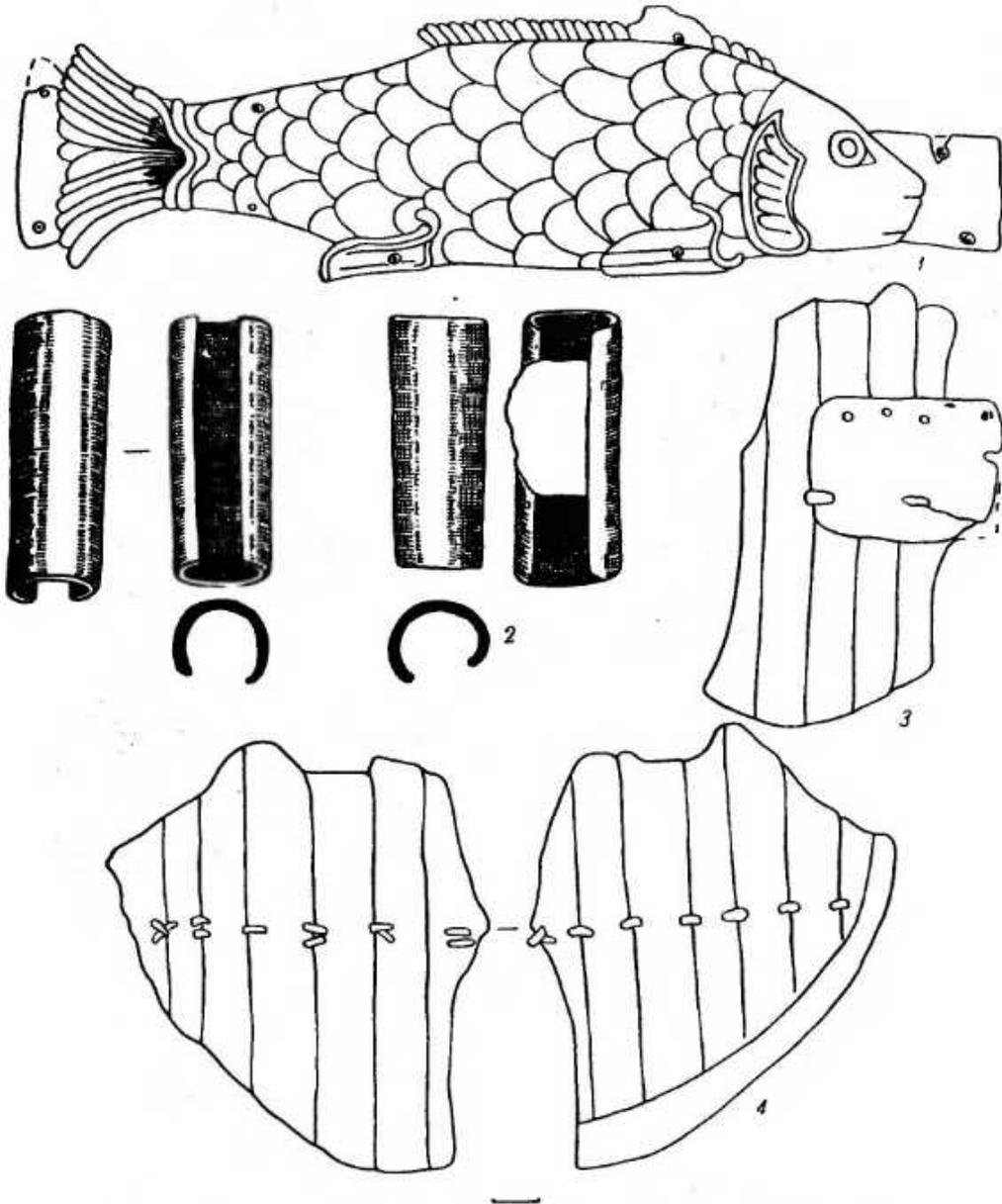

Рис. 57. Части щита из кургана № 12 группы 22-й шахты у г. Орджоникидзе.
1 — рыба (украшение щита); 2 — бронзовые трубки; 3, 4 — набор.

Устройство, в общих чертах аналогичное описанному выше, имеют наборы щитов из многих курганов¹. В публикациях они обычно описываются как панцири. К их числу относятся доспехи из Ак-Бурунского кургана², кургана № 2 у с. Аксютинцы³, № 2 у с. Хитцы, у сел Борзна и Крячковка⁴, № 23 группы Частых⁵.

Несколько отличается от них доспех из кургана № 2 у с. Волковцы. Его фрагменты экспонируются в КИМ. Края пластин обломаны. Длина сохранившейся их части 38 см, ширина блока около 20 см (рис. 56, 2). Интересен фрагмент, набранный из десяти толстых пластин шириной по 3—4 см. Край каждой пластины, заходящей на соседнюю на 1 см, слегка загнут внутрь. Полосы соединены между собой жесткой проволоочной связью. Проволоочные скобы образуют почти правильные ряды. Расстояние между рядами 4—5 см. Фрагмент из трех пластин, находящийся в системе набора, своей формой и взаимным расположением полос отличается от остальных (рис. 58). Две пластины его расположены параллельно, но не смыкаются. Зазор в 1 см перекрывает лежащая поверх них слегка изогнутая в разрезе полоса шириной 4,2 см, скрепленная с ними в одно целое с помощью жесткой проволоочной связи, от которой сохранились четыре скобы (по две вдоль каждого края пластины). По длинной оси этой полосы железными заклепками прикреплен железный прут. Конец его расклепан и уплощен. Вероятно, он предназначался для придания дополнительной жесткости и прочности металлическому набору щита и проходил вдоль его оси. На внутренней стороне пластин сохранились фрагменты кожаной основы. Края блока обшиты кожаной тесьмой.

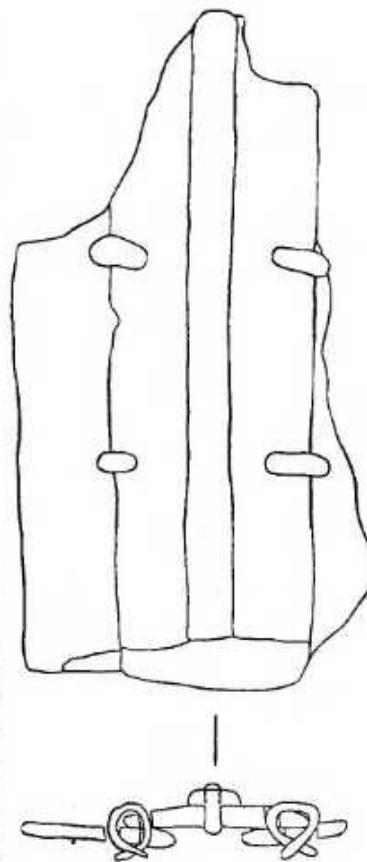

Рис. 58. Панцирное покрытие щита из кургана у с. Волковцы.

¹ Не исключено, однако, что какая-то часть этих пластин может относиться и к своеобразным наборным поножам.
² ОАК за 1876 г., стр. 6.
³ МРЗ, стр. 102.
⁴ Г. О. Сидоренко. Указ. соч., стр. 193.
⁵ П. Д. Либеров. Памятники..., стр. 81, табл. 21, 4, 8.

Щиты с металлическим панцирным покрытием имели очень значительный вес. Однако вряд ли он был намного больше веса железного щита из Костромской, металлических урартийских щитов, бронзовых щитов эпохи бронзы Западной Европы и тяжелых щитов античного мира, состоящих из нескольких слоев кожи и металла¹. Следует учитывать, что большая часть этих доспехов состояла на вооружении всадников, и носили их в основном не в руках, а укрепленными на поясе или панцире.

Щиты, покрытые набором из металлических полос, скрепленных проволочной металлической связью, известны только на территории Северного Причерноморья. Остатками единственного такого щита за его пределами являются фрагменты, найденные в Браничево (Болгария) и опубликованные как части панцирного набора².

Кроме щитов с металлическим панцирным покрытием, очевидно, существовали щиты с костяным набором.

Единственная находка, которую предположительно можно рассматривать как остатки щита этого рода, была сделана в Посулье. Для этого района вообще характерно широкое использование кости для изготовления предметов вооружения и конской сбруи³.

Мы имеем в виду найденные в кургане № 3 у Поповки 210 костяных пластинок набора, лежавших у правой руки погребенного на уровне груди. В Киевском историческом музее хранится немногим более 110 пластин, вырезанных из трубчатой кости. Размеры их 6,2 — 10 × 1,3 — 2,9 см. Острым предметом была произведена предварительная разметка — прочерчен контур чешуи. Рыхлая внутренняя часть кости срезана. Большинство пластин прямоугольные и продолговатые. Поверхность некоторых из них тщательно отполирована. Вдоль узких краев пластин просверлено по два-три отверстия. Такие пластины известны только в этом кургане. В пользу отнесения их к щиту свидетельствует и то обстоятельство, что в панцирных наборах пластины подобной формы не использовались. Известные на этой же территории костяные панцирные пластины (курганы у сел Волковцы и Лозовая, поселение у с. Буды) абсолютно тождественны металлическим частям набора.

Несомненно, часто щиты богато украшались. Большинство доспехов этого рода происходит из ограбленных погребений. Представление о характере украшений щитов с панцирным покрытием дают золотой олень из Костромского кургана, золотая пантера из Келермесса и бронзовая рыба из Орджоникидзе. Деревянные доспехи раскрашивались красками.

¹ Тяжесть античных щитов подчеркивал Ксенофонт (Анабазис, III, V).

² Цв. Дремсизова. Надгробна могила при с. Браничево. — Исследования в чест на акад. Д. Дечев, стр. 447, рис. 3; Е. В. Черненко. Происхождение пластинчатого панцирного доспеха. — КС ОГАМ. Одесса, 1965, стр. 133.

³ А. А. Спицын. Курганы скифов-пахарей, стр. 122; В. А. Ілліньська. Скіфська вузда VI ст. до н. е. — Археологія, т. XIII. К., 1961, стр. 50.

Украшала щиты и бронзовая проволока, связывающая железные части набора.

В 1956 г. М. М. Трапш в окрестностях г. Сухуми исследовал богатое погребение ахеменидского времени. В составе его инвентаря находилось украшение щита в виде стилизованной фигуры орла. Б. Б. Пиотровский, сообщая об этой находке, помещает ее среди других скифских материалов, происходящих с территории Закавказья¹. К сожалению, эта интересная находка еще не опубликована, поэтому нельзя сказать ничего определенного ни о конструкции самого щита, ни об украшавшей его бляхе.

Деревянные щиты происходят из курганов IV—III вв. до н. э. Однако из этого не следует, что подобные доспехи не применялись ранее. Щит, покрытый сплошной железной пластиной из Костромского кургана, относится к VI в. до н. э. Щиты со сплошным бронзовым покрытием датируются IV—III вв. до н. э., а с панцирным — известны для всего периода существования скифской культуры — от VI до IV—III вв. до н. э.

Способ ношения щита установить не всегда возможно. Доспехи, покрытые сплошными бронзовыми пластинами, носились как можно судить по изображениям вазовой живописи, на ременных петлях и ручках. Остатки этих приспособлений были обнаружены на описанном выше щите из Керчи. На щите пешего воина солохского гробня имеются две, вероятно, также кожаные ручки (рис. 21). Тяжелые щиты с панцирным покрытием носить таким образом было очень трудно. Скорее всего, они могли крепиться на корпусе воина, оставляя его руки свободными.

Немногочисленность находок щитов не следует объяснять их незначительной распространенностью в Северном Причерноморье. Права А. И. Мелюкова, заметившая, что косвенным свидетельством, указывающим на широкое применение щитов скифами, является то обстоятельство, что на предметах торевтики этот вид защитного вооружения встречается гораздо чаще других².

¹ Б. Б. Пиотровский. Ванское царство. М., 1959, стр. 245.

² А. И. Мелюкова. Вооружение скифов, стр. 78.

Поножи — один из наиболее распространенных видов защитного оружия античного мира. Они предназначались для защиты ног воина от колена до ступни.

Задача по описанию этого вида доспеха для нас во многом облегчена наличием обстоятельной специальной работы Л. К. Галаниной¹, а также публикации Г. П. Сергеева, сделавшей доступными для изучения поножи Олонештского клада². Названные работы и некоторые другие материалы и легли в основу настоящей главы.

На территории Северного Причерноморья и Прикубанья этот типично греческий доспех в скифское время получил значительное распространение. В работе А. И. Мелюковой, посвященной скифскому вооружению, отмечена находка поножей в 26 пунктах³. В статье Л. К. Галаниной содержится систематическое описание поножей, происходящих из 30 пунктов (всего 65 экз.). В основу ее работы легло описание поножей из богатого собрания Эрмитажа, где хранится большинство доспехов этого рода.

Автору известно 39 пунктов находок поножей. Наша сводка является несколько более полной, чем в работе Л. К. Галаниной. Ее удалось пополнить новыми находками и некоторыми старыми материалами, которые Л. К. Галанина не имела возможности использовать.

На территории юга Украины и Северного Кавказа находки поножей распределены крайне неравномерно. В степной части Северного Причерноморья их известно 11 (в том числе шесть в Крыму). Несколько поножей было обнаружено в курганах днепровского лесостепного Правобережья, Побужья (восемь пунктов) и Левобережья (один пункт). Найдены они также в курганах на Среднем и Нижнем Дону (по два пункта). В Прикубанье доспехи этого вида открыты в пяти местах.

Подавляющее большинство поножей найдено в курганах. Обстоятельства находок двух экземпляров неизвестны. Чрезвычайный интерес представляет находка шести пар ножных доспехов в составе уникального клада предметов вооружения, обнаруженного у с. Олонешты в Молдавии.

Несколько новых доспехов этого рода было обнаружено при раскопках последних лет.

Сильно фрагментированные поножи открыты В. Ф. Пешановым в кургане у г. Днепрорудного Запорожской области. В 1965 г. во время раскопок кургана IV в. до н. э. Страшная могила у г. Орджоникидзе на Никопольщине Скифской экспедицией Института археологии АН УССР под руководством А. И. Тереножкина было найдено полностью ограбленное погребение знатного молодого воина. Кости голени и колени скелета были сплошь покрыты окислом бронзы. Наличие такого мощного слоя окисла на костях нельзя объяснить ничем иным, как длительным нахождением на них бронзовых поножей.

Не была учтена Л. К. Галаниной и пара доспехов рассматриваемого вида из кургана, раскопанного А. Быдловским в 1904 г. у с. Яцковичи в Побужье¹.

Можно внести некоторые уточнения в сводку находок поножей, составленную Л. К. Галаниной. С некоторыми оговорками она упоминает о находках их в кургане Солоха (№ 13 ее описания) и в одном из курганов у станицы Елизаветинской, раскопанном Н. И. Веселовским почти одновременно с Солохой (№ 25 описания). В опубликованных отчетах Археологической комиссии за 1913—1915 гг., являющихся главным источником об этих раскопках, находка поножей не упоминается ни в Солохе, ни в кургане у станицы Елизаветинской. Нет сведений о находке их у Елизаветинской и в архивных материалах, легших в основу отчетов Археологической комиссии. Вполне вероятно, что хранящиеся ныне в Эрмитаже поножи, записанные в инвентарных книгах как найденные в кургане у станицы Елизаветинской, в действительности происходят из Солохи. В пользу этого свидетельствует как упоминание о такой находке А. А. Бобринского², так и изображение им поножей на схематическом плане погребения Солохи.

В описании Л. К. Галаниной под № 18—19 фигурируют поножи из курганов у с. Кринички на Побужье. Одна их пара (№ 18), по словам Л. К. Галаниной, найдена при раскопках В. Б. Антоновича, обстоятельства же находки единичной поножи, хранящейся ныне в КИМ, неизвестны. Вероятно, здесь также произошла ошибка. Поножь, хранящаяся в КИМ (рис. 59, 1), скорее всего, и происходит из кургана, раскопанного у с. Кринички В. Б. Антоновичем.

Таким образом, доспехи, описанные Л. К. Галаниной как происходящие из двух курганов, в действительности найдены в одном.

¹ Л. К. Галанина. О греческих поножах Северного Причерноморья.— АС, вып. 7. Л., 1965.

² Г. П. Сергеев. Указ. соч.

³ А. И. Мелюкова. Вооружение скифов, стр. 75.

¹ A. Bydłowski. Mogiły w Nowosiółce w powiecie Lipowieckim w gub. Kijowskiej.— Światowit, t. VI. Warszawa, 1905, стр. 24.

² А. А. Бобринский. Вновь открытая гробница скифского царя.— ИАК, вып. 50, Прибавления. СПб., 1913, стр. 149.

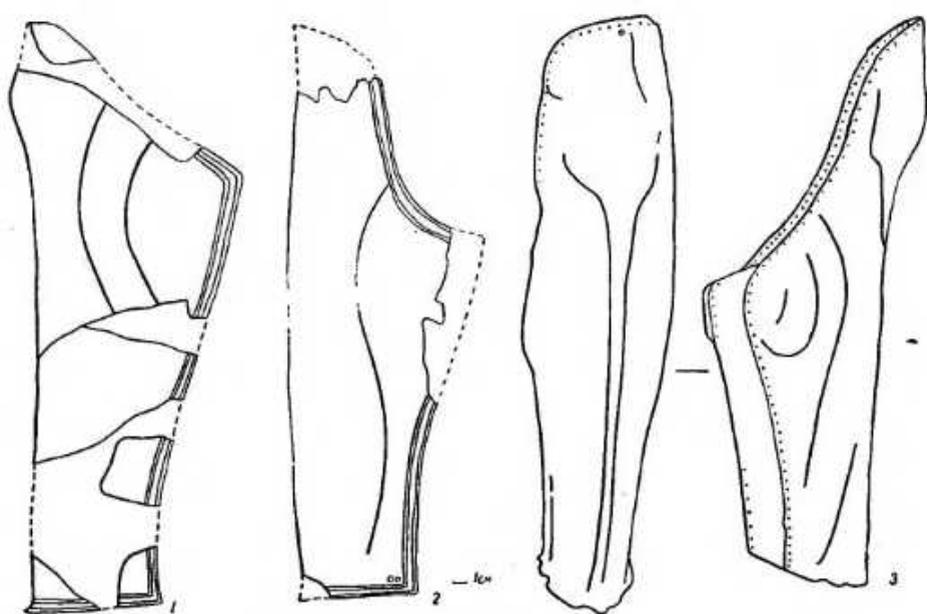

Рис. 59. Поножи.
1 — Кришички; 2 — Аксютинцы; 3 — Олонешты.

В 1868 г. в некрополе Нимфея было хищнически раскопано несколько курганов. В одном из погребений найдены поножи¹. Л. К. Галанина ошибочно описывает их как поножи из некрополя Нимфея, происходящие из кургана, раскопанного в 1867 г.² Правда, Л. К. Галанина оговаривается, что принадлежность поножей к этому комплексу точно установить нельзя. Во всяком случае, в публикации Е. Гарднера материалов из нимфейских погребений, ныне хранящихся в Оксфорде, поножи не упоминаются³. И это не случайно, так как в Оксфордском музее их действительно нет.

Скорее всего, лица, раскопавшие погребение с оружием в Нимфее, сообщая автору первой краткой публикации А. Люценко о своих находках, назвали поножами своеобразные наборные наголенники, ошибочно изданные Е. Гарднером как части наборного панциря.

Большая часть поножей, обнаруженных в погребениях, плохо сохранилась. О некоторых из них можно судить лишь по упоминаниям об их находках в публикациях материалов раскопок.

¹ А. Л [юценко]. Указ. соч., стр. 54—55.

² Л. К. Галанина. Указ. соч., стр. 18, № 5.

³ E. Gardner. Указ. соч.

Поножи, обнаруженные на территории Европейской части Юга СССР, очень близки между собой и относятся в общем к единому типу. Более подробно вопросы их хронологии будут рассмотрены ниже. Здесь ограничимся лишь указанием на то обстоятельство, что самые ранние доспехи, относящиеся к середине V в. до н. э., не отличаются от наиболее поздних¹. Подобным же образом обстояло дело и с поножами, известными в греческой метрополии. Наиболее целесообразный тип этого доспеха оформился еще в период архаики и не претерпел существенных изменений на протяжении всего времени своего бытования.

Полное представление об основной группе поножей дают доспехи из кургана Кекуватского². Они изготовлены из золотистой бронзы, поверхность их тщательно отполирована. Это наиболее развитая форма ножного доспеха, защищавшего не только голень, но и колено воина. На поверхности поножи рельефно выделены колени и мощная мускулатура голени. Вдоль нее проходит рельефное ребро, придающее доспеху дополнительную жесткость. Нижний край слегка утолщен и отогнут наружу. По периметру прочерчены три неглубокие параллельные линии и пробиты мелкие отверстия для закрепления подкладки. Ряд таких же отверстий сделан ниже коленной части доспеха. Вероятно, последние предназначались для крепления мягкой подушечки, защищавшей колено от повреждения металлом доспеха. Острые края пробитых изнутри отверстий тщательно сглажены. Общая высота поножей 41 см (рис. 60, 2).

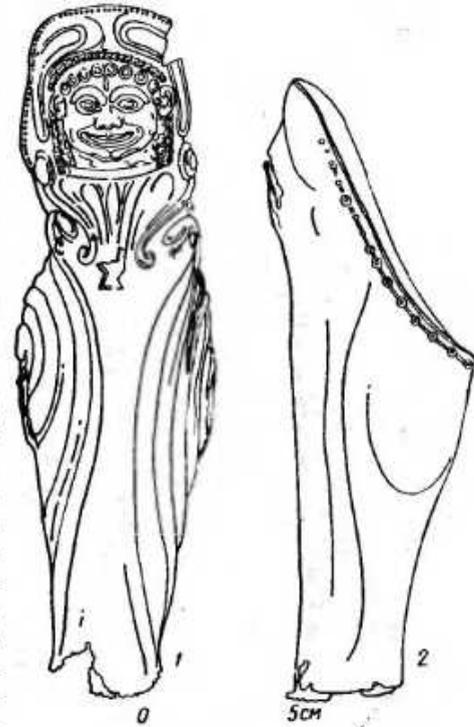

Рис. 60. Поножи.
1 — Керчь, курган 1838 г.; 2 — курган Кекуватского.

¹ Нельзя согласиться с Г. П. Сергеевым, разделившим поножи Олонештского клада на две хронологические группы на основании таких случайных признаков как высота наколенных частей, частота отверстий, проходящих вдоль края, расстояния между крайними доспехов (Г. П. Сергеев. Указ. соч., стр. 135—136). Разница в этих параметрах есть как на доспехах V в. до н. э., так и на поножах IV—III вв. до н. э.

² Описание сделано на основании данных, опубликованных Л. К. Галаниной, и осмотра самих поножей, хранящихся в Отделе истории культуры античного мира Государственного Эрмитажа (№ Кек. 6).

Уникальными по своей отделке являются поножи из кургана, раскопанного в 1838 г. А. Ашиком в Керчи¹. В общих чертах они близки большинству доспехов этого вида. Наколенная часть поножи украшена рельефной маской Медузы с растянутым в узкую щель ртом и нахмуренным лбом. Рельефно выделенные длинные мышцы заканчиваются у колена головами змей. По бокам поножи украшены розетками и волютами. Нижний край их слегка отогнут наружу. Вдоль края пробиты мелкие отверстия для крепления подкладки. Такие же отверстия имеются ниже колена (рис. 60, 1). Высота поножей 47 см, вес около 400 г.

Все достаточно полно сохранившиеся экземпляры поножей, найденные на территории Северного Причерноморья и Северного Кавказа, по которым можно составить представление об их первоначальном внешнем виде, обязательно имеют наколенники. Исключением являются лишь две пары поножей, происходящих из Керчи и раскопанного крестьянами Курджипского кургана в Прикубанье, у которых они отсутствуют. Очевидно, это можно объяснить стремлением использованием поврежденные уже доспехи, имевшие значительную ценность. Для этого у поножи с разрушенным наколенником удалялись мешавшие их дальнейшему применению верхние части. Следы переделки иного рода, при которой стремились улучшить доспех за счет добавления к нему дополнительных пластин, заметны на одной паре поножей Олонештского клада (рис. 59, 3)².

Выше отмечалось, что поножи на протяжении всего времени бытования не претерпевают существенных изменений. Без изменений сохраняется внешний вид доспеха, система закрепления на нем подкладки и самих поножей на ноге. В этой связи показательны наиболее поздние поножи, известные на территории Северного Причерноморья. Они происходят из «кургана 1949 г.» Восточного могильника Неаполя Скифского, где местные жители в сохранившейся части насыпи разрушили несколько погребений³. Э. А. Сымоновичем в 1956 г. была зачищена сохранившаяся нижняя часть одного погребения. На ногах погребенного были надеты бронзовые поножи. Сейчас они хранятся в Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина⁴. Поножи удачно реставрированы из мелких фрагментов. На них рельефно выделено колено и мышцы икры. Нижний край

отогнут наружу. В середине верхнего края и в верхних углах изнутри пробито по большому круглому отверстию. По паре отверстий, расположенных одно над другим, находится в нижних углах. Вдоль нижнего края изнутри сделано десять отверстий небольших размеров. Острые края их слегка сглажены. Высота доспеха 41 см (рис. 61).

Поножи крепились на ноге несколькими способами¹. На большинстве доспехов в верхних и нижних углах пробиты парные отверстия, через которые проходили тонкие ремни завязок. Иной способ крепления имели поножи всадника солохского гребня. Они крепились на ноге с помощью шнурков (скорее всего кожаных), обвязанных вокруг доспеха. Сохранившиеся части таких шнурков были найдены А. Быдловским в одном из курганов Побужья². Поножи могли держаться на ноге и без креплений.

Кроме кнемид, выкованных из сплошной металлической пластины, в скифское время использовались наколенники, набранные из отдельных металлических пластин. Предположение об их существовании было высказано еще в середине прошлого века, но в качестве примера ошибочно приведены обтянутые золотом железные детали набора пояса из Куль-Обы³. Ошибочность такой интерпретации кульобских пластин убедительно доказала А. П. Манцевич⁴.

Первые наборные поножи были обнаружены при раскопках кургана № 3 в ур. Стайкин Верх у с. Аксиутинцы. К сожалению, не было принято никаких мер для сохранения или хотя бы достаточно полной фиксации находки. Пластины поножей были смешаны с частями набора панциря и набедренников, и только из сообщения Д. Я. Самоквасова и А. А. Бобринского можно судить, что они отличались от последних формой и величиной⁵. Выделить пластины наколенников из массы в общем одинаковых пластин,

Рис. 61. Поножи из Неаполя Скифского.

¹ А. И. Мелюкова ошибочно указала, что поножи, украшенные головой Медузы, происходят из кургана Кекуватского, а поножи, описанные ею как классический доспех подобного рода, найдены в Куль-Обе (А. И. Мелюкова. Вооружение скифов, табл. 16, 9, 10). В действительности первые происходят из кургана, раскопанного А. Ашиком в Керчи в 1838 г., а вторые — из кургана Кекуватского.

² Г. П. Сергеев. Указ. соч., рис. 5.

³ Л. К. Галанина ошибочно указала, что поножи происходят из кургана № 2. Очевидно, курганом № 1 она считает курган, раскопанный на территории того же могильника еще в середине прошлого века Дюбуа де Монпере.

⁴ Выражаю искреннюю признательность Э. А. Сымоновичу и И. Д. Марченко за разрешение опубликовать доспех.

¹ Л. К. Галанина. Указ. соч., стр. 14—15.

² А. Bydlowski. Указ. соч., стр. 24.

³ ДБК, стр. 8—92; Атлас, табл. XXVIII, 7.

⁴ А. П. Манцевич. О скифских поясах, стр. 22.

⁵ МРЗ, стр. 103; Смела, II. СПб., 1894, стр. 167.

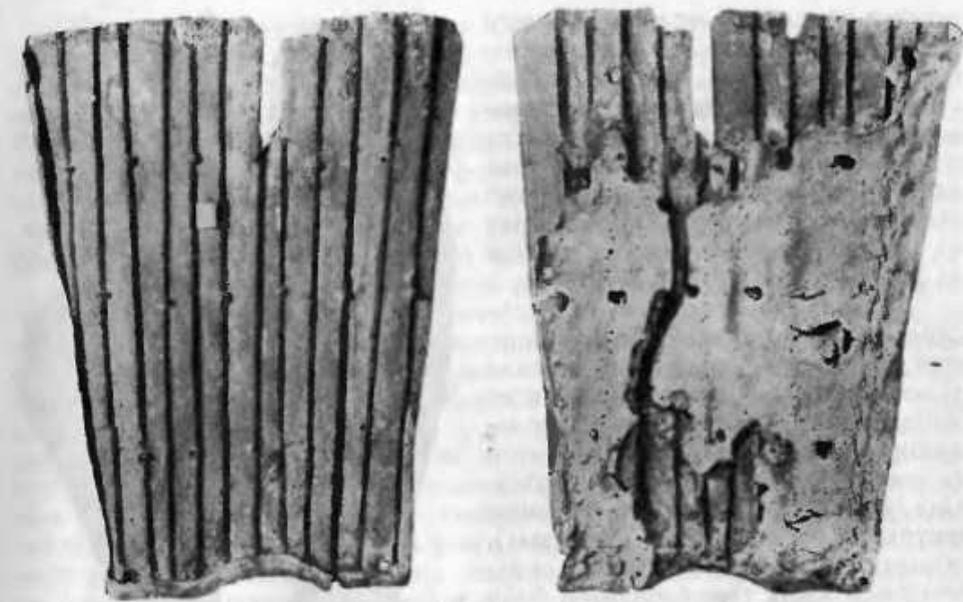

Рис. 62. Полосчатые поножи из Нимфея.

хранящихся ныне в ГИМ, нельзя. Не исключено, что данные Д. Я. Самоквасова и А. А. Бобринского о разной величине и форме пластин ошибочны.

Большой интерес представляет фрагмент, безусловно связанный с защитным вооружением, найденный в одном из курганов в некрополе Нимфея. В настоящее время весь комплекс из кургана хранится в Оксфорде¹.

Интересующий нас фрагмент представляет собой блок, составленный из 13 вертикально расположенных тонких и узких бронзовых пластин. Он имеет форму, близкую к трапецевидной (рис. 62). В середине основания сделан неглубокий вырез. Приблизительная длина блока равна 25 см при максимальной ширине около 20 см. Пластины набора имеют прямоугольную форму. Они ровные, лишь один из длинных краев слегка загнут внутрь. Длина пластин равна длине всего предмета, ширина их немногим более 1,5 см. Каждая деталь перекрывает соседнюю на четверть ее ширины. Пластины связаны между собой и с сохранившейся под ними местами кожаной основой бронзовыми проволочными скобами, образующими три

¹ Ashmolean Museum, Department of antiquities, инв. № 1885/463. Благодарю Г. Карлинга за любезно присланные фотографии этого комплекса.

ряда креплений, расположенных горизонтально. Вдоль края пластин, окаймлявших блок набора, пробиты мелкие отверстия. Через них проходят очень тонкие ремешки, которыми к пластинам пришта кожаная тесьма, сбразующая валик.

Кроме нескольких сохранившихся загнутых концов металлических скоб креплений и заметных в некоторых местах кожаных ремешков вдоль пластин прослеживается еще несколько рядов мелких отверстий. Через них проходили, скорее всего, не тонкие ремешки, а нитки, крепившие к основе мягкую (войлочную?) подкладку или губку.

В нижних углах крайних пластин блока пробито по большому круглому отверстию. В одном из них сохранились части толстого кожаного ремня.

Не может вызывать сомнения предположение, что описанный блок имеет отношение к средствам личной защиты воина. В качестве возможных вариантов назовем щит с панцирным покрытием или панцирь.

Ряд черт сближает эти пластины с панцирным покрытием щитов. Близка их форма, слегка загнутый внутрь край, перекрывающий соседнюю пластину. Аналогичен и способ соединения пластин с помощью проволочных скоб.

В то же время есть и различия. Части панцирного покрытия щитов делались из железа. Более редкое расположение скоб, соединяющих пластины набора рассматриваемого предмета, по сравнению с частым жестким соединением панцирного набора щитов, позволяло придавать блоку из отдельных пластин полукруглую форму. Поэтому, на наш взгляд, нет достаточных оснований видеть в этом фрагменте часть панцирного покрытия щита.

Нельзя предполагать в нем и деталь металлического набора, находящуюся на груди кожаного панциря, близкого по устройству доспеху из волковецкого кургана. Помещение этой жесткой части набора на груди доспеха в значительной мере сковывало бы движения одетого в панцирь воина. Для закрепления на груди кожаного панциря вовсе не обязательно было использовать ремни, проходящие сквозь крупные отверстия в углах блока полос. Принцип крепления с помощью проходящих через большие отверстия, сделанные в металлических частях набора, ремней очень характерен для описанного выше соединения концов портупейных поясов. В случае помещения блока на нагрудной части кожаного панциря не было надобности ни в этих больших, ни в мелких отверстиях, пробитых вдоль пластин. Как позволяют судить сохранившиеся металлические части кожаного панциря из Волковцев, последние крепились на доспехе с помощью кожаных ремешков через отверстия, проходящие по краям блока набора.

Вряд ли можно сомневаться в том, что в описанном фрагменте следует видеть не отдельный самостоятельный вид защитного доспеха, а лишь какой-то его элемент. Скорее всего, он является наборным полосчатым наголенником. В пользу этого, помимо уже отмеченных данных, которые нельзя

объяснить, трактуя блок как часть панциря или щита, говорят еще некоторые обстоятельства. Размеры блока достаточны для защиты ноги от подъема до колена. Неглубокий вырез в середине нижнего края сделан для предохранения от травмирования острыми краями подъема ступни. Следом крепления мягкой подкладки, необходимой для доспеха, защищавшего ногу, являются, вероятно, мелкие отверстия по краю пластин. Такая поножь надежно крепилась на ноге с помощью ремешков, проходивших через крупные отверстия в нижней части блока.

В случае верности определения рассмотренных пластин в качестве наборных наголенников, они могут быть примером применения для защиты ног воина не только поножей, набранных из пластин, близких набору панцирей (как в доспехе из аксютинецкого кургана), но и полос, использовавшихся для покрытия щитов. Их можно рассматривать как еще одно проявление широкого местного производства в Северном Причерноморье наборного защитного вооружения.

Поножи, выявленные на территории юга Восточной Европы, датируются временем с середины V в. до н. э. до конца II в. до н. э. С V в. до н. э. связываются лишь три их находки¹. Древнейшими поножами являются доспехи из Ромейковки, относящиеся к середине V в. до н. э. Ко второй половине V в. до н. э. можно отнести поножи из Нимфея. Концом V — началом IV в. до н. э. датируются поножи из кургана у хут. Пивнева на Кубани. Основная же часть известных ныне доспехов этого рода относится к IV—III вв. до н. э.

Нельзя согласиться с Л. К. Галаниной, утверждающей, что после первой половины III в. до н. э. поножи на территории Северного Причерноморья не встречаются². Доспехи из «кургана 1949 г.» обнаружены в памятнике не старше II в. до н. э. Еще более поздние поножи (I в. до н. э.) изображены на стеле Газурия из Херсонеса³.

Сплошные бронзовые набедренники, изредка использовавшиеся в античном мире, очевидно, не нашли применения в Северном Причерноморье. Ни целых экземпляров, ни частей, которые безусловно можно было бы отнести к этому виду защитного доспеха, пока что не обнаружено. Их с успехом заменяли наборные набедренники, подобные надетым, по словам исследователей, на воине из кургана № 3 у с. Аксютинцы. Однако выделить части этих наборов из массы остальных пластин доспехов в настоящее время еще нельзя.

Вероятно, наборные набедренники имел также воин в кургане, раскопанном в 1927 г. под Ждановом. По сообщению автора раскопок, на нем

был надет длинный доспех, доходивший до колен. Панцири такой длины в скифское время нам не известны. Возможно, в данном случае мы имеем дело с набедренниками, соединенными окислами в одно целое с панцирем⁴. Есть все основания полагать, что изображенные ниже панциря на стеле воина из собрания Краснодарского музея крупные насечки, имитирующие металлический пластинчатый набор, воспроизводят доспех этого же типа (рис. 16).

Очень большой интерес представляют кожаные штаны, покрытые металлическим набором, из кургана у с. Новорозановка. Они представляют собой оригинальный доспех, соединявший в себе набедренники и поножи. Вероятно, именно такие штаны и были найдены на воине из аксютинецкого кургана.

В. Д. Блаватский обратил внимание на то обстоятельство, что находки поножей не известны там, где они, казалось бы, должны быть найдены прежде всего — в некрополях античных городов-колоний. Для объяснения этого явления он выдвинул предположение, что «севернопонтийские гоплиты помимо поножей могли применять подвешенные к щитам коврики, как это делали их малоазийские собратья»⁵. Именно такой кожаный или войлочный коврик, прикрепленный, по словам исследователя, к щиту, изображен на одном из Херсонесских надгробий⁶. Мнение В. Д. Блаватского безоговорочно поддержала Л. К. Галанина⁴.

Однако такой вывод основан на явном недоразумении. Необходимо отметить, что появление подобных ковриков, укрепленных на нижней части щита, с развитием самих поножей непосредственно не связано. Оно было вызвано появлением новых форм щитов, использовавшихся воинами античного мира. Л. К. Галанина обратила внимание на верную мысль В. Герте о связи размеров щита с определенным видом использовавшихся вместе с ним поножей. Но уменьшение размеров щита не могло повлечь за собой значительного увеличения ножных доспехов. Поэтому после отказа от больших щитов, защищавших туловище и верхнюю часть ног воина, бедра оказались незащищенными. Для их защиты и начинают применять бронзовые набедренники, близкие доспехам, найденным в Олимпии⁵. Вероятно, бытовали и кожаные набедренники, аналогичные тем, какие, по словам Ксенофонта, были на вооружении всадников тяжелой античной конницы. Для изготовления их применялась толстая кожа, «из какой делают подошвы»⁶.

¹ Е. В. Черненко. Скифські кургани V ст. до н. е. під м. Ждановом.

² В. Д. Блаватский. История античной расписной керамики. М., 1953, стр. 13; его же. Очерки военного дела..., стр. 76.

³ ОАК за 1905 г. СПб., 1908, стр. 42, рис. 37.

⁴ Л. К. Галанина. Указ. соч., стр. 11.

⁵ A. Furtwängler. Olympia, v. IV. Berlin, 1890, табл. XX, 996.

⁶ Ксенофонт. О коннице, XII, 10.

¹ Мы имеем в виду только сплошные бронзовые поножи античного типа.

² Л. К. Галанина. Указ. соч., стр. 12.

³ ОАК за 1892 г. СПб., 1894, стр. 26, рис. 23; В. Д. Блаватский. Очерки военного дела..., стр. 79, рис. 35.

Однако бронзовые набедренники были дороги и недоступны основной массе воинов. Как замену их и стали применять прикрепленные к нижней части щита коврики из толстой ткани или кожи. Первым обратил внимание на это еще В. Герте¹. Он же отметил малую надежность подобной системы личной защиты. Согласно В. Герте, примерно с середины V в. до н. э. известны изображения защитных ковриков и в вазовой живописи. Подобные защитные приспособления применяли не только малоазийские, но и аттические гоплиты.

Интересно, что на подавляющем большинстве известных нам изображений коврики не заменяют ножной доспех, а лишь дополняют его², защищая тело воина от верхнего края поножей до низа живота и выполняя, таким образом, роль набедренников³. Даже на тех малоазийских саркофагах, изображения которых В. Д. Блаватский использовал для вывода о ковриках как эквиваленте поножей, ясно видно, что этот доспех только дополняет, а не заменяет кнемиды⁴.

¹ W. Gaerte. Die Beinschutzwaffen der Griechen. Dresden, 1920, стр. 38—40.

² Нам известно только одно изображение такого коврика на щите воина, не имеющего поножей (AR, рис. 1).

³ E. Gerhard. Auserlesene Vasenbilder, b. I. Berlin, 1841, табл. I, 4; b. III, табл. XVI, 2, 3; Corpus Vasorum antiquorum, London, 1930, табл. 74, 2.

⁴ Antike Denkmäler, b. I, № 4. Berlin, 1890, табл. 44; 46, 2; E. Akurgal. Указ. соч., табл. 28.

Вопросы происхождения скифского защитного доспеха, его связей с вооружением народов Закавказья, Передней Азии и эгейского мира в той или иной мере затрагивались в работах Б. Б. Пиотровского, А. А. Исесена, А. О. Мнацкяна, А. А. Мартиросяна, Т. С. Хачатряна, Е. И. Крупнова, Т. В. Блаватской, В. И. Авдиева. Особую ценность с этой точки зрения имеют для нас диссертационные работы С. А. Есяна и М. Н. Погребовой, в которых проведен всесторонний анализ всего комплекса вооружения древних народов Закавказья периода эпохи бронзы и начала железного века. Важные данные о появлении и распространении различных средств личной защиты на территории Переднего и Ближнего Востока, Балкан и Средиземноморья имеются в работах И. М. Дьяконова, Б. А. Куфтина и М. Э. Матье. Ценные материалы по интересующему нас вопросу приведены в работах Ф. Петри, Р. Барнета, Л. Огненовой, А. Снодграсса и других зарубежных исследователей. Особый интерес представляет капитальная работа И. Ядина, который тщательно собрал огромный материал по ранней истории защитного вооружения в странах Переднего Востока. Интересную мысль о роли скифов в проникновении в Европу наборных панцирей высказал Б. Тордеман. В общем верный краткий очерк происхождения панцирного наборного доспеха содержится во введении к работе А. Ф. Медведева о древнерусских панцирях¹.

Специальных работ, посвященных общим вопросам происхождения всего комплекса защитного вооружения скифского времени, нет. Поэтому представляется целесообразным дать в этой работе небольшой очерк истории появления, развития и распространения различных видов и типов оборонительного оружия, а также проникновения его на территорию Юга Европейской части СССР.

ПАНЦИРИ

Простейшим видом вооружения, защищавшего корпус воина и оставлявшего свободными его руки, является сделанная из толстой плотной кожи куртка — примитивный «панцирь». Следующим шагом по увеличению надежности этого доспеха было укрепление кожи нашитыми на нее метал-

¹ А. Ф. Медведев. К истории пластинчатого доспеха на Руси. — СА, 1959, № 2.

лическими деталями. Возникновение и распространение панцирного доспеха, усиленного металлом, И. Ядин верно ставит в прямую связь с начавшимся широким применением боевых колесниц и сложных луков¹.

Появление панцирной защиты имело очень важное значение в развитии вооружения, в истории самого военного дела. Не случайно Ф. Энгельс поставил это событие в один ряд с такими выдающимися техническими достижениями человечества, как изготовление каменного, бронзового и железного оружия, пороха, артиллерии².

С глубиной древности развитие панцирной защиты шло по нескольким направлениям. Представляется возможным выделить четыре основные системы доспехов этого рода: панцири, усиленные мелкими круглыми пластинами, пекторали, кирасы и пластинчатые панцири. Рассмотрим каждую из этих групп отдельно.

Панцири, усиленные мелкими круглыми пластинами. Начало использования металла для усиления доспеха относится к середине III тысячелетия до н. э. Вещественные находки металлических частей панцирей, которые можно было бы надежно датировать этим временем, неизвестны. Представление о них дают памятники изобразительного искусства Двуречья. По мнению И. М. Дьяконова и И. Ядина, на длинных плащах, в которые одеты воины, изображенные на «штандарте из Ура» и на инкрустированной панели из замка Иштар в Мари, нашиты круглые металлические пластинки. Эти доспехи и рассматриваются ими в качестве своеобразных панцирей³.

На территории СССР древнейшие панцири с набором из круглых пластин открыты в Закавказье. В погребении X могильника у Паравана (конец III тысячелетия до н. э.) найдены небольшие круглые пластины из бронзы⁴. По мнению многих исследователей, они являются остатками панцирей. Полученные при раскопках материалы не дают возможности восстановить внешний вид этого и более поздних доспехов. Подобные панцири, очевидно, не получили заметного распространения в эпоху ранней и средней бронзы⁵. Лишь начиная с XIII—XI вв. до н. э. их становится больше. Части металлических пластин таких же панцирей найдены в Лчашене (XIII в. до н. э.). В могиле XII—XI вв. до н. э. № 3 некрополя Артика Т. С. Хачатряном вместе с остатками кожи были обнаружены боль-

Рис. 63. Реконструкция панциря из Головино (по А. О. Мнацкянью).

шая круглая орнаментированная бронзовая пластина и более сотни мелких бронзовых круглых пластинок — деталей панцирного покрытия¹.

В основном удачная попытка реконструкции панциря этого типа была сделана А. О. Мнацкянью на материалах погребения конца II — начала I тысячелетий до н. э. № 6 могильника у с. Головино в Армении. Он имел вид нагрудника, сплетенного из кожаных ремней (рис. 63). В нижней части доспеха, по бокам его, находились широкие ленты, образующие пояс. На коже были нашиты шесть круглых гладких бронзовых блях диаметром 8 см, небольшие бляшки той же формы и круглый деревянный диск диаметром 14 см².

В реконструкции А. О. Мнацкяня некоторые вопросы устройства панциря остались нерешенными. В частности, не выяснен принцип соединения верхней нагрудной части доспеха с наспиной.

Приблизительно этим же временем датируются остатки подобного кожаного панциря, усиленного круглыми металлическими пластинами, из погребения № 1 у Дилижана. Панцири близкого устройства найдены

¹ Т. С. Хачатрян. Материальная культура древнего Артика. Ереван, 1963. стр. 60—61, рис. 9.

² А. О. Мнацкян. О раскопках могильников у с. Головино (Армения). — КСИИМК, вып. 46. М., 1962, стр. 63—71.

¹ Y. Yadin. The Art of Warfare in Biblical lands. London, 1963, стр. 85.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 650.

³ И. М. Дьяконов. Общественный и государственный строй древнего Двуречья. Шумер. М., 1959, стр. 178—179; Y. Yadin. The Art..., стр. 49, рис. на стр. 132—133, 138—139.

⁴ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Трвалети. Тбилиси, 1941, стр. 101, табл. СХV.

⁵ А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964, стр. 121.

Рис. 64. Бронзовые панцирные пластины.
1 — Пятигорск; 2 — Эшер.

также в ряде погребений VIII—V вв. до н. э. на территории Закавказья: в Параване, Кедабеке, Польшидгаге, Доланоре, Гозлу¹. После V в. до н. э. доспехи с таким набором в этом районе неизвестны.

Панцири, укрепленные нашитыми на основу небольшими круглыми пластинами, получили некоторое распространение в эпоху бронзы на территории островной Греции. Однако очень нечеткое описание крайне редких находок их в публикациях и не совсем достоверные изображения на немногих памятниках искусства не позволяют сделать вывод ни о способе крепления частей набора на основе, ни об устройстве самого доспеха².

Пекторали. Панцири со сплошными металлическими пластинами — пекторальями, — расположенными в верхней нагрудной части доспеха, известны на Переднем Востоке и в Закавказье с VIII—VII вв. до н. э. Массивная орнаментированная бронзовая пластина, очевидно, являвшаяся частью кожного панциря, происходит из Луристана. Она датируется Р. Гиршманом VIII—VII вв.

до н. э.³ Исследователь отметил большое распространение сплошных металлических пластин у населения Урарту⁴.

В состав инвентаря захоронения в Эшер (Абхазия) и клада с Бештау (Пятигорск) входили бронзовые орнаментированные подковообразные пластины (рис. 64)⁵. По мнению Б. А. Куфтина, эшерская пластина является частью «бронзового культового облачения». Однако скорее был прав А. А. Иессен, считая, что подобные пластины «имели не специально культовое назначение, а были украшением или усилением боевой одежды муж-

чины-воина, может быть, кожного панциря». Наличие в эшерском комплексе оружия подкрепляет такое предположение¹.

Пластина, являющаяся почти точной копией упомянутой выше части доспеха из клада на горе Бештау, найдена в 1964 г. А. П. Руничем при раскопках Султан-Горского могильника (сообщение Н. В. Анфимова).

Кроме бронзовых пекторалей при изготовлении панцирей использовались и близкие им по форме золотые пластины. Но если бронзовые детали применялись не только для украшения, но и для увеличения защитных свойств доспеха, то золотые предназначались лишь для украшения. Мнение Р. Гиршмана о защитном характере золотых, роскошно декорированных пекторалей из скифского погребения у Зивие² представляется неубедительным.

Близкая по форме передневосточному бронзовым пластинам пектораль обнаружена в погребении VI в. до н. э. у Требениште в Болгарии³. Очевидно, она защищала и украшала верхнюю часть доспеха. Значительное количество пекторалей происходит с территории Фракии. Д. П. Димитров отметил 15 их находок⁴. Подобные изделия неизвестны в греческих погребениях, а характер украшений не свойственен греческому искусству⁵. Чаще всего фракийские пластины сделаны из золота (Дёбоки, Башева могила и др.), реже из серебра. Они имеют преимущественно ромбовидную с обрезанными острыми углами или эллипсовидную форму.

Большинство металлических пластин, найденных во Фракии, могли быть использованы лишь в качестве украшений, а не как средство защиты. В пользу этого свидетельствует как материал, из которого они изготовлены (золото, серебро), так и незначительная их толщина. Исключением являются пластины с железной основой из Мезека⁶ и Вёрбице⁷.

В верхней части массивной железной пластины из Мезека имеется невысокий бортик, защищавший шею. Под изделием находился толстый слой кожи. Пластина из Вёрбице тождественна мезекской. Создается даже впечатление, что они сделаны по одному образцу. Найденные рядом с вёрбицкой пластиной остатки железа, вероятно, являются частями основы. Пектораль крепилась к ней с помощью гвоздиков, найденных тут же. Вероятно, обе пластины были нашиты на верхнюю часть кожного панциря⁸. Во многих случаях золотые и серебряные пекторали из Фракии обнаружены

¹ А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв..., стр. 126.

² R. Ghirshman. Указ. соч., стр. 104.

³ R. Ghirshman. Указ. соч., стр. 310, рис. 375.

⁴ Д. П. Димитров. Указ. соч., стр. 15.

⁵ Б. Филов. Антична гробница при с. Дълбоки, Старозагорско.— ИБАИ, т. VI. София, 1930—1931, стр. 54.

⁶ Б. Филов. Куполните гробници при Мезек.— ИБАИ, т. XI. София, 1937, стр. 68, рис. 75.

⁷ Л. Огненова. Ризници на Траки..., стр. 34, рис. 15.

⁸ Там же, стр. 32—33.

¹ С. А. Есаян. Погребения VI—V вв. до н. э. в горах Шамшадина.— СА, 1965, № 3, стр. 232.

² A. Snodgrass. Early Greek armour and weapons. Edinburgh, 1964, стр. 85.

³ R. Ghirshman. Iran, Protoiranien, Meder, Achämeniden. München, 1964, стр. 303—304, рис. 380.

⁴ R. Ghirshman. Указ. соч., стр. 308—309.

⁵ Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды. Тбилиси, 1949, стр. 164—166, рис. 31; А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв..., стр. 124—126, рис. 13.

вместе с панцирями типа кирас. Они находились в верхней нагрудной части доспеха, украшая его.

На территории Северного Причерноморья пекторали из драгоценных металлов не применялись. Единственной находкой подобного рода, возможно, являлась утраченная ныне «большая золотая бляха с узором (нагрудник)» из раскопанного крестьянами кургана № 4 Яблоновской группы на днепровском Правобережье¹.

Бронзовая пластина от кожного панциря IV в. до н. э. обнаружена Н. Е. Бранденбургом в кургане № 493 у с. Ильинцы (рис. 3). По форме она близка одновременным ей пекторалам из Фракии (Мезек, Вёрбице).

Кирасы. Древнейшие упоминания о панцирях, имевшихся на вооружении у воинов Средиземноморья, содержатся в «Илиаде». По подсчетам Б. А. Куфтина, панцири греков упоминаются в ней шесть раз, панцири троянцев 25 раз. Но отсутствие их находок в могилах микенского времени позволило В. Рейхелю высказать предположение, что панцири «Илиады» являются позднейшей интерполяцией, сделанной только в VI—V вв. до н. э., когда этот тип защитного вооружения получил широкое распространение². Полностью согласился с мнением В. Рейхеля Б. А. Куфтин.

Даже в вышедшей в 1950 г. капитальной работе Х. Лоример³ не было приведено никаких новых данных о развитии средств личной защиты в микенском мире. Только С. Я. Лурье на основании изучения микенских надписей пришел к выводу о существовании в это время панцирей⁴.

Раскопки последних лет внесли существенные коррективы в представления о времени появления панцирного доспеха в Средиземноморье. В погребении № 13 могильника Дендры были найдены остатки бронзового панциря (рис. 65, 2). Он состоял из двух основных частей — нагрудной и наспинной — и наплечников. Основные части были набраны из коротких пластин, к которым снизу прикреплялись несколько широких полос, расположенных горизонтально. Части соединялись между собой с помощью ремней⁵. Устройство доспеха, как верно отметил Верделис, полностью согласуется с описанием панциря у Гомера. Погребение относится к микенскому периоду ПВ-IIIА (около 1450—1400 гг. до н. э.). Эта находка позволила Верделису сделать важный вывод о появлении бронзовых доспехов в микенском мире еще перед концом XV в. до н. э.⁶

Следует отметить, что панцири типа, представленного в некрополе Дендры, являются достаточно совершенным и развитым доспехом. Така-

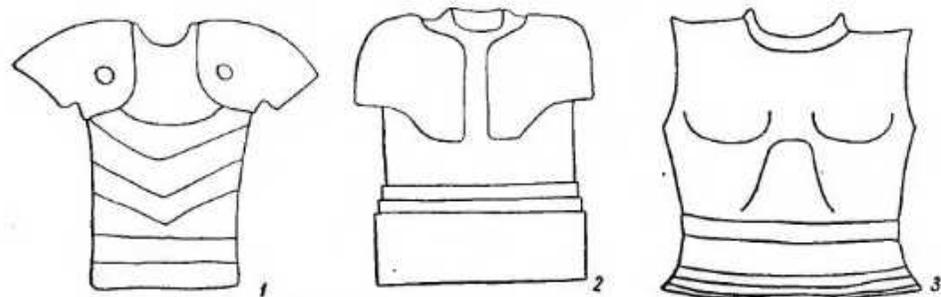

Рис. 65. Панцири из Средиземноморья.

1 — изображение на рельефе из Мидиет-Хабу; 2 — Дендры; 3 — Агрос.

тельно продуманная целесообразная система размещения отдельных его частей, высокое мастерство исполнения позволяют видеть в этих панцирях конца XV в. до н. э. уже не первые опыты создания тяжелого защитного оружия.

Важность находки целого панциря в Дендрах заключается еще и в том, что она позволила верно определить принадлежность к доспеху подобного рода фрагмента, найденного незадолго перед войной¹. До этого Д. Чадвиком и М. Вентирисом он ошибочно определялся как шлем особой конструкции².

Еще один целый панцирь такого же типа был обнаружен в Дендрах в 1962 г.³

Известны и изображения подобных панцирей. Статуэтка воина, одетого в панцирь, найдена на Крите. Она датируется 1400 г. до н. э.⁴

Части близких по типу доспехов, относящихся к несколько более позднему времени, открыты в ряде мест островной и материковой Греции⁵.

Панцири, аналогичные найденным в Дендрах, очевидно, имели довольно значительное распространение. Об этом свидетельствуют как относительно частые находки их самих, так и то обстоятельство, что они известны в памятниках изобразительного искусства. Существовала даже специальная идеограмма для обозначения панциря⁶.

Ценным источником, свидетельствующим о широком применении подобной системы личной защиты воина, являются памятники монументаль-

¹ МРЗ, стр. 120.

² W. Reichel. Homerische Waffen. Wien, 1901, стр. 91—93.

³ H. Lorimer. Homer and the monuments. London, 1950.

⁴ С. Я. Лурье. Язык и культура микенской Греции. М.—Л., 1957, стр. 72.

⁵ H. Müller-Karpe. Zur spätbronzezeitlichen Bewaffnung in Mitteleuropa und Griechenland.— Germania, b. 40, № 2. Berlin, 1962, рис. 10, 3; G. Daux. Chronique des fouilles 1960.— BCH, LXXXV—II. Paris, 1961, стр. 672—673, рис. 1, 2.

⁶ J. Ailsop. From the silent earth. London.— New-York, 1964, стр. 255.

¹ A. Snodgrass. Early Greek armour..., стр. 71—72.

² W. Taylor. The Mycenaeans. London, 1964, стр. 144.

³ G. Daux. Chronique des fouilles 1962.— BCH, LXXXVII—II. Paris, 1963, стр. 746—748, рис. 4.

⁴ Н. А. Сидорова. Археологические открытия в Средиземноморье.— СА, 1962, № 1, стр. 336.

⁵ A. Snodgrass. Early Greek armour..., стр. 72.

⁶ W. Taylor. Указ. соч., стр. 141, рис. 54.

ной живописи древнего Египта. Скорее всего, именно такие панцири одеты на воинах «народов моря», сражающихся с египтянами (рис. 65, 1). Их битва изображена на цветном рельефе из Мединет-Хабу, относящемся ко времени Рамзеса III (первая половина XII в. до н. э.)¹. Этот рельеф является наиболее поздним достоверным свидетельством использования рассматриваемых панцирей.

Для времени последних веков II — первых веков I тысячелетий до н. э. мы не располагаем материалами по интересующему нас вопросу. Развитие панцирной защиты на территории Средиземноморья в этот период можно представить лишь в самых общих чертах.

В нашей диссертационной работе была высказана мысль о том, что в первые века I тысячелетия до н. э. развитие сложного, состоящего из многих частей доспеха, аналогичного дендринскому, привело к оформлению более простых панцирей типа кирасы. Они состояли из двух частей — нагрудной и наспинной, — соединенных на плечах и боках². Благодаря любезности А. Снодграсса, зимой 1967 г. автор получил возможность ознакомиться с его превосходной монографией о раннегреческом вооружении, работой, где тщательно собран и обобщен ценный и зачастую мало-доступный материал. По вопросу развития панцирной защиты микенского мира А. Снодграссом высказаны соображения, аналогичные нашим³.

Древнейшей кирасой является доспех конца VIII в. до н. э. из некрополя Аргоса (рис. 65, 3), хорошо известный по публикациям П. Корбина⁴. На его примере можно четко проследить путь развития панцирных доспехов конца II тысячелетия до н. э. к панцирям-кирасам.

Выше уже приводилось описание панциря из Дендр. Развитие панцирей этого типа шло по линии удлинения основной части за счет отказа от горизонтальных полос. Вероятно, на связь панциря из Аргоса с более ранними доспехами указывают горизонтальные рельефные линии, находящиеся в нижней его трети.

Панцирь, подобный аргосскому, представляет собой вполне совершенный тип доспеха, но претерпевшего существенных изменений на протяжении всего античного времени. Дальнейшее его развитие определялось лишь стремлением сделать панцирь более удобным для ношения, приблизить его форму к форме тела воина.

Окончательное оформление типа «мускульных» панцирей-кирас произошло в начале V в. до н. э.⁵ Они становятся обычными для античного ми-

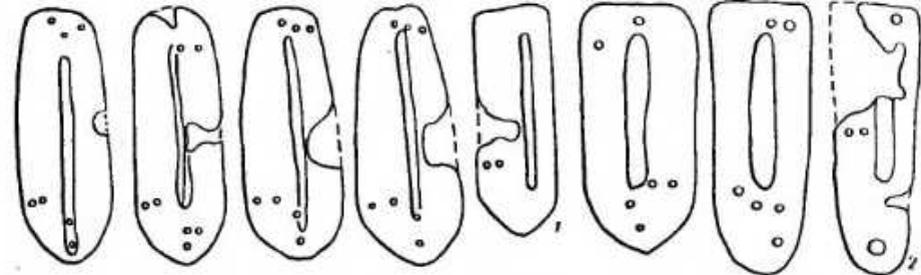

Рис. 66. Панцирные пластины.

1 — Нузи; 2 — Мегиддо.

ра. Подавляющее большинство воинов — участников батальных сцен в античной вазовой живописи одеты в них.

Кирасы получили значительное распространение также во Фракии¹. На юге Восточной Европы известны лишь три их находки.

П л а с т и н ч а т ы е п а н ц и р и. Древнейшие панцири, набранные из отдельных пластин, происходят с территории Сирии, Египта и Месопотамии. Они известны по письменным источникам, изображениям на рельефах и фресках, по отдельным находкам фрагментов набора и целых доспехов. Появление их относится к XVI—XV вв. до н. э.

Египетские, сирийские и месопотамские панцири имеют пластины очень близкой формы с одинаковым расположением отверстий на них. Очевидно, одинаков был также принцип набора и само устройство панцирей. По сути, мы имеем дело с единым видом защитного оружия.

На территории Сирии панцирный доспех известен с глубокой древности. Уже в надписи Тутмоса III (1525—1491 гг. до н. э.) перечислены трофеи, взятые египтянами у сирийцев в битве при Мегиддо: «...Одна добротная бронзовая броня того врага, одна добротная бронзовая броня владетеля Мегиддо, двести... броней его жалкого войска»². Несомненно, здесь речь идет именно о панцирях, а не о щитах, так как в дальнейшем перечне трофеев последние упоминаются отдельно.

К середине II тысячелетия до н. э. относятся остатки панциря из Нузи, хранящиеся в Багдадском музее. Пластины имеют разные размеры (рис. 66, 1). Величина их зависит от местонахождения в системе набора. Все они вытянутые, прямоугольные в верхней и округлые в нижней части. Вдоль пластины проходит рельефное ребро, на каждой из них видно по четыре отверстия (три в верхней правой части и одно внизу сбоку). Набор левый.

¹ L. О г н е н о в а. Les cuirasses de bronze trouvées en Thrace.— BCH, LXXXV—11. Paris, 1961.

² Хрестоматия по истории древнего Востока. М., 1963, стр. 87—92.

¹ Y. Yadin. The Art..., рис. на стр. 342.

² Е. В. Черненко. История скифского оборонительного доспеха. Автореферат кандидатской диссертации. К., 1966, стр. 15.

³ A. Snodgrass. Early Greek armour..., стр. 73.

⁴ P. Courbin. Discoveries at ancient Argos. Archaeology, v. 9, № 3, 1957; его же. Une tombe géométrique d'Argos.— BCH, LXXXI—II. Paris, 1957.

⁵ Д. П. Димитров. Указ. соч., стр. 215.

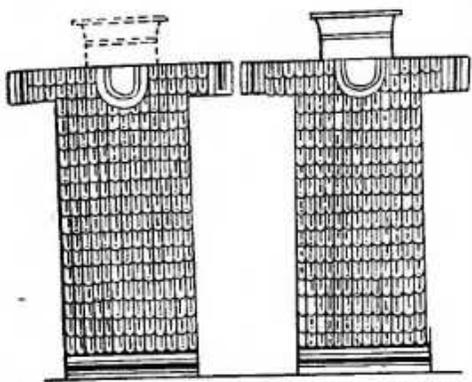

Рис. 67. Изображение панцирей на фресках гробницы Кенамона.

Размеры пластин $11,3 \times 6,3$ см, $10,1 \times 4,5$ см и $6,4 \times 3,6$ см, средняя толщина около 2 мм¹.

На глиняных табличках из архива в Нузи имеются описи военного снаряжения. В них отмечено количество больших и малых пластин, входивших в состав панцирных наборов. На одной таблице записан текст о четырех доспехах. Один из них состоял из 400 больших и 280 малых чешуй, другой — из 1035 пластин без обозначения их размера. Нельзя не согласиться с выводом И. Ядина, что панцири, в состав которых входили мелкие части набора, были лучшими,

чем доспехи, набор которых состоял лишь из крупных пластин². При раскопках Мегиддо в слоях VI, VIIa и VIII, относящихся ко времени от середины II тысячелетия до конца XII в. до н. э., найдены бронзовые пластины панцирного набора³. Они имеют ту же форму, что и пластины, входившие в состав набора близких им по времени панцирей из Нузи. Размеры частей набора $5,5 \times 1,8$ см, $5,4 \times 2$ см, $5,1 \times 2,3$ см (рис. 66, 2). Такие же пластины происходят из района Нор-Баязета⁴.

На территории Египта панцири известны со времени Нового царства. Представление о них дают древнейшие изображения этих доспехов, относящиеся к началу XV в. до н. э. Интересно, что указанные панцири имеют довольно совершенную, развитую форму. Несомненно, и здесь мы имеем дело уже не с первыми образцами защитного доспеха.

На фресках гробницы Кенамона — крупного чиновника Аменхотепа II (1491—1465 гг. до н. э.) — изображена сокровищница фараона. Среди большого количества предметов вооружения — щитов, колчанов, мечей, боевых секир имеется изображение двух панцирей⁵. Они имеют вид длинной рубашки с очень короткими рукавами и высоким стоячим воротником (рис. 67). Металлический набор состоял из крупных продолговатых пластин, закругленных в нижней части, которые образуют горизонтальные ряды. Рукава набраны из таких же деталей, расположенных вдоль рукава. Вероятно, пластины были золотыми или бронзовыми⁶.

¹ Y. Yadin. The Art..., стр. 85, нижний рис. на стр. 196; C. Shaeffer. *Stratigraphie comparée et chronologie de l'Asie Occidentale*. London, 1948, табл. 312, 18—20.

² Y. Yadin. The Art..., стр. 85.

³ Megiddo. *Seasons of 1935—1939*, vol. II. Chicago, 1948, табл. 177, 6—8.

⁴ А. А. Мартиросян. Указ. соч., стр. 85.

⁵ N. G. Davies. *The tomb of Kenamun at Thebes*. New-York, 1930, табл. XVI.

⁶ Там же.

В описи царского вооружения из сокровищницы Аменхотепа II, в которой упоминаются 230 колчанов, 680 щитов и даже 140 железных кинжалов¹, панцири не указаны. На фреске, где изображены слуги самого Кенамона, несущие его оружие — щит, колчаны, бумеранг, — панциря также нет.

Представление о пластинах, из которых набран панцирь, изображенный на фресках гробницы Кенамона, дают одновременные им чешуи из дворца Аменхотепа II в Фивах. Они продолговатые, закругленные в верхней и заостренные в нижней части. Вдоль пластины проходит рельефное ребро. Кроме трех отверстий в верхней правой части имеется еще четыре других — два внизу, расположенные вертикально по оси пластины, и два в нижней части левой стороны, расположенные горизонтально. Длина пластин 11,5 см.

Вероятно, в это время панцирей было немного. Их не имели даже чиновники из ближайшего окружения фараона. Не было панциря и у Кенамона, занимавшего очень высокий пост — царского дворецкого, начальника стад Амона, и бывшего молочным братом самого фараона.

Панцири упоминаются и в письменных египетских источниках. В описании битвы при Кадеше (1312 г. до н. э.) есть слова о том, что Рамзес II «одел свой панцирь»². Изображение Рамзеса, поражающего хеттов в этой битве, имеется на рельефе XIII в. до н. э. Фараон одет в длинный с короткими рукавами панцирь, набранный из мелких пластин³.

Бронзовые продолговатые, округлые в нижней части пластинки были найдены в гробнице Аменхотепа II в Фивах⁴. Аналогичные пластины обнаружены также в гробнице Рамзеса III (1204—1173 гг. до н. э.). Они крепились гвоздиками к деревянному трону. Их форма абсолютно тождественна форме пластин панцирей, изображенных на фресках. Вероятно, подобными же пластинами оббит трон фараона, представленный на одной из фресок гробницы Кенамона⁵.

Близки им панцири с фресок гробницы Рамзеса III в Фивах. На этих доспехах пластины образуют 11—12 горизонтальных рядов. Короткие рукава составлены из двух рядов чешуи. Панцири не имеют ворота, рукава их несколько длиннее, чем на фресках Кенамона, и почти достигают локтя⁶. Несомненно, панцири такого же типа одеты на египетских лучниках, изображенных на большом цветном рельефе времен Рамзеса III.

¹ В. И. Авдиев. *Военная история древнего Египта*, т. II. М., 1959, стр. 263.

² Хрестоматия по истории древнего Востока, стр. 122.

³ Y. Yadin. The Art..., стр. 35, рис. на стр. 240—241.

⁴ W. M. F. Petrie. *Tools and Weapons*. London, 1916, стр. 38, табл. V, 105—108.

⁵ N. Davies. Указ. соч., табл. XI.

⁶ J. G. Wilkinson. *Manners and customs of the ancient Egyptians*, vol. I. London, 1837, стр. 321—322; его же. *A popular account of the ancient Egyptians*. London, 1890, стр. 366—367, рис. 324, 2.

Рис. 68. Сирийский колесничий.

Изображения пластинчатых панцирей известны и на скульптурных памятниках. Известняковый торс фигуры, найденной в Карнаке, покрыт изображением чешуй, имитирующих металлический набор¹.

В Эрмитаже хранится бронзовая статуэтка бога войны и охоты Онури-са в образе царя-воина. На нем одет длинный панцирь, опускающийся ниже колен. Доспех набран из крупных продолговатых пластин, закругленных в нижней части. Фигурка относится ко времени XIX—XX династий (XIII—XI вв. до н. э.)².

На боках колесницы Тутмоса IV изображена битва египтян с сирийцами. Египтяне панцирей не имеют, а на сирийских лучниках и колесничих одеты доспехи с короткими рукавами,

набранные из крупных заостренных пластин. Вдоль чешуй проходит рельефное ребро для придания им дополнительной жесткости (рис. 68). Шея защищена высоким стоячим, очевидно, кожаным воротником³.

Все указанные выше материалы позволяют сделать вывод о постепенном увеличении значения панцирного доспеха в вооружении народов Египта и Сирии в последние века II тысячелетия до н. э. Для района Двуречья такими материалами мы не располагаем. Появившись, скорее всего, на территории Египта или Сирии, панцири вскоре проникают на соседние территории. С египтянами появление панцирного доспеха на всем Переднем Востоке связывает античная традиция⁴. Большую роль их в распространении панцирей среди народов Востока подчеркивал Г. Бонне⁵.

В конце II тысячелетия до н. э. чешуйчатые панцири применялись и на Кипре. На костяной пластинке из Энкоми изображен лучник, стоящий на колеснице. На нем одет наборный доспех с короткими рукавами. Пластинка датируется 1200 г. до н. э.⁶

Судя по изображениям на рельефах, древнейшие из которых относятся к концу XIV в. до н. э., наборный панцирь в это время уже хорошо был

¹ W. M. F. Petrie. Указ. соч., стр. 381.

² М. Э. Матье. Искусство Древнего Египта. М.—Л., 1961, стр. 477, рис. 235.

³ Y. Yadin. The Art..., стр. 84—85, рис. на стр. 192—193, фигуры 7, 11; верхний рис. на стр. 196.

⁴ Геродот. I, 135.

⁵ Н. Воннет. Die Waffen der Völker des alten Orients. Leipzig, 1926, стр. 212.

⁶ Y. Yadin. The Art..., стр. 339, рис. на стр. 332.

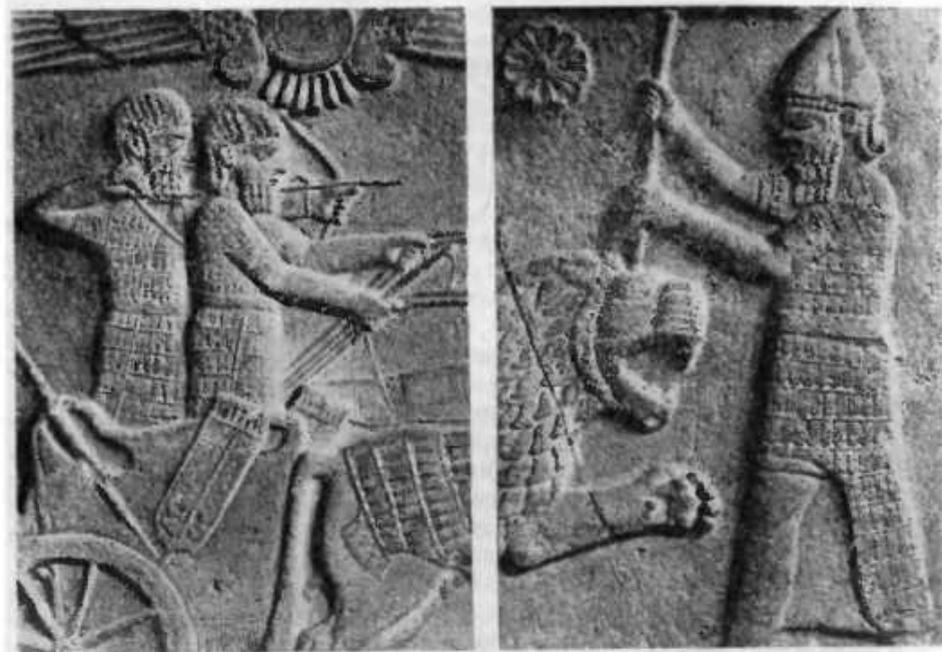

Рис. 69. Рельеф из Сакче-Гезу.

известен хеттам. На рельефе Рамзеса III, где воспеваются победы при Кадеше, поверженные хетты одеты в длинные панцири с короткими рукавами¹. На рельефе из Сакче-Гезу, хранящемся в Берлинском музее, изображены стоящие на колеснице и пешие воины, одетые в длинные чешуйчатые панцири (рис. 69). Рельеф, вероятно, относится к IX—VIII вв. до н. э.²

Ценным источником о характере защитного вооружения (прежде всего панцирей) народов Палестины является «Книга царств». Она сообщает, что царь Саул имел медный шлем и панцирь. Судя по контексту, панцири были очень тяжелыми: непривычный к ратному делу Давид, одетый в доспех, не мог даже свободно двигаться. Панцири знатных израильских воинов состояли из медных чешуй и были похожи на ассирийские. Они закрывали грудь и спину воинов от шеи до бедер³.

¹ Y. Yadin. The Art..., стр. 241.

² J. Garstang. The land of the Hittites. London, 1910, стр. 104; егo же. The Hittite empire. London, 1929, стр. 263, табл. XXVI; G. Contenau. La civilisation des Hittites et des Hurrites du Mitanni. Paris, 1948, табл. XVI; A. J. H. Potratz. Die Kunst des Alten Orient. Stuttgart, 1961, табл. 74.

³ Y. Yadin. The Art..., стр. 354.

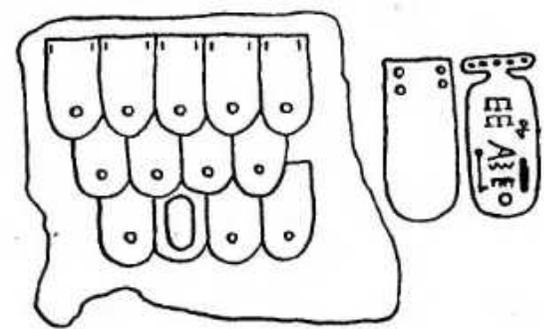

Рис. 70. Фрагменты панциря фараона Шешонка.

Как свидетельствуют находки панцирных чешуй, описания и изображения их на памятниках искусства, крупные пластины имели очень сложную систему набора. Она превращала панцирь в жесткую кирасу, лишала доспех необходимой подвижности. Использование более мелких пластинок не могло намного изменить суть дела. Такой способ набора применялся до начала I тысячелетия до н. э.

Лишь на рубеже — в начале I тысячелетия до н. э. оружейники начинают переходить к более совершенному креплению пластин на основе и между собой с помощью связи, проходящей через отверстия, расположенные в верхней части чешуй. Это сделало доспех более подвижным, намного упростило изготовление панцирей, создало условия для более широкого их производства и внедрения в военное дело.

Древнейшим известным нам доспехом, в котором был использован новый принцип набора, является панцирь (или панцири) фараона Шешонка. В коллекции доктора Эббота, хранившейся в середине прошлого века в Каире, находился фрагмент кожаной основы доспеха с нашитыми на него бронзовыми пластинками (рис. 70). Округлые снизу, они имеют продолговатую форму. В верхней их части было по четыре отверстия для крепления на основе. На одной из пластин выгравирован картуш с именем фараона Шешонка (941—920 гг. до н. э.). Панцирь принадлежал или самому фараону или же крупному военачальнику из его свиты¹. Возможно, к этому же доспеху относятся несколько десятков бронзовых пластин, хранящихся в Бруклинском музее (Нью-Йорк). Среди них имеется одна золотая с именем Шешонка².

Появление новой системы набора, очевидно, не означало полного отказа от старой. Вероятно, некоторое время они сосуществовали. К сожалению, имеющиеся в нашем распоряжении немногочисленные материалы не дают возможности проследить постепенную смену одной системы другой.

Находки панцирей или их частей, относящихся ко времени после X в. до н. э., редки. Поэтому особую ценность приобретают рельефы, на которых изображены воины в панцирных доспехах. Эти материалы, конечно, не

¹ P. d'Avèshes. Collections d'antiquités Egyptiennes en Kaire. — Revue archéologique, vol. II. Paris, 1845, стр. 375; J. G. Wilkinson. A popular account..., стр. 368, рис. 324а.

² Y. Yadin. The Art..., стр. 354, верхний рисунок.

дают возможности с точностью установить характер набора пластин, их форму, расположение отверстий. Исключительная важность источников подобного рода состоит в том, что они позволяют составить довольно полное представление об общем виде панцирей, их величине и использовании в различных родах войск. С большой долей вероятности можно говорить о возможном широком использовании новой системы набора. Все пластины на рельефах имеют закругленные в нижней части края. Характерная для ранних панцирей рельефная грань, проходящая вдоль пластины, отсутствует. Для этого же времени известны отдельные находки панцирей, иногда упоминаются они и в письменных источниках.

Широкое распространение в начале I тысячелетия до н. э. получают панцири в армиях Ассирии, Персии, Сирии и других восточных деспотий.

Представление о панцирном вооружении ассирийцев дают многочисленные изображения воинов на батальных сценах рельефов царских дворцов. Рельефы Балаватских ворот воспевают победоносные походы Салмансара III (859—825 гг. до н. э.) на юго-запад. Пешие лучники и воины на колесницах одеты здесь в очень длинные набранные доспехи, опускающиеся ниже колен (рис. 71, 1), с короткими рукавами¹. Судя по изображениям, этот тип панцирей существовал у ассирийцев в IX—VIII вв. до н. э. В панцирях иного вида запечатлены воины на рельефах дворца Синнаххериба (704—681 гг. до н. э.) в Ниневии². Доспехи набраны из длинных прямоугольных пластин, имеют короткие рукава и опускаются ниже пояса (рис. 71, 2). В такие панцири одеты также конники и воины, стоящие на колесницах (рис. 71, 3, 4). На пластинке из слоновой кости, найденной в Нимруде, изображен бог Таммуз, одетый в пластинчатый панцирь, доходящий до колен. Доспех имеет короткие рукава. Пластина датируется временем около 700 г. до н. э.³

Кроме панцирей работы ассирийских мастеров воины Синнаххериба пользовались доспехами, взятыми в бою в качестве трофеев или дани. Последние упоминаются в анналах Синнаххериба среди дани, полученной царем после победоносного похода в Сирию в 701 г. до н. э.⁴

Близкие по внешнему виду и, очевидно, по устройству панцирям войска Синнаххериба доспехи воинов, изображенных на рельефах дворца Ассурбанипала (668—626 гг. до н. э.) в Ниневии⁵. Они значительно отличаются от архаических ассирийских. Вместо длинной панцирной рубашки пеших тяжелооруженных лучников, вероятно, со второй половины VII в. до

¹ R. Barnett. Assyrische Palastreliefs. Praga (без года), табл. 140а, 147с, 149, 158—160, 162, 163, 168, 169, 172.

² Там же, табл. 118—120, 122, 124, 125, 129, 131; A. J. H. Potratz. Die Kunst des Alten Orient, табл. 62.

³ The dawn of civilisation. London, 1961, стр. 144, рис. 23.

⁴ Хрестоматия по истории Древнего Востока, стр. 223.

⁵ R. Barnett. Указ. соч., табл. 108.

Рис. 71. Ассирийские войны.
1 — Балавахские ворота; 2—4 — рельефы дворцов царей Ассирии.

н. э. ассирийцы начали применять короткий, более легкий доспех, удобный для действий конного воина.

В персидском войске времени Ахеменидов чешуйчатые панцири состояли на вооружении привилегированных воинских частей. Это подтверждается археологическими материалами и письменными источниками. Большое количество панцирных пластин было найдено при раскопках «сокровищницы» и казарм гарнизона Персеполя. Среди них преобладают железные (11 экз.), имеются железные, обтянутые золотом (3 экз.), и бронзовые

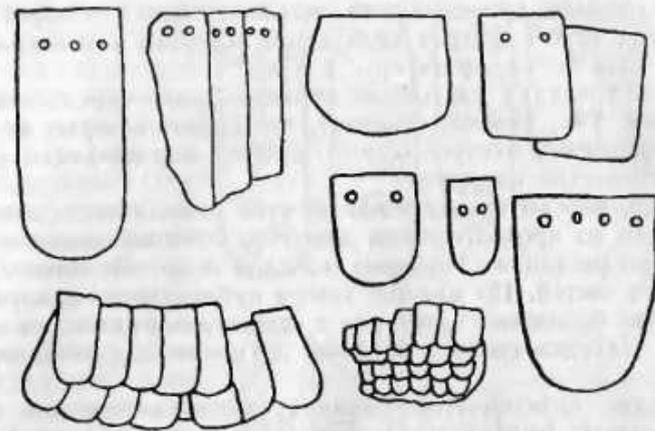

Рис. 72. Панцирные пластины из Персеполя.

(2 экз.). Соотношение пластин внутри ряда и между рядами тождественно наборам скифских панцирей (рис. 72). Аналогична и форма пластин. Отверстия на них (от двух до пяти) находятся в верхней части¹. Сокровищница была ограблена. Грабители, как полагает Э. Шмидт, унесли большую часть предметов вооружения. Прежде всего это относится к панцирям, украшенным золотом².

В храме Аписа в Мемфисе, относящемся ко времени XXV династии (726—686 гг. до н. э.), найдено 18 бронзовых и 32 железные большие пластины, а также значительное количество мелких чешуек³. Подобные чешуйки обнаружены и в персидских слоях Хорсабада и Дафни. Ф. Петри считает, что это остатки панцирей персидских завоевателей⁴. Не исключено, что он ошибается. Ведь панцири были на вооружении и египетских воинов того времени. Об этом определенно говорит Геродот⁵.

Широкое использование панцирных доспехов персами подтверждают многие письменные источники. В «золотой чешуйчатый панцирь» был одет в битве при Ерифрах сатрап Масиста⁶. По Геродоту, панцири у персов были железными, пластины их напоминали рыбу чешую⁷. Ксенофонт отмечает, что «панцирь на груди» входил в состав персидского «ручного

¹ E. F. Schmidt. Persepolis, vol. I. Chicago, 1953, стр. 172, 174, 185, 186, 207—208, 211; его же. Persepolis, vol. II. Chicago, 1957, стр. 97—100, табл. 77.

² E. F. Schmidt. Persepolis, vol. II, стр. 100.

³ W. M. F. Petrie. Указ. соч., стр. 38.

⁴ Там же.

⁵ Геродот, VII, 89.

⁶ Там же, IX, 22.

⁷ Там же, VII, 61.

оружия», состоящего, кроме него, из щита и кинжала или короткого меча¹. По его словам, персов обычно изображали одетыми в панцирный доспех. В панцири были одеты Артаксеркс и Кир².

Античная традиция связывала происхождение персидских панцирей с египетскими. Так, Геродот отмечает, что персы, которые «...обычай чужеземцев перенимают охотнее всякого другого народа», «для войны облачаются в египетские панцири»³.

Возможно, персам принадлежат остатки сложенного вчетверо панциря, состоящего из продолговатых, довольно больших железных пластин, найденные при раскопках Гордиона в Малой Азии. Вероятно, доспех состоял из двух частей. По мнению автора публикации, обнаруженные там же две плоские бронзовые пластинки с отверстиями являются наплечными застежками. Находка сделана в слоях, датированных ахеменидским временем⁴.

Древнейшие пластинчатые панцири, обнаруженные на территории СССР, принадлежат урартийцам. Значительное распространение панцирного доспеха в Урарту нашло отражение в описании армии Русы I (730—314 гг. до н. э.) в тексте Саргона II, где отмечена «многочисленность панцирных воинов»⁵.

Остатки бронзового пластинчатого панциря обнаружены в помещении № 36 Кармир-Блур⁶. Пластины, входящие в состав его набора, имеют различную величину и разное расположение отверстий. Б. Б. Пиотровский делит их на девять типов (рис. 73, 1).

Некоторые из них представлены единичными экземплярами. Все пластины имеют продолговатую форму с одним или двумя закругленными краями. Отверстия на них (от 4 до 11) расположены в разных местах. Размеры пластин 3—5,7 × 1,4 — 1,9 см. Они украшены точечным орнаментом в виде розеток. Реконструкция довольно сложного способа взаимного крепления пластин была предложена С. С. Сорокиным. Особенностью этого доспеха является то, что набор не крепился на основе, чешуи были связаны только одна с другой.

На одной из четырех больших бронзовых пуговиц, относящихся к панцирю, имеется надпись с именем царя Аргишти. Это позволяет датировать доспех второй четвертью VIII в. до н. э. Бронзовые пластины, имеющие ту же форму и сходное расположение отверстий, были найдены в Се-

ванском бассейне. От кармирблурских они отличаются большей величиной (максимальные размеры 7,7 × 3,3 см) и наличием выступа, проходящего вдоль оси пластины¹. Описавший эти чешуи С. А. Есаян не указывает их датировку. Установить ее позволила находка остатков панциря на поселении Тель-Риф'ат (Ирак). Пластины последнего почти полностью тождественны севанским (рис. 73, 2), отличаются они лишь меньшими размерами (2,5 × 1,3 см). Фрагменты найдены в ассирийско-арамейском слое поселения, датированном автором раскопок IX—VII вв. до н. э.²

Все три описанные выше панцири очень близки между собой по форме пластин, расположению отверстий на них, наличию рельефного ребра (последнее не относится только к панцирю Аргишти). Одинаков, вероятно, был и принцип набора пластин без основы. Панцири носили одетыми на одежду подобно кольчугам. Плотное соединение чешуи между собой по всей плоскости пластины внутри ряда и между рядами лишало наборный доспех его основного достоинства — подвижности. Соединенные таким образом детали превращали гибкий доспех в жесткую плотную кору.

Обращает на себя внимание большое сходство пластин этих панцирей с архаическими доспехами середины II тысячелетия до н. э. Отличие состоит в том, что панцири из Закавказья и Ирака не имеют основы (архаические панцири нашивались на основу из кожи или плотной ткани, остатки которой иногда сохраняются). Возможно, панцири типа кармирблур-

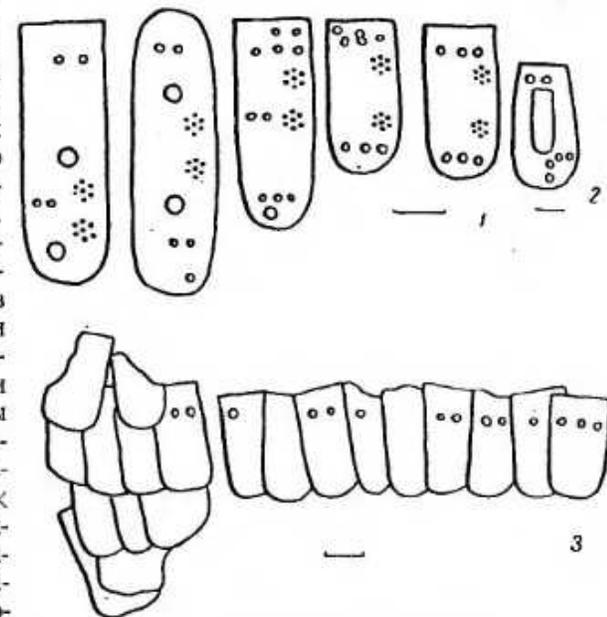

Рис. 73. Пластины панцирей.
1, 3 — Кармир-Блур; 2 — Тель-Риф'ат.

¹ Ксенофонт. Киропедия, I, 2, 13.

² Ксенофонт. Анабазис, I, VIII, 3, 26.

³ Геродот, I, 135.

⁴ R. S. Young. The Campaign of 1955 at Gordion.— American journal of archaeology, vol. 60, № 3, July 1956, стр. 257, табл. 86, 22.

⁵ И. М. Дьяконов. Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту.— ВДИ, 1951, № 2-3, стр. 235.

⁶ Описание пластины сделано на основании данных, помещенных в работе: Б. Б. Пиотровский. Кармир-Блур, т. III. Ереван, 1955, стр. 32—35, рис. 23—25.

¹ С. А. Есаян. Защитное вооружение в древней Армении.— Историко-филологический журнал АН Арм. ССР, № 1. Ереван, 1962, стр. 203.

² M. Williams. Preliminary report of the excavations at Tell Rifa'at.— Iraq, vol. XXIII, № 1. London, 1961, стр. 72—79, табл. XXI.

ского были парадными, церемониальными доспехами, пожертвованными в храм. Позже VII в. до н. э. они неизвестны.

Примечательно, что в нескольких помещениях Кармир-Блура найдены остатки панцирей с иным, новым принципом набора (помещения № 38, 40, А). Они абсолютно тождественны скифским доспехам этого рода (рис. 73, 3).

Нельзя не согласиться с М. Н. Погребовой, связывающей проникновение в Закавказье панцирей с пластинчатым набором с ассирийцами и урартийцами¹. Я. Харматта также высказал предположение об урартском происхождении пластинчатых панцирных доспехов².

Возникнув в середине II тысячелетия до н. э. на территории Переднего Востока, наборные панцири получили широкое распространение на Ближнем Востоке. На этой территории к VIII—VII вв. до н. э. полностью оформился новый принцип набора пластин на основе, была выработана форма доспеха в виде короткой рубашки с короткими или длинными рукавами, не претерпевшего сколько-нибудь существенных изменений вплоть до сарматского времени.

Среди материалов эпохи бронзы и в погребениях предскифского периода на территории Северного Причерноморья и в смежных с ним областях в настоящее время неизвестны находки, которые можно было бы отнести к оборонительному вооружению. Это позволяет с большой долей уверенности утверждать, что панцири и другие виды защитного оружия скифского времени не имеют своих прототипов в указанном районе. Они принесены сюда скифами с других территорий. М. И. Ростовцев первым высказал мысль о неместном происхождении панцирного доспеха, о заимствовании его с территорий «древневосточных цивилизаций». По его мнению, пластинчатые наборные панцири скифов «более чем вероятно имеют иранское происхождение». К этой мысли он неоднократно возвращается на страницах «Скифии и Боспора»³.

Верно поставив вопрос о неместном происхождении северопричерноморского панцирного доспеха, о связи его с оборонительным вооружением переднеазиатских народов, М. И. Ростовцев ошибся, связав его распространение в Восточной Европе с сарматами. Он писал: «Азиатский панцирь рано приобрел права гражданства на юге России, причем он, вероятно, принесен был с собою сарматами еще в IV—III вв. до Р. Хр.»⁴. В другом месте той же работы М. И. Ростовцев выразил эту мысль еще более опреде-

ленно: «Железные чешуйчатые панцири принесены были на берега Черного моря и низовья наших великих рек сарматами»¹.

В цитируемой работе дана сводка находок панцирей в курганах украинской лесостепи, которые исследователь относит ко времени от конца IV до конца III в. до н. э.² Но наряду с панцирями, которые безусловно можно датировать этим временем (Александрополь, Пастырское), в список включены доспехи из курганов VI—V вв. до н. э. (Старшая Могила, Плавиници, Гуляй-Город и др.)³

Ошибка М. И. Ростовцева нашла отражение и в более поздних работах. Его точку зрения о сарматском происхождении северопричерноморского панцирного доспеха принял, в частности, С. П. Толстов⁴.

Можно с уверенностью говорить о том, что распространение пластинчатого панцирного доспеха в Восточной Европе связано не с сарматами, а со скифами. На территориях, подвергшихся нападению скифов, панцирный доспех имел уже большую древность. Мидийские⁵, ассирийские, персидские или урартские⁶ панцири могли явиться той основой, на которой и сложился скифский панцирный доспех.

Для выяснения вопроса о происхождении скифского защитного вооружения очень важна замечательная находка, сделанная в конце 40-х годов у Зивие (Иранский Курдистан). В состав этого комплекса входили золотые панцирные пластины. К сожалению, они не опубликованы и известны лишь по очень краткому описанию в каталоге выставки, посвященной 7000-летию искусства Ирана, составленном крупнейшим специалистом по переднеазиатским древностям Р. Гиршманом⁷. Пластины хранятся в Археологическом музее Тегерана и в одном из частных собраний. Размер их 8,5 × 1,8 см и 5 × 1,9 см. Все они имеют прямоугольную форму, в верхней их части находится по три отверстия. Неясным остается только одно очень важное обстоятельство: покрывали ли эти пластины железные чешуи, как это имело место у более поздних доспехов из «сокровищницы» Персеполя и скифских курганов, или же использовались в составе панцирного набора самостоятельно?

Интересно, что Р. Гиршман, подробно разобравший весь замечательный комплекс Зивие, считает, что это погребение принадлежало «скифскому князю»⁸. Оно датируется им второй половиной — концом VII в. до н. э.

После возвращения скифов из переднеазиатских походов пластинчатые панцири быстро распространяются на территории Северного Кавказа и

¹ М. Н. Погребова. Вооружение и войско народов Центрального и Восточного Закавказья эпохи поздней бронзы и раннего железа. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1965, стр. 15.

² J. Harmatta. Kimmerek és szkíták. — Antik Tanulmányok, vol. XIII, № 1, Budapest, 1966.

³ Стр. 334, 483, 521.

⁴ АЖД, стр. 334.

¹ АЖД, стр. 337.

² Там же, стр. 336.

³ Там же, стр. 335.

⁴ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 220.

⁵ Геродот. VII, 62.

⁶ С. А. Есаян. Защитное вооружение..., стр. 204; J. Harmatta. Указ. соч.

⁷ Sept mille ans d'art en Iran. Paris, 1961, стр. 93, № 557—558.

⁸ R. Ghirshman. Указ. соч., стр. 99, 327.

Украины. Несомненно, скифы сыграли очень большую роль в распространении пластинчатого панцирного доспеха среди племен всего юга Восточной Европы.

Савроматы, скорее всего, познакомились с наборными панцирями также у скифов. К выводу о неместном происхождении ранних савроматских панцирей пришел, кроме упоминавшихся уже исследователей, и А. М. Хазанов¹. Но им не был указан источник их появления у савроматов.

На савроматской территории находки панцирей немногочисленны. Автору известно их лишь семь. Древнейшие доспехи с этой территории относятся к V в. до н. э. (Ковыловка, Пятимари, Тонкошуровка)².

Сравнительно поздно проникает панцирный доспех на территорию Средней Азии. Остатки двух панцирей, происходящие оттуда, датируются IV—III вв. до н. э.³

На территории племен, обитавших на север и северо-восток от Скифии, находки панцирей очень и очень редки. Их вовсе нет среди древностей милоградско-подгорцевской культуры. Две панцирные пластинки найдены на территории городища Кузина Гора в курском Посеймье⁴. П. Н. Третьяков совершенно справедливо указывал, что последние относятся к «скифскому типу» и панцирь, частью которого они являлись, был привезен с юга⁵.

Несколько панцирных пластинок найдено на Сатинском городище (под Тулой). Большинство их использовалось уже вторично — в качестве украшений⁶.

Одна пластина панцирного набора встречена при раскопках разрушенного погребения № 4 Морквашинского могильника ананьинской культуры⁷. Скорее всего, и на эту территорию панцирный доспех попал от скифов или савроматов.

Не много известно пластинчатых панцирей и на Западе. С территории Венгрии происходит лишь четыре их находки. Несколько панцирных пластин скифского времени было обнаружено в погребении № 90 могильника Шурьян⁸. Остатки панциря входили также в состав инвентаря погребения середины VI в. до н. э. у с. Артанд (рис. 74). Он был набран из железных и

бронзовых пластин. Безусловно, бронзовые пластины образовывали какие-то отдельные части доспеха. Лишь на одном фрагменте бронзовая и железная пластины находились рядом¹. Погребение датируется серединой VI в. до н. э. М. Пардуц отмечает сходство всего инвентаря с материалами курганов скифского времени Северного Причерноморья. По его мнению, панцирь попал на территорию Карпатского бассейна из Скифии. Возможно, это и так. Однако говорить даже в форме предположения, что рассматриваемый доспех был сделан на территории Посулья, как это делает М. Пардуц², нет достаточных оснований.

М. Пардуц любезно сообщил нам о находках еще двух панцирей в погребениях скифского времени на территории Венгрии. В погребении № 3 у с. Пишки (Семиградье) найдена бронзовая пластина, аналогичная частям набора из Артанда. Из погребения с трупосожжением у с. Тарнабад-Теглашгалом происходят «щитовидные бронзовые и железные пластинки».

На территории древней Фракии наборные панцири также встречаются очень редко. Л. Огненова, посвятившая специальную работу этому виду защитного вооружения, приводит перечень фракийских погребений, где были обнаружены чешуйчатые панцири (Големата Могила, Браничево, Янково, Розово). Все они датируются IV в. до н. э. Это позволило Л. Огненовой сделать вывод, что чешуйчатые панцири появляются во Фракии лишь с этого времени³.

Однако находки последних лет дают возможность пересмотреть это положение. Фрагменты панцирного набора были обнаружены в каменной гробнице у с. Келмен, датирующейся по аналогии с другими раннефракийскими погребениями VI в. до н. э.⁴ К сожалению, для уточнения этой даты не были привлечены предметы вооружения и керамика погребения. Отнесение его к VI в. до н. э. подтверждается и палеографическим анализом древнейшей фракийской надписи на плите перекрытия могилы⁵.

¹ M. Párducz. Указ. соч., стр. 145, табл. XII, 4; XIII, 1.

² Там же, стр. 199.

³ Л. Огненова. Ризници на Траки..., стр. 36.

⁴ Т. Тотев. Каменна тракийска гробница при с. Келмен.— Археология, т. VII. София, 1965, стр. 9—11.

⁵ В. Георгиев. Толкуването на старинния тракийски надпис от с. Келмен, Преславско.— Археология, т. VII, стр. 1.

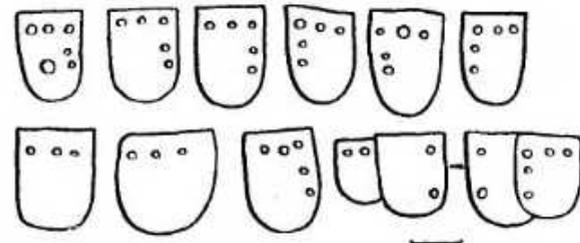

Рис. 74. Пластины панциря из погребения у с. Артанд (Венгрия).

¹ А. Хазанов. Вооружение, войско и военное дело сарматов. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1966, стр. 10.

² К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов, стр. 75.

³ С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта, стр. 148—149, рис. 82.

⁴ А. Е. Алихова. Городища Курского Посеймья.— МИА, № 113. М., 1962, стр. 105, рис. 65.

⁵ П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне. М., 1966, стр. 169.

⁶ С. А. Изюмова. О бронзолитейном производстве Сатинского городища.— СА, 1967, № 1, стр. 122—124, рис. 2, 1, 3.

⁷ А. В. Збруева. История населения Прикамья в Ананьинскую эпоху.— МИА, № 30. М., 1952, стр. 310, рис. 56а.

⁸ M. Párducz. Указ. соч., стр. 194.

Рис. 75. Серебряные пластины из Летнице (Болгария).

Попытка реконструкции внешнего вида фракийских наборных панцирей IV в. до н. э. была сделана Л. Огненовой на основании изображений их на краснофигурных вазах V в. до н. э. Доспехи были кожаными и имели оплечья. Пластинчатый набор защищал только бока и спину воина¹. Панцирь из Келмена реконструкции не поддается.

В 1963 г. у с. Летнице в Болгарии был найден клад. В его состав входило 15 серебряных пластин, украшавших конскую узду. На некоторых из них имеется изображение воинов в пластинчатых панцирях в виде рубашки с коротким рукавом (рис. 75). И. Венедиков и П. Павлов датируют клад IV—III вв. до н. э.² Панцири, изображенные на пластинах, близки скифским.

Следует отметить, что чешуйчатые панцири не были характерны для Фракии. Господствующим типом панцирного доспеха на этой территории, как и в Греции, были «колоколовидные» панцири типа кирас³. Они известны здесь по довольно многочисленным находкам⁴.

К IV в. до н. э. относится панцирь из ограбленного погребения № 2 кургана № 2 у с. Гурбанешти (Румыния). Кроме бронзовых наконечников стрел в погребении найдены предметы, выполненные в скифском зверином стиле⁵.

Пластинчатые панцири были известны также иллирийским племенам. С территории Югославии происходит несколько остатков доспехов этого

¹ Л. Огненова. Ризници на Траки..., стр. 35—36, рис. 16, 17.

² И. Венедиков, П. Павлов. Новооткрытото тракийско сокровище от Летница.— *Изкуство*. София, 1963, № 9, стр. 20, 24.

³ Д. П. Димитров. Указ. соч., стр. 113.

⁴ L. Ognenova. Les cuirasses de bronze trouvées en Thrace.

⁵ D. V. Rosetti. Movilele funerare de la Gurbanesti.— *Materialele si cercetari arheologice*, t. VI. Bucuresti, 1959, стр. 795—796, табл. 5, 12.

типа, относящихся к V—IV вв. до н. э.¹ Но и на этой территории основным видом защитного вооружения были кирасы.

Большой интерес представляет вопрос о времени появления и распространения наборных панцирей в самой Греции. К сожалению, материалы для его освещения крайне ограничены. Достаточно полная сводка всех имеющихся данных о греческих чешуйчатых панцирных доспехах раннего времени приведена в работе А. Снодграсса². Характеризуя защитное вооружение античного мира, А. Снодграсс рассматривает отдельно находки оружия, происходящие из островной и материковой Греции.

Находки, которые можно было бы связать с защитным оружием островной Греции эпохи бронзы, очень редки. Остальные части доспехов найдены на Фесте, Крите (Карфи) и Кипре (Амафус, Идалион). С Кипра происходят и памятники искусства, на которых изображены воины в панцирях. Это коробка из Энкоми и статуэтка из Тамассоса.

Не все ясно в устройстве этих панцирей. Некоторые из них имели набор из круглых чешуй, нашитых на кожаную или тканую основу, или больших бронзовых пластин. Ворот доспеха набирался из бронзовых дисков.

Безусловно, прав А. Снодграсс, отмечающий близость многих этих доспехов, в частности кипрских, восточным. Говоря о редком использовании наборных панцирей в позднем бронзовом веке в островной Греции, А. Снодграсс подчеркивает большую распространенность этого вида личной защиты на Ближнем Востоке.

Еще меньше данных приводит А. Снодграсс для характеристики панцирей этого типа, известных в материковой Греции. Фрагменты их, к сожалению, не поддающиеся датировке, найдены в Олимпии³. В Дельфах при раскопках 1939 г. обнаружены части набора, состоящие из железных и бронзовых пластин. Они относятся ко времени от начала VII до конца V в. до н. э. А. Снодграсс приходит к правильному выводу о необычности чешуйчатых панцирей в античной Греции⁴, о ближневосточном их происхождении⁵. Нельзя не согласиться также с верно подмеченным А. Снодграссом сходством наборных доспехов, использовавшихся в Греции, с панцирями Египта времени Нового царства.

Вместе с тем А. Снодграсс отмечает значительное распространение наборных панцирей в другом углу античного мира — в Крыму. Располагая лишь данными некоторых дореволюционных раскопок, он смог привести в подтверждение своего мнения только панцири из одного Нимфейского кургана, попавшие в Оксфорд, а также опубликованные в «Древностях

¹ А. М. Малеванный. Иллирийские племена в доримскую эпоху.— *ВДИ*, 1963, № 4, стр. 159, 170.

² A. Snodgrass. Early Greek armour..., стр. 84—86.

³ A. Furtwängler. Указ. соч., табл. 60, 984.

⁴ A. Snodgrass. Early Greek armour..., стр. 85.

⁵ Там же, стр. 89.

Боспора Киммерийского» пластины набора из Куль-Обы. Эти доспехи рассматриваются им как проявление восточного скифского влияния.

Не получили заметного применения в Греции наборные панцири также в классическое и эллинистическое время¹. Вещественные находки их неизвестны. Представление о них дают только очень немногочисленные изображения вазовой живописи. Чешуйчатые панцири греков имеют вид короткой безрукавной рубашки с оплечьями. Среди сотен воинов — участников батальных сцен на античных вазах — лишь единицы одеты в чешуйчатые панцири. Подавляющее же большинство их имеют панцири типа кирас.

Б. Тордеман высказал предположение, что пластинчатый панцирный доспех был принесен в Европу (исходя из контекста — Западную) скифами². М. Пардуц связывает с ними панцирь, происходящий из Артанда³. Возможно, скифским является и доспех из Гурбанешти, вместе с которым были обнаружены вещи, выполненные в скифском зверином стиле⁴. Большую близость со скифскими панцирями имеют также доспехи всадников, изображенных на пластинах из Летнице.

Раннее появление пластинчатых панцирей на юге Восточной Европы, их многочисленность на этой территории, с одной стороны, и довольно позднее появление наборного доспеха на Балканах и в Западном Причерноморье — с другой, позволяет согласиться с мнением Б. Тордемана. Вероятно, проникновение панцирного доспеха на юг Западной Европы связано со скифами.

БОЕВЫЕ ПОЯСА

Портупейные пояса с узким пластинчатым металлическим покрытием неизвестны ни у савроматов, ни на Кавказе, ни в странах Переднего Востока, ни во Фракии и Греции. Можно уверенно утверждать, что они составляли традиционную принадлежность вооружения скифа-воина и возникли на территории Северного Причерноморья. Вероятно, права А. И. Мелюкова, которая связывает их происхождение с панцирями⁵. Б. Н. Граков даже называет доспех, в состав которого входили пояс и панцирь, одним понятием «пояс-панцирь»⁶.

Широкий пояс, защищавший живот, — один из древнейших видов оборонительного вооружения. Б. Б. Пиотровский отмечает, что пояса, изготовленные из тонкой бронзовой пластины, нашитой на кожаную

или войлочную основу, были на Древнем Востоке обязательной принадлежностью снаряжения воинов-лучников и заменяли им щит. Кроме основной своей функции пояс выполнял известную культовую роль. По словам Б. Б. Пиотровского, «опоясывание, заключающее себя в круг, было магическим средством защиты от злых сил, что хорошо иллюстрируется этнографическими примерами»¹. Подобную же мысль высказал и Р. Гиршман². Ритуальное значение богато орнаментированных бронзовых поясов из многих могильников Армении и Закавказья (Лчашен, Степанован, Ахтала, Карабах и др.) подчеркивает С. А. Есаян³.

Пояса этого типа часто изображаются на ассирийских и хеттских рельефах. Широкие бронзовые, иногда богато орнаментированные поясные доспехи были широко распространены в Луристане⁴ и Урарту⁵. Они являются характерным предметом кобанской культуры⁶. Широкий золотой пояс входил в состав замечательного комплекса из погребения «скифского князя» в Зивие⁷. Подобные изделия проникали и на территорию Скифии: широкий орнаментированный пояс кавказского типа обнаружен у с. Подгорцы на Киевщине.

Пояса типа щучинского сближает с закавказскими и ближневосточными общее функциональное назначение — защита живота воина. Основное же отличие заключается в том, что щучинский доспех наборный, а не сделан из одной полосы металла. Поэтому вряд ли можно рассматривать передневосточные и закавказские пояса в качестве его прототипа. Пояса типа щучинского были более удобны, чем сплошные металлические. Набор их из мелких пластин, удачный принцип соединения частей между собой и основой почти не ограничивали подвижность воина.

В Микенской Греции были значительно распространены пояса-повязки, служившие дополнением короткого панциря. Иногда они покрывались металлическими пластинами. Такие пояса часто упоминаются в «Илиаде»⁸. Как видно из описания боя Ифидамаса с Агамемноном, они не входили в состав собственно панциря, а были лишь его дополнением⁹.

По своему функциональному назначению пояс из Щучинки близок названным повязкам. Однако скифские защитные пояса были значительно совершеннее древнегреческих. Судя по щучинской находке, они защищали не только живот, но также бока и спину; их устройство имело большое сходство с устройством скифских панцирей. Поэтому не представляется

¹ A. Snodgrass. Early Greek armour..., стр. 89.

² B. Thordeman. The asiatic splint armour in Europe. AA, vol. IV, № 2—3. Kobenhavn, 1933, стр. 144.

³ М. Пардуц. Указ. соч., стр. 199.

⁴ D. Rosetti. Указ. соч., стр. 795—796.

⁵ А. И. Мелюкова. Вооружение скифов, стр. 75.

⁶ Б. Н. Граков. Каменское городище..., стр. 110; его же. Скифские погребения на Никопольском курганном поле, стр. 36.

¹ Б. Б. Пиотровский. Искусство Урарту. Л., 1962, стр. 73.

² R. Ghirshman. Указ. соч., стр. 112.

³ С. А. Есаян. Защитное вооружение..., стр. 204—206.

⁴ R. Ghirshman. Указ. соч., стр. 112.

⁵ Б. Б. Пиотровский. Искусство Урарту, стр. 73—74.

⁶ Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 175.

⁷ R. Ghirshman. Указ. соч., стр. 112.

⁸ Илиада, V, 539, 617, 657; XVI, 519, 579; XX, 414—415.

⁹ Илиада, XI, 234—238.

возможным связывать происхождение широких поясов щучинского типа и с повязками, упомянутыми в «Илиаде». Помимо всего прочего, между ними существует значительный хронологический разрыв. В самом античном мире пояса-повязки в послегомеровское время не применялись.

Р. Гиршман, описывая широкий пояс из Зивие, отметил, что в скифских могилах на территории Южной России были найдены только узкие пояса. Из этого он сделал ошибочный вывод о нетипичности широких поясов для скифского мира. Скорее всего, широкие защитные пояса щучинского типа, как и узкие портупейные, возникают в скифское время на территории Северного Причерноморья. Вероятно, не случайно со скифами связывал широкие пояса Ерасистрат¹.

ШЛЕМЫ

О кубанских шлемах как доспехах работы греческих мастеров определенно высказался М. И. Ростовцев². Несостоятельность его мнения была убедительно доказана Б. З. Рабиновичем. Он же указал на невозможность связывать эти шлемы с доспехами Древнего Востока, где в первые века I тысячелетия до н. э. преобладали конические и колоколовидные шлемы с разными вариантами навершия³. Наиболее полное представление о них дают многочисленные передне-восточные рельефы. Большая подборка передне-восточных и закавказских шлемов, составленная, главным образом, по памятникам изобразительного искусства, содержится в работах С. А. Есаяна⁴.

Обращает на себя внимание существенное различие между хронологически близкими шлемами кубанского типа и урартийскими — различие, не позволяющее связывать эти доспехи между собой.

Отрицая генетическую связь кубанских шлемов с греческими и передне-восточными, Б. З. Рабинович писал, что «нет никаких оснований предполагать место производства шлемов кубанского типа где-либо далеко от района находки большинства их экземпляров». Он же отметил большую устойчивость формы шлемов этого типа, сходство техники их литья с производством «тяжеловесных» бронзовых предметов, найденных на Кубани, — наверший и котлов⁵.

По мнению Б. З. Рабиновича, шлемы из Старого Печеура и Иртыша (Алтая), вероятно, были импортированы с Кавказа, так как они очень сходны с кубанскими экземплярами и в своих районах представлены лишь

единичными находками¹. Эту точку зрения поддержали М. П. Грязнов, А. А. Иессен и К. Ф. Смирнов². Таким образом, мнению Б. З. Рабиновича о производстве шлемов кубанского типа на Северном Кавказе было принято многими исследователями.

И. И. Копылов и Е. Е. Кузьмина, опубликовавшие два шлема этого типа, найденные на территории Средней Азии, выдвинули предположение об их местном (среднеазиатском) производстве. В подтверждение этой точки зрения они использовали некоторые стилистические особенности убранства одного из среднеазиатских шлемов и данные анализа металла другого.

Шлем из Самарканда имеет невысокий волнистый гребень, рассматриваемый Е. Е. Кузьминой как декоративная деталь. В верхней части доспеха он загибается вперед, образуя «запяную». Сочетание в украшениях различных предметов «волны» и «запятой», по мнению Е. Е. Кузьминой, характерно для искусства скифского времени на большой территории от Сибири до Урала. Особенно часто этот мотив встречается на Алтае³.

Б. А. Шрамко высказал мысль о возможности иного объяснения происхождения этого волнистого гребня. Он считает, что последний вполне мог быть следом литейного шва между двумя половинами верхней части составной формы⁴. Мастера-литейщики только несколько подправили этот шов, придав ему волнистую поверхность. Однако такое заключение не следует считать абсолютно доказанным, тем более, что оно было высказано на основании знакомства не с самим предметом, а с воспроизведением его в издании. Но с технологической точки зрения наличие волнистого гребня на месте стыка частей литейной формы весьма вероятно. Важно и то, что, в отличие от примеров использования «волны» в украшении предметов, приведенных Е. Е. Кузьминой, гребни «волн» и понижения между ними на самаркандском шлеме находятся на разном расстоянии друг от друга.

Как решающий довод в пользу мнения о местном происхождении шлема, найденного на городище Кысмычи, И. И. Копылов приводит данные о наличии в составе его металла молибдена, являющегося, по мнению исследователя, характерной примесью сакских бронз.

Вывод о молибдене как характерной для бронз этого района примеси И. И. Копылов пытался подкрепить материалами изучения состава металла других вещей, обнаруженных здесь, — 96 различных бронзовых предметов⁵. Однако молибден засвидетельствован лишь в шести вещах (в четырех

¹ ВДИ, 1948, № 2, стр. 219.

² Подробно этот вопрос рассмотрен в главе, посвященной шлемам.

³ Б. З. Рабинович. Указ. соч., стр. 120—127.

⁴ С. А. Есаян. Защитное вооружение..., стр. 197—200; его же. Оружие и военное дело древней Армении. Автореферат кандидатской диссертации. Ереван, 1962, стр. 16.

⁵ Б. З. Рабинович. Указ. соч., стр. 128.

¹ Б. З. Рабинович. Указ. соч., стр. 128.

² М. П. Грязнов. Указ. соч., стр. 12; А. А. Иессен. Ранние связи Приуралья с Ираном. — СА, XVI. М.—Л., 1952, стр. 225; К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов, стр. 75—76.

³ Е. Е. Кузьмина. Указ. соч., стр. 122—124.

⁴ Техника производства рассматриваемых доспехов описана в главе о шлемах.

⁵ И. И. Копылов. К вопросу о составе древних бронз Семиречья. — УЗААП. т. IX. Серия гуманитарных наук. Алма-Ата, 1955.

из них удалось отметить лишь тысячные доли этой примеси). Такие результаты анализов не дают права с достаточной определенностью говорить о молибдене как характерном компоненте сакских бронз. Вообще нельзя делать вывод об особенностях состава металла определенных районов на основании лишь одной не очень характерной примеси (встреченной к тому же в незначительном количестве)¹.

Но если бы шлем с городища Кысмычи действительно был изготовлен на месте, то тем более вероятным было бы наличие молибдена не только в бронзе самого шлема, но и в составе металла заплата. Однако в нем этот компонент отсутствует. Да и наличие его не могло бы явиться основным доводом в пользу местного происхождения шлема. Ведь молибден входит также в состав бронзовых изделий, закавказское происхождение которых не вызывает сомнений². Именно в это время начинают разрабатываться богатейшие медно-молибденовые месторождения Армении.

Решение вопроса о месте производства кубанских шлемов во многом зависит от результатов анализа металла всех ныне известных экземпляров. Особый интерес представляло бы в этой связи определение состава металла кубанских шлемов и сравнение его с составом бронзовых предметов, обнаруженных в этих же курганах (в частности, котлов из Келермесса). К сожалению, такие анализы не сделаны.

Очень большая типологическая близость всех шлемов кубанского типа не позволяет согласиться с предположением об их независимом производстве в разных местах — «и на западе и на востоке кочевого мира»³. Очевидно, правы те исследователи, которые склонны считать их продукцией местных северокавказских мастеров. Интересное мнение Е. Е. Кузьминой о происхождении этих шлемов от войлочных колпаков кочевников-иранцев⁴ одинаково справедливо и для Средней Азии, и для Кубани, и для Северного Причерноморья.

Вопросы происхождения и развития различных типов шлемов античного производства подробно освещены в специальных работах, посвященных этому виду вооружения. Прежде всего это относится к фундаментальным трудам Ф. Липперхейда и Е. Кукана, Б. Шредера и А. Снодграсса⁵. В связи с этим мы считаем возможным не останавливаться на указанных проблемах.

Следует только особо подчеркнуть тот факт, что некоторые шлемы античных образцов на территории Северного Причерноморья подверглись

¹ Любезная консультация Е. Н. Черных.

² И. Р. Селимханов. О химическом исследовании древних металлических предметов из раскопок на территории АзССР.— СА, 1957, № 3, стр. 106.

³ С. С. Черников. Указ. соч., стр. 106.

⁴ Е. Е. Кузьмина. Указ. соч., стр. 124—125.

⁵ F. Lippercheide. Antike Helme. München, 1896; E. Kukahn. Der Griechische Helm. Marburg, 1936; B. Schröder. Указ. соч.; A. Snodgrass. Early Greek armour...; его же. Arms and armour of the greeks. London, 1967.

значительной перделке — у них была удалена развитая нижняя часть (наносники, нащечники, назатыльники). Внешний вид этих доспехов был, таким образом, приближен к форме кубанских шлемов VI в. до н. э. Это обстоятельство и обусловило ошибку Б. З. Рабиновича, объединившего их в группу местных шлемов, испытавших на себе некоторое влияние античных образцов.

Вероятно, местными являются чешуйчатые шлемы. Возможность использования пластин для производства шлемов подчеркивает широкое применение этих деталей для изготовления всех видов защитного вооружения. Из чешуй изготовлялись панцири, боевые пояса, панцирное покрытие щитов, наголенники и набедренники. Имеются некоторые основания говорить о вероятности использования пластин также для защиты боевого коня. Возможное местное происхождение и безусловно местное производство наборных шлемов косвенно подтверждаются местным же происхождением некоторых видов пластинчатых доспехов (пояса, панцирное покрытие щитов).

ПОНОЖИ

По вопросу о происхождении этого вида защитного оружия существует большая литература. Кроме специального исследования В. Герте¹, интересные данные можно найти в работах Х. Лоример, Г. Катлинга, А. Снодграсса, Л. К. Галаниной, Т. В. Блаватской². Приведем лишь самые краткие сведения относительно затронутого вопроса.

Происхождение поножей обычно связывают со своеобразными кожаными гамашами микенского времени. Их изображения довольно часто встречаются на памятниках искусства Эгейского мира второй половины II тысячелетия до н. э. Древнейшие упоминания кожаных и металлических поножей имеются у Гомера³. Но несмотря на то, что еще в конце прошлого века металлические доспехи этого рода были найдены в некрополе Энкоми на Кипре, существовало мнение, что упоминание их у Гомера является очень поздней интерполяцией. Напомним, что так же обстояло дело и с выяснением вопроса о происхождении панцирей. И только недавние находки подтвердили верность высказанной еще В. Рейхелем точки зрения о существовании этого вида металлического вооружения в островной и материковой Греции еще в последней четверти II тысячелетия до н. э. Мы имеем в виду опубликованные Г. Катлингом поножи XIII в. до н. э. из некрополя Дендр⁴.

¹ W. Gaerte. Указ. соч.

² H. L. Lorimer. Homer and the monuments. London, 1950; H. W. Catling. A bronze greave from a 13-th century tomb at Encomi.— Opuscula Ateniensia, vol. II. 1956; A. Snodgrass. Early Greek armour...; его же. Arms and armour...; Л. К. Галанина. Указ. соч.; Т. В. Блаватская. Ахейская Греция. М., 1966.

³ Илиада, VII, 41; XI, 18; XVI, 132; XVIII, 612; XIX, 370; XXI, 592.

⁴ H. W. Catling. Указ. соч.

Поножи, близкие по типу дендриским, получили самое широкое распространение в эпоху бронзы на территории Средиземноморья, Италии и Центральной Европы¹. Развитие этой системы защиты привело к окончательному сложению уже в VII в. до н. э. совершенной формы ножного доспеха с выраженным наголенником. Хорошим образцом ранних поножей являются кнемиды из Олимпии². Без существенных изменений доспехи этой формы продолжают применяться в классическое и эллинистическое время. С середины V в. до н. э. они появляются в Северном Причерноморье.

ЩИТЫ

Круглый щит со сплошным металлическим покрытием из Костромского кургана имеет большое сходство с доспехами урартийцев и серебряной оковкой щита из Зивие. Возможно, он имеет закавказское происхождение.

Покрытые сплошной бронзовой пластиной щиты из курганов IV—III вв. до н. э. и по происхождению и по производству являются безусловно античными.

Щиты с панцирным набором не имеют прототипов среди защитного вооружения народов Закавказья, Переднего Востока, Фракии и Греции. Большое сходство их покрытия с наборами панцирей скифского времени, раннее появление доспехов этого рода в Северном Причерноморье и отсутствие аналогичных форм на соседних территориях позволяет с большой долей вероятности делать вывод о местном, северопричерноморском их происхождении.

Таким образом, набор скифского защитного вооружения имеет различное происхождение. Во время своих переднеазиатских походов скифы познакомились с наборными пластинчатыми панцирями. После их возвращения на земли Северного Причерноморья такие доспехи быстро распространяются в самой Скифии, а затем проникают на запад и северо-восток, попадают к савроматам и, может быть, даже в Среднюю Азию.

Местное, северопричерноморское происхождение имеют боевые пояса, щиты с панцирным покрытием, чешуйчатые шлемы и шлемы кубанского типа.

Греческими, безусловно, являются поножи и шлемы античных типов.

¹ G. Meinhart. Geschnürte Schienen.— Bericht der Römisch — Germanischen Kommission 1956—1957. Berlin, 1958; Н. Müller-Karpe. Указ. соч.

² A. Snodgrass. Early Greek armour..., рис. 2.

Большинство панцирей, боевых поясов, щитов различных типов шлемов и поножей, открытых за многие годы на территории Скифии и соседних землях, происходит из погребений.

К сожалению, многие погребения, содержавшие это оружие, подверглись опустошительному ограблению. Но сохранившиеся неограбленными могилы, отрывочные данные, оставленные авторами раскопок, позволяющие восстановить положение доспехов в могилах, сделать важные выводы об использовании различных технических приемов для их изготовления, о развитии разнообразных форм доспехов, о времени появления тех или иных их типов и, наконец, о степени распространения отдельных типов защитного оружия на разных территориях в разное время.

Исключительное значение в развитии защитного вооружения в Восточной Европе имело овладение местными оружейниками искусством изготовления наборного доспеха из отдельных металлических пластин и чешуи. Сначала только панцири, а затем боевые пояса, щиты с панцирным покрытием, шлемы делаются из отдельных, сравнительно небольших деталей, нашитых на кожаную основу. Известны попытки изготовления из наборных пластин своеобразных набедренников, наголенников, и, наконец, панцирных штанов, соединявших в себе набедренники и наголенники. Как уже отмечалось, имеются также некоторые отрывочные данные, позволяющие ставить вопрос о возможном использовании пластинчатого набора для защиты боевого коня.

Выясняется картина довольно раннего сложения, еще в VI в. до н. э. всего комплекса скифского защитного вооружения. Именно в это время получают широкое распространение панцири, принесенные скифами из стран переднеазиатских цивилизаций, появляются различные типы боевых поясов, щитов с панцирным покрытием, массивные шлемы кубанского типа.

В дальнейшем происходит непрерывное увеличение удельного веса защитного оружия в составе паноплии воинов Скифии и соседних территорий. Одновременно происходят изменения в самой номенклатуре средств личной защиты — некоторые виды оружия перестают применяться, вместо кубанских шлемов широко начинают использоваться античные, появляются новые типы панцирей, своеобразных поножей, набедренников.

Очень большое значение в развитии комплекса скифского защитного вооружения имело включение в его состав предметов античного оружия — шлемов разных типов, поножей, частично щитов.

Скифский защитный доспех развивался в тесной связи с развитием аналогичных форм вооружения Закавказья, Переднего Востока, античного мира. На его развитие большое влияние оказало совершенствование оружия нападения. Увеличение поражающих свойств мечей, стрел, копий вызвало острую необходимость в изыскании средств защиты от них. Делаются шаги по увеличению степени надежности, совершенствованию уже существующего защитного оружия, происходит отказ от нерациональных систем. Вместе с тем появление и широкое распространение панцирной защиты вызвало изменение наступательного оружия. Оно постепенно приспособляется для борьбы с закованными в металл воинами. Наконечники копий становятся более узкими и вытянутыми¹. Изменяется и форма наконечников стрел — плоские двухлопастные заменяются трехлопастными и трехгранными, наблюдается сближение форм последних². Таким образом, происходит как бы постоянное соревнование между наступательным и оборонительным оружием, определявшее развитие того и другого.

Рассмотрим некоторые вопросы, связанные с производством доспеха, его использованием в составе войска местных племен, времени и месте появления тяжелой панцирной конницы в степях Евразии.

Говоря о развитии тяжелой сарматской конницы, В. Д. Блаватский высказал мысль, что само существование такой конницы обязательно предполагает высокий уровень оружейного дела и связанных с ним значительных навыков в обработке железа³.

Это положение безусловно верно не только для сарматского, но еще в большей мере и для скифского времени. Важно отметить и такое обстоятельство. Если для характеристики тяжелого защитного доспеха сарматов мы располагаем преимущественно лишь материалами изобразительного искусства и отдельными упоминаниями древних авторов, то характер скифского оборонительного оружия выясняется на основании массового вещественного материала.

Важное значение в связи с этим имеет вопрос о месте производства основной массы ведущих видов скифского тяжелого доспеха. Он мог быть изготовлен мастерами-оружейниками местных племен или же в мастерских античных колоний (а, может быть, даже и метрополии). Нужно оговориться, что в данном случае речь идет не о роскошном парадном защитном оружии, а о видах, получивших массовое распространение. Автор считает, что производство основной части доспехов скифскими мастерами не может вызывать сомнений.

У местного кочевого и оседлого населения Скифии, как и у других народов, война занимала важнейшее место в жизни общества. По меткому

¹ А. И. Мелюкова. Вооружение, войско и военное искусство скифов. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1950, стр. 17.

² К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов, стр. 69.

³ В. Д. Блаватский. Очерки военного дела..., стр. 115.

определению К. Маркса, она была «видом труда»¹. Именно поэтому производство «орудий войны» — оружия — было наиболее быстро развивающейся отраслью ремесленного производства. В этих отраслях расходовалась большая часть металлов. На изготовление различных видов оружия и предметов конской упряжи шли лучшие сорта железа и бронзы. Особая ценность металлов в то время определялась их военным значением². С военным делом были связаны металлургическое производство, добыча черных и цветных металлов, их обработка, изготовление кожи, наконец, само производство вооружения и конской упряжи.

Считаем необходимым вкратце остановиться на вопросе развития этих ремесел у скифов.

По точному замечанию А. И. Мелюковой, металлообрабатывающее ремесло в Скифии «рано переросло рамки домашнего, выделившись в особое производство»³. Правильность этого мнения была убедительно доказана работами Б. Н. Гракова и особенно Б. А. Шрамко, сумевшего объединить для разработки важнейших вопросов хозяйственной жизни Скифии коллектив высококвалифицированных специалистов — представителей точных наук.

Уже в VI—V вв. до н. э. на территории лесостепной Скифии металлургическое и металлообрабатывающее производство, основанное на использовании местного сырья, было развито очень высоко⁴. Здесь открыто несколько сыродутных горнов, почти на всех городищах и поселениях встречаются шлаки. Известный по раскопкам инструментарий кузнеца включал все орудия, необходимые для массового изготовления наборов панцирей, поясов, щитов, чешуйчатых шлемов и других видов доспеха. Это клещи, напильники, зубила, пробойники и прочие инструменты⁵. Разнообразные анализы изделий местных мастеров, проведенные Б. А. Шрамко совместно со специалистами-техниками, убедительно свидетельствуют о высокой профессиональной квалификации большинства кузнецов.

Изготовление заготовок и самих пластин набора не представляло особого труда. Несложные процессы, необходимые для производства основной массы наборных защитных доспехов, были хорошо знакомы местным специалистам по обработке черных и цветных металлов. Безусловно, им были доступны и гораздо более сложные операции, в том числе и прием плакировки. Поэтому нет особых оснований видеть в панцирях, железные пластины набора которых обтянуты тонким листовым золотом, лишь продукцию мастерских античных городов. Ведь прием плакировки был

¹ К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству.— ВДИ, 1940, № 1, стр. 21.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 29, стр. 154.

³ А. И. Мелюкова. Вооружение, войско и военное искусство скифов, стр. 21.

⁴ Б. А. Шрамко. Хозяйство лесостепных племен..., стр. 13.

⁵ Там же, стр. 17.

хорошо знаком в это время мастерам евразийских степей от Алтая до Скифии¹.

О местном производстве предметов защитного вооружения могут свидетельствовать также пока еще немногочисленные анализы их металла. Согласно Б. А. Шрамко, металл набора нескольких поясов по своему составу обнаруживает близость с металлом предметов, производство которых на территории Скифии несомненно (наконечники стрел, удила, булавки, бляхи от конской узды).

Высокий уровень развития бронзолитейного дела и обусловленный им богатый опыт, полученный при литье тяжеловесных предметов (котлов, наварший), безусловно, мог быть использован и при производстве шлемов кубанского типа. Обработка кожи, изготовление из нее упряжи, обуви и одежды также достигли на территории Скифии значительных успехов. Хорошо сохранившиеся части кожаной основы некоторых поясов и панцирей свидетельствуют о высоком профессиональном мастерстве и технической оснащенности сделавших их мастеров-кожевников. Совершенные технические приемы, применявшиеся при выделке (дублении и разминании) кожи, наличие необходимого набора узко специализированных орудий для ее обработки позволяли изготавливать основу доспехов, удовлетворяющую даже высокие требования современного стандарта².

Местное изготовление большинства предметов защитного вооружения (в первую очередь панцирей) подтверждается находками на территории городищ степи и лесостепи вместе с остатками металлургического производства панцирных пластин. В этой связи важны материалы, полученные при раскопках Б. Н. Гракова на территории Каменского городища, где наряду с железными и бронзовыми готовыми частями набора были найдены и их заготовки, а также некоторые инструменты мастера-оружейника³. Это позволило Б. Н. Гракову сделать важный вывод о производстве панцирей на этом городище.

Находки такого же рода были сделаны Б. А. Шрамко на Люботинском городище. Очевидно, мастерская по производству защитных доспехов существовала и на нем.

Вряд ли удастся выделить среди всей массы панцирей доспехи, сделанные в определенной мастерской. Из всех в общем довольно близких по форме пластин различных доспехов выделяются костяные части набора панцирей из Волковцев и Лозовой. Скорее всего, они были изготовлены в одной мастерской, может быть даже одним мастером. В нижней части чешуй имеется характерный вырез, не встреченный на частях набора других панцирей.

Кроме того, эти курганы и хронологически, и территориально близки между собой. Возможно, упоминаемые доспехи были сделаны на одном из городищ Посулья, скорее всего, Басовском, где были также найдены панцирные пластины.

Изготовление доспехов с панцирным покрытием, требовавшее кропотливой работы и значительных профессиональных навыков, предполагает значительную специализацию мастеров, выполнявших эту работу. Б. А. Шрамко вслед за Б. Н. Граковым и А. И. Мелюковой с полным основанием говорит о выделении в украинской лесостепи в скифское время развитого обособленного металлургического производства⁴.

Вместе с тем вопросы, связанные с изготовлением кожаной основы для панцирей и поясов, Б. А. Шрамко рассматривает в разделе, посвященном описанию домашних промыслов. Он считает ее продукцией членов патриархальных семей, а не выделившихся специализированных ремесленников⁵. Вероятно, это не совсем верно. Обработка кожи и изготовление из нее основы были далеко не таким простым делом, как может показаться на первый взгляд. Очевидно, можно говорить о выделении в это время в самостоятельное производство и ремесла, связанного с обработкой кожи, в большом количестве идущей на изготовление обуви, одежды, узды и предметов вооружения.

Трудно предположить также совмещение в одном лице ремесленника по изготовлению металлических частей набора, мастера по выделке основы и специалиста по набору пластин на ней. Скорее всего, это были разные люди. Вероятно, прав Б. Н. Граков, считающий, что в Скифии существовала специальная категория мастеров-панцирников⁶. Они же могли изготавливать боевые наборные пояса, шлемы с чешуйчатым набором, щиты с панцирным покрытием и другие наборные доспехи.

Приведенная характеристика уровня ремесленного производства в Скифии, вероятно, в общих чертах верна и для племен, населявших Северный Кавказ и Поволжье.

Теперь следует кратко рассмотреть вопрос о возможном массовом производстве защитного оружия в античных колониях на территории Северного Причерноморья.

Материалы, полученные при раскопках северопричерноморских городков, не дают оснований для вывода о сколько-нибудь значительном объеме производства черных металлов и их обработки. Несколько кузнечных горнов было раскопано лишь в Ольвии, остатки металлургического производства засвидетельствованы на Раевском городище⁴. Еще менее явные

¹ С. И. Руденко. Указ. соч., стр. 251; С. А. Семенов. Технология ювелирного производства у ранних кочевников Казахстана (см. С. С. Черников. Указ. соч., стр. 157).

² Б. А. Шрамко. Нові дані..., стр. 80.

³ Б. Н. Граков. Каменское городище..., стр. 132.

⁴ Б. А. Шрамко. Нові дані..., стр. 82.

⁵ Б. А. Шрамко. Хозяйство лесостепных племен..., стр. 24—25.

⁶ Б. Н. Граков. Каменское городище..., стр. 132.

⁴ В. Д. Блаватский. Античная археология Северного Причерноморья. М., 1961, стр. 46.

его следы встречены в Пантикапее¹. Эти данные говорят о слабом развитии материальной базы, столь необходимой для производства в широких масштабах рядового наступательного и оборонительного оружия, расчитанного на сбыт вне колоний. Известный ныне по раскопкам многих и многих десятков лет уровень развития ремесел, связанных с получением и обработкой черных металлов, был способен удовлетворить лишь внутренние потребности городов в рядовом оружии и орудиях труда. Характеризуя развитие ремесел на Боспоре, В. Д. Блаватский определенно говорил о том, что оружейное дело здесь не получило особого развития².

Все это ни в коей мере не следует понимать как полное отрицание существования производства предметов вооружения в античных северопричерноморских колониях. Речь идет лишь о масштабах такого производства. Вероятно, в античных городах производилась какая-то часть роскошного парадного вооружения, в том числе и защитного. Остатки оружейной мастерской были недавно выявлены И. Д. Марченко в Пантикапее.

С представлением об античных колониях Северного Причерноморья как центрах художественной обработки цветных металлов, где в большом количестве производились украшения и драгоценное оружие, хорошо согласуются многочисленные остатки производственных комплексов, находки литейных форм, штампов, орудий для обработки мелких предметов, а также самих украшений³. Характерно, что орудий, связанных с художественной обработкой цветных и драгоценных металлов, намного больше, чем орудий мастеров, специализировавшихся на получении и обработке черных металлов. Последние представлены единичными экземплярами.

Наряду с общими соображениями об изготовлении отдельных видов вооружения античными мастерами, в литературе высказывались мнения о месте производства определенных предметов снаряжения и даже целых его комплексов, уникальных по роскоши и тщательности отделки⁴. Вероятно, был прав М. И. Ростовцев, отмечавший, что парадное вооружение из Куль-Обы «...несомненно сработано на месте (в Пантикапее. — Е. Ч.)»⁵. А. И. Мелюкова верно указала на возможное греческое производство наборных панцирей с оплечьями⁶. Безусловно, того же происхождения и панцири типа кирас. Характерно, что доспехов этого рода немного — известны лишь единичные панцири с оплечьями и всего три кирасы. Скорее

¹ И. Д. Марченко. Материалы по металлургии и металлообработке Пантикапея. — МИА, № 56. М., 1957.

² В. Д. Блаватский. О боспорском ремесле IV—I вв. до н. э. — СА, XXIX—XXX. М., 1959, стр. 50.

³ В. Д. Блаватский. Античная археология..., стр. 46—49; его же. Пантикапей. М., 1964, стр. 35, 67.

⁴ Н. А. Онайко. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII—V вв. до н. э. — САИ, вып. Д1—27. М., 1966, стр. 32.

⁵ М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 383.

⁶ А. И. Мелюкова. Вооружение скифов, стр. 73—74.

всего, греческое происхождение имели и панцири, украшенные головой Медузы, из Семибратного кургана, доспех из Талаевского кургана и некоторые другие.

Наряду с этими изделиями, которые с большей или меньшей долей вероятности можно рассматривать как продукцию греческих мастеров, с территории Северного Причерноморья происходит оружие, греческая принадлежность которого бесспорна. Это поножи, шлемы античных типов, часть щитов. На их греческое происхождение указывал еще М. И. Ростовцев¹.

Ответить на вопрос, сделаны ли эти доспехи непосредственно на территории колоний или привезены из метрополии и колонии, таким образом, играли только роль посредников, пока что невозможно. Но отсутствие данных, свидетельствующих о значительном развитии металлургического, металлообрабатывающего и оружейного ремесел в северопричерноморских колониях, заставляет с большим вниманием отнестись к мнению исследователей, допускающих возможность производства оружия, найденного в Северном Причерноморье и на Северном Кавказе, в метрополии².

М. И. Ростовцев высказался в пользу импортного происхождения части защитного вооружения. Он очень четко разграничил «несомненно сработанные на месте» парадные мечи и панцирь из Куль-Обы, с одной стороны, и поножи, являющиеся, возможно, предметами импорта, — с другой³.

А. И. Мелюкова считает, что непосредственным производителем или импортером поножей был Пантикапей. В пользу этого, по ее мнению, свидетельствует факт наибольшего распространения ножных доспехов в IV в. до н. э. — именно в то время, когда происходит оживленная торговля скифов с Боспором⁴. Это положение подтверждается и тем обстоятельством, что большинство известных ныне поножей найдено или на самой территории Боспорского царства, или недалеко от его границ. В глубины Скифии они проникали редко.

Как предметы греческого импорта в Скифию рассматривал шлемы античных типов Б. З. Рабинович⁵. Его мнение относительно изготовления коринфских и аттических шлемов в метрополии поддержали Н. А. Онайко и И. Б. Брашинский⁶.

В. Д. Блаватский очень четко определил свое мнение о месте производства предметов скифского вооружения. Он написал: «Вооружение и снаря-

¹ М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 333.

² Н. А. Онайко. Экономические связи античных городов Северного Причерноморья с племенами Приднепровья и Побужья в IV—II вв. до н. э. — Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1967 г. М., 1968, стр. 17.

³ М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 383.

⁴ А. И. Мелюкова. Вооружение скифов, стр. 76.

⁵ Б. З. Рабинович. Указ. соч., 136.

⁶ Н. А. Онайко. Античный импорт..., стр. 43; И. Б. Брашинский. Указ. соч., стр. 139.

жение скифов в основном было местного производства. Отдельные предметы парадного вооружения, в частности оборонительные доспехи, приобретенные, а иногда и специально заказываемые скифской знатью в северопопийских городах, отнюдь не могли изменить общей картины»¹. С мнением В. Д. Блаватского нельзя не согласиться. Верное по отношению к скифам, это замечание, очевидно, с полным основанием можно отнести и к другим племенам Северного Причерноморья и Северного Кавказа.

Следует остановиться еще на одном важном вопросе. В литературе получило широкое распространение мнение о существовании в греческих городах Северного Причерноморья тяжеловооруженной пехоты, являвшейся основной частью их войск². Это представление находится в явном противоречии с таким очевидным фактом, как полное отсутствие предметов защитного вооружения в некрополях античных городов — Херсонеса, Ольвии. Среди достаточно хорошо изученных некрополей Боспора нет могил, которые безоговорочно можно было бы отнести к гоплитским, гробниц, где достаточно полно был бы представлен характерный набор вооружения тяжеловооруженного пешего воина-гоплита. Наборы тяжелого защитного оружия встречаются только в некоторых нимфейских курганах, в Куль-Обе, курганах Патиниотти, Кекуватского. Но эти могилы никак нельзя связывать с погребениями гоплитов. Без всякого сомнения, в них похоронены тяжеловооруженные всадники. С полным на то основанием в этих гробницах исследователи видят памятники, принадлежащие подвергшимся сильной эллинизации скифам³.

Для объяснения факта отсутствия защитного оружия в рядовых могилах некрополей античных городов приводились различные доводы⁴. На наш взгляд, они не достаточно убедительны. Безусловно, причины такого положения следует искать прежде всего в особенностях своеобразной тактики ведения боя, применявшейся в Северном Причерноморье, когда бой в открытом поле велся не фалангой тяжелой античной пехоты, а войсками (в основном конными) местных племен.

Примером именно такого боя является достаточно подробно описанная Диодором Сицилийским битва при Фате в конце IV в. до н. э. С обеих сторон в ней участвовало около 30 тыс. конников и 42 тыс. пеших воинов местных племен. Греков-наемников, которых только предположительно

можно рассматривать как гоплитов, было лишь 2 тыс. Несмотря на то, что конница в этом бою численно уступала пехоте, именно она решила исход боя. Главную роль в битве сыграл отборный отряд конников, находившийся в центре боевого порядка. С большой долей вероятности в нем следует видеть тяжеловооруженных всадников-дружинников.

Если в битве при Фате и имело место использование в системе боевого порядка фаланги гоплитов, то весь ход боя убедительно продемонстрировал ее неспособность выдержать удар тяжелой конницы. По-видимому, есть все основания говорить о значительной переоценке роли фаланги гоплитов в Северном Причерноморье.

В этой связи интересно, что попадающие к северопричерноморским племенам предметы античного защитного оружия шли на вооружение не тяжелой пехоты, а всадников. А. И. Мелюкова правильно указывает на «проникновение типичных форм оборонительного оружия греческих гоплитов в среду скифской аристократии», представлявшей собой всадничество¹. В отношении поножей и шлемов это же обстоятельство отмечает Н. И. Сокольский².

Значительная концентрация предметов защитного вооружения на территории Северного Причерноморья и Северного Кавказа, с одной стороны, и немногочисленность, единичность их на соседних землях — с другой, позволяют уточнить вопрос о времени и месте появления в степях Евразии тяжеловооруженных всадников³.

С. П. Толстов, характеризуя конницу сако-массагетских племен, писал, что как и сам доспех, так и тактика тяжелой конницы сформировались именно на их территории⁴. В подтверждение своего мнения он смог привести лишь сведения об оружии сако-массагетского населения, сообщаемые Геродотом, Страбон и Аррианом, так как к моменту написания и выхода в свет монографии находки тяжелого защитного оружия в этом районе известны еще не были. Но у Геродота речь идет не о панцирном вооружении самого воина, а только о медных нагрудниках коней, а Страбон и Арриан говорили, скорее всего, о своих современниках, о том времени, когда тяжелый доспех стал уже обычным в этих местах.

К затронутому вопросу С. П. Толстов вернулся в начале 60-х годов⁵. К этому времени уже были сделаны открытия остатков панцирного доспеха

¹ В. Д. Блаватский. Очерки военного дела..., стр. 13.

² Там же, стр. 14.

³ М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 382, 387; В. Д. Блаватский. Об этническом составе населения Пантикапея.— СА, XXVIII. М., 1958, стр. 101—102; его же. Пантикапей, стр. 64; В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 208, 277; Л. Ф. Силантьева. Указ. соч., стр. 51.

⁴ Подробный анализ их будет дан в подготовленной автором статье «О роли фаланги в Северном Причерноморье».

¹ А. И. Мелюкова. Вооружение, войско и военное искусство скифов, стр. 20.

² Н. И. Сокольский. Военное дело Боспора, стр. 10—11.

³ Е. В. Черненко. Появление тяжелой конницы в степях Евразии.— Тезисы докладов и сообщений на конференции по вопросам скифо-сарматской археологии. М., 1966; его же. О времени и месте появления тяжелой конницы в степях Евразии.— Доклады и сообщения конференции по вопросам скифо-сарматской археологии (в печати).

⁴ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 211—227.

⁵ С. П. Толстов. Приаральские скифы и Хорезм.— СЭ, 1961, № 4, стр. 136.

в «арсенале» Топрак-Калы¹ и в мавзолее Чирик-Рабата². После этих двух находок высказанная им ранее мысль о месте появления тяжелого защитного доспеха и тактики боя тяжелой конницы получила, по мнению С. П. Толстова, «прочное обоснование и хронологическую дату»³. Напомним, что панцирь из Чирик-Рабата относится к самому концу IV — началу III вв. до н. э., а доспех из Топрак-Калы датируется еще более поздним временем⁴. Не случайся, что С. П. Толстов очень охотно принял точку зрения М. И. Ростовцева о сарматском происхождении панцирного доспеха и о позднем появлении его в Скифии⁵.

Со ссылкой на работы С. П. Толстова к IV в. до н. э. относит появление тяжеловооруженной панцирной конницы в сако-массагетской среде и К. Ф. Смирнов. По его словам, в это же время все предпосылки для проявления данного контингента войск из родо-племенной аристократии складываются также у савроматов⁶. Это высказывание имеет под собой гораздо более надежные основания, чем мнение С. П. Толстова, практически не подтвержденное никаким материалом. Если для характеристики защитного оружия у саков и массагетов мы располагаем лишь двумя панцирями, то в курганах Поволжья V—IV вв. до н. э. их найдено около десяти. Следует отметить, что тяжеловооруженная конница у сарматов очень не скоро заняла заметное место в составе войск. На это понадобилось несколько веков.

Известные в настоящее время материалы позволяют с уверенностью говорить о появлении тяжеловооруженной панцирной конницы у племен Скифии и Северного Кавказа уже в VI в. до н. э. В это время здесь в основном сложился весь комплекс скифского защитного доспеха, включавший шлемы, панцири, панцирные щиты и боевые пояса различных типов. Имеются также данные, позволяющие предполагать применение названными племенами тяжелых средств защиты боевого коня.

Однако несмотря на значительное количество тяжелого защитного вооружения, происходящего из курганов скифского времени в Скифии и на соседних территориях, нельзя делать вывод об обычности и обязательности такого оружия у всех или даже у большинства воинов. Известен целый ряд скифских могильников, содержащих десятки погребений,

в которых или вовсе не было доспехов, или найдены лишь их единицы. В качестве примера можно назвать два больших скифских могильника IV—III вв. до н. э. у с. Кут и на территории Никопольского. На полторы сотни раскопанных в них погребений приходится только два боевых пояса.

За три сезона работ Скифской экспедиции Института археологии АН УССР на Никопольщине и под Запорожьем (1964—1966 гг.) было раскопано около 30 скифских курганов. И только в двух из них оказались предметы защитного вооружения. Следует отметить, что в этих курганах похоронены скифы, стоявшие на более высоких ступенях социальной лестницы, чем скифы, погребенные в указанных выше могильниках того же времени и находящихся на той же территории.

Вместе с тем существует несколько могильников, где обнаружено довольно значительное количество доспехов. К их числу относятся курганные группы у сел Журовка, Аксиутинцы, Волковцы, в районе Борнсполя, в центральном Крыму.

Чаще всего предметы защитного вооружения встречаются в курганах, где имеются могилы боевых коней. П. Д. Либеровым сделана подборка скифских степных курганов, в которых открыты отдельные конские могилы. Среди них — богатейшие памятники IV—III вв. до н. э. — Солоха, Чертомлык, Александрополь, Цимбалка, Огуз, Башмачка, Краснокутский. Чмырев, Лемешев курганы¹. К ним можно прибавить еще несколько более скромных погребений².

Табл. 3 дает представление о нахождении предметов защитного вооружения в этих памятниках. Следует учитывать, что многие могилы подверглись опустошительному ограблению, поэтому найденные в них остатки доспехов не могут дать верного представления о всем наборе средств личной защиты воина. Очень показателен в этой связи пример Страшной Могилы, раскопанной А. И. Тереножкиным в 1965 г. на Никопольщине. Курган был ограблен полностью. Грабители вынесли за пределы кургана вместе с костяком погребенного даже большую часть земли обвалившегося свода. Поэтому о наличии в могиле поножей можно было судить лишь по очень сильной окисленности костей голени погребенного.

Кроме этих курганов конские захоронения, возможно, были и в целом ряде других памятников, раскопанных в конце XIX — начале XX вв. В то время, как правило, полного снятия всей курганной насыпи не производили. Под останками курганов могут находиться не открытые при раскопках погребения. Так, не замеченная Н. Ушаковым конская могила была обнаружена В. П. Шиловым при исследовании Ушаковского кургана³.

¹ П. Д. Либеров. Хронология памятников Поднепровья скифского времени. — ВССА, стр. 146.

² Е. В. Черненко. Скифские курганы на Никопольщине, стр. 190.

³ В. П. Шилов. Ушаковский курган. — СА, 1966, № 1, стр. 182.

¹ С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция. — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. 1. М., 1952, стр. 34.

² С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта, стр. 142; С. А. Труновская. Круглое погребальное сооружение на городище Чирик-Рабат. — Материалы Хорезмской экспедиции, вып. 6. М., 1963, стр. 209.

³ С. П. Толстов. Приаральские скифы и Хорезм, стр. 138.

⁴ С очень аргументированной критикой многих положений С. П. Толстова об особенностях военного дела народов Средней Азии недавно выступила Г. А. Пугаченкова (О панцирном вооружении парфянского и бактрийского воинства. — ВДИ, 1966, № 2).

⁵ С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 220.

⁶ К. Ф. Смирнов. Савроматы. М., 1964, стр. 280.

Таблица 3

Нахождение предметов защитного вооружения в степных курганах с конскими могилами

Курган	Панцирь	Боевой пояс	Шлем	Поножи
Чмырев	×	—	—	—
Солоха	×	×	×	×
Чертомлык	—	×	—	×
Александрополь	×	×	—	—
Цимбалка	×	×	—	—
Краснокутский	×	—	—	—
Огуз	—	×	—	—
Лемешев	—	×	—	—
Башмачка *	—	—	—	—
Мелитопольский	×	×	—	—
Малый курган у Огуза	×	—	—	—
Покровка *	—	—	—	—
Шульговка	×	×	—	—
Деев	×	×	—	—
Каменная могила	×	×	—	—
Орел *	—	—	—	—
Страшная Могила *	—	—	—	×
Кирово	×	×	—	—

Использование тяжелого защитного оружия всадниками подтверждается также предметами изобразительного искусства. Так, конные воины солохского гребня имеют панцири, шлемы, щиты, боевой пояс, поножи. В панцири одеты воины на золотой пластине из Гермесова кургана. На стелах воинов из собрания Краснодарского, Донецкого и Николаевского музеев изображены панцири, шлем, боевой пояс. На поясах у этих воинов висят нагайки — обязательная принадлежность конника.

Все это очень определенно свидетельствует, что тяжелый доспех был в основном оружием конных воинов:

Нельзя не согласиться с мнением А. И. Мелюковой, В. Д. Блаватского и Б. Н. Гракова о том, что тяжелое защитное вооружение, и прежде всего наборные панцири, имели лишь представители верхушки местных племен. К рядовому населению обычно они не попадали². Если легкие защитные доспехи, сделанные из кожи и изредка частично укрепленные металлическим набором, могли использоваться пешими воинами и основной массой конницы местных племен, то тяжелый защитный доспех

На тех территориях Скифии, где захоронения коней не были обычны и вместо них в могилу клали только сбрую, вместе с остатками узды также часто встречаются предметы защитного вооружения. Особенно хорошо это видно на примере курганов Посулья¹.

В курганах днепровского лесостепного Правобережья предметы конской сбруи встречаются реже. Но и здесь в инвентаре ряда курганов, где найдены уздечки, обнаружено и защитное вооружение (курган № 524 у Жаботины, № 38 у Гуляй-Города, Щучинка и др.).

был на вооружении лишь сравнительно немногочисленной прослойки воинства.

Действительно, тяжелые защитные доспехи открыты преимущественно в могилах местной знати. Об этом говорит сам перечень курганов, из которых они происходят — Солоха, Чертомлык, Старшая Могила, Александрополь, Куль-Оба и др. Следует отметить, что даже в этих памятниках весь комплекс защитного доспеха, с такой точностью и полнотой воспроизведенный на солохском гребне, встречается редко.

Но кроме подобных курганов панцири иногда встречаются и в сравнительно небогатых погребениях, в инвентаре которых заметно место занимают разнообразное оружие и предметы конской узды. Иногда они сопровождаются захоронениями боевых коней. Ценные вещи из золота и серебра здесь очень редки. К числу таких памятников относятся курганы лесостепной Скифии — у с. Щучинка, № 490, 491 у с. Журовка, у сел Макеевка и Крячковка, а также несколько степных скифских курганов — № 2 у с. Кирово, у г. Днепрорудного, в курганной группе Солохи, у Огуза, неоднократно уже упоминавшийся курган в группе 22-й шахты под г. Орджоникидзе на Никопольщине и курган у Новорозановки. Примечательно, что в тех погребениях, где достаточно хорошо представлено в находах защитное вооружение, как правило, встречается и довольно полный комплект средств нападения. Безусловно права А. И. Мелюкова, считающая, что помимо основной массы войска местных племен — всеобщего ополчения — в Скифии в VI—V вв. до н. э., по всей видимости, уже существовали специальные военные дружины¹. Вероятно, в лицах, погребенных в названных курганах, и следует видеть воинов-дружинников.

Для характеристики роли дружины у скифов А. И. Мелюкова использовала определение, сделанное Ф. Энгельсом: «Военный вождь, приобретший славу, собирав вокруг себя отряд жаждавших добычи молодых людей, обязанных ему личной верностью, как и он им. Вождь содержал их и награждал, устанавливал известную иерархию между ними; для значительных походов служил отряд телохранителей и всегда готовое к бою войско, для более крупных существовал готовый кадр офицеров»².

Значение дружины в скифском обществе, принципы ее организации удачно подмечены и хорошо описаны Луккианом Самосатским³.

На вооружении дружинников было наиболее совершенное наступательное и оборонительное оружие. Наличие хорошо вооруженных опытных воинов значительно укрепляло общественное положение того, в чьем подчинении находилась дружина — царя или вождя.

* Курганы полностью ограблены.

¹ В. А. Іллінська. Скифська вузда VI ст. до н. е., стр. 38.

² В. Д. Блаватский. Очерки военного дела..., стр. 13; Б. Н. Граков. Каменское городище..., стр. 170; А. И. Мелюкова. Вооружение, войско и военное искусство скифов, стр. 19.

¹ А. И. Мелюкова. Вооружение скифов, стр. 82.

² Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1945, стр. 163.

³ ВДИ, 1948, № 1, стр. 300.

Особенно возрастает роль дружины в Скифии в IV—III вв. до н. э. В это время разнообразное защитное вооружение наиболее часто встречается в могилах.

Основным оружием дальнего боя и легкой, и тяжелой конницы местных племен был лук и стрелы, метательные копья и дротики. Археологические материалы убедительно опровергают мнение Г. А. Пугаченковой о нехарактерности для паноплии тяжелых всадников лука¹. Наконечники стрел в обязательном порядке входят в состав всех без исключения погребений, где находились тяжелые защитные доспехи.

Главным оружием ближнего боя скифской конницы было короткое копьё. Безусловно, использовалось и длинное копьё — пика. Заметное место в составе оружия конников занимал длинный рубящий меч².

И наступательное, и оборонительное оружие в скифское время достигло высокой степени совершенства. Вооружение племен Северного Причерноморья и Северного Кавказа ни в коей мере не уступало, а отдельные виды его даже превосходили оружие, использовавшееся в Греции и странах Древнего Востока.

Во время боя отборная часть войска — дружина тяжеловооруженных всадников — находилась перед центром боевого порядка, состоявшего из конных и пеших воинов. Концентрированный мощный удар кулака тяжелой конницы, как можно судить из описанной Диодором Сицилийским битвы при Фате, мог решить исход битвы. Но выяснение особенностей тактики ведения конного боя вообще и тактики тяжеловооруженной конницы скифского времени в частности выходит за рамки настоящей работы.

Необходимо отметить, что совершенное оружие всадников местных племен, безукоризненное умение их владеть им и конем, безусловное использование строя делало возможным победу такой конницы над любым противником не только при использовании той тактики, которую с успехом применили скифы во время войны с Дарием, но и в открытом бою.

В III в. до н. э. в степи Северного Причерноморья вторглись сарматы. Они принесли с собой своеобразную тактику ведения боя, основанную на использовании несколько иных видов оружия. Однако созданный еще в скифскую эпоху весь основной комплекс защитного и наступательного вооружения, претерпев некоторые изменения, продолжал существовать и в сарматское время.

¹ Г. А. Пугаченкова. Указ. соч., стр. 31.

² Е. В. Черненко. Появление тяжелой конницы..., стр. 85.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Сводная таблица находок панцирей*

№ пп.	Место находки	Положение в погребении	Пластины		Датировка (вв. до н. в.)	Место хранения	Публикация
			материал**	тип***			
1	Солоха	У погребенного	ж	—	IV	—	ОАК за 1913—1915 гг., с. 107
2	Група Солохи, курган № 9(74)	То же	ж	III	IV	МГУ	Там же, с. 121
3	Каменское городище	—	ж, б	I	IV	ГИМ	МИА, № 36, с. 132, табл. XVII, а—в
4	Днепрорудный курган № 1	У погребенного	ж	—	IV	ЭКМ	—
5	Ново-Григорьевка, курган № 1	—	ж	I	V	ГИМ	МРЗ, с. 121
6	Ново-Григорьевка, курган № 2	—	ж	ж	V	Там же	Там же, с. 122
7	Ново-Григорьевка, курган № 2	—	б	—	—	ИА АН УССР	—
8	о. Кизилевый (поселение)	—	ж, б	—	IV—III	—	ИАК, вып. 19, с. 167—168
9	Курган у Огуза	—	ж	I	IV—III	Эрмитаж	ОАК за 1897 г., с. 34
10	Депа курган	—	ж	II	IV—III	ГИМ, Эрмитаж	ОАК за 1891 г., с. 69—70
11	Шульговка	—	ж	I	IV—III	КИМ	Археология, т. XVIII, р. 1, 3—4
12	Мелитопольский курган	—	ж	I	V	—	Археология, т. XXIII
13	Жданов, курган № 6	Одег на погребенном	ж	ж	—	—	—
14	Ново-Розановка	У погребенного	ж	—	V	ИА АН УССР	—
15	Малая Козырка, курган № 4	—	ж	I	—	ХИАМ	—
16	Аджигол, курган № 1g	У погребенного	ж	ж	V	—	—
17	Диржлея № 5	—	ж, б	ж	—	ХИАМ	Археология, т. XVIII, с. 82, р. 2
18	Каменское (Днепродзержинск)	—	ж	ж	—	КИМ	—
19	Александроволь	—	ж	ж	III	—	ДГС, т. I, с. 13
20	Мироновка	—	ж	ж	—	—	ЗООИД, т. XVII, с. 137
21	Станишна	—	ж	ж	—	—	Там же, с. 138
22	Адресовка	—	ж	ж	—	—	Там же, с. 129
23	Краснокутский курган	—	ж	ж	IV—III	Эрмитаж	ДГС, с. 49
24	Большая Лепетиха	—	ж	ж	IV—III	—	ОАК за 1913—1915 гг., с. 139
25	Цамбалка	—	ж	ж	IV—III	—	ОАК за 1868 г., с. XVI
26	Чмырева Могила	—	ж	ж	IV—III	ИА АН УССР	ИАК, вып. 19, с. 113
27	Орджоникидзе, группа 22-й шахты, курган № 12	У погребенного	ж	II	IV—III	—	—
28	Кирово, курган № 2	То же	ж	ж	IV—III	Там же	Археология, т. XVIII, с. 94, р. 6
29	Каменная Могила	—	ж	ж	IV—III	Эрмитаж	ДГС, с. 70—73
30	Кривой Рог, курган № 9	У погребенного	ж	ж	IV—III	ДИМ	—
31	» № 3	—	ж	ж	IV—III	Там же	—
32	» № 3	—	ж	ж	IV—III	Там же	—
33	Медерово	—	ж, б	ж	V	ККМ	Археология, т. XVIII, р. 15
34	Бубуй	—	ж, б	ж	IV—III	ГИМ	—
35	Намфей, курган № 16	—	ж	ж	V	Эрмитаж	МИА, № 96, с. 51
36	» № 24	—	ж	ж	V	—	Там же, с. 56—57, р. 25, /
37	» № 1	—	ж	ж	V	—	Там же, с. 71
38	» № 1869 г.	—	ж	ж	V	—	МИА, № 96, с. 71
39	» № 17	—	ж, б	ж	V	Оксфорд	Древности, с. 54
40	» № 1868 г.	Одег на погребенном	ж, б	ж	V	—	МАР, № 34, с. 98
41	Курган Патинютти	—	ж, з	ж	IV	—	—

* Нумерация соответствует нумерации на карте (рис. 1)

** Условные обозначения: б — бронза, ж — железо, з — золото, к — кость

*** I — закругленные, II — заостренные, III — прямоугольные

№ пп.	Место находки	Положение в погребении	Пластины			Датировка (вл. до н. э.)	Место хранения	Публикация
			материал	тип	размеры (см)			
42	Керчь, курган 1838 г.	У погребенного	б	I	2,5×1,4; 1,9×1,3	V	—	ДБК, с. 182
43	Керчь, Митридат	У погребенного	—	—	—	—	—	ОАК за 1872 г., с. XVI
44	Куль-Оба	—	ж, з	I	2×1,5	IV—III	—	ДБК, с. XVI
45	Джурч-Оба	—	ж	—	—	IV—III	—	Раскопки Ю. Марти (1927 г.)
46	Ленино, курган № 12	—	з	I	—	IV—III	ИА АН	—
47	Астанно » № 16	—	з	з	—	IV—III	УССР	—
48	Гора Чубовского (поселение)	—	з	з	—	IV—III	Там же	—
49	Марьянское	—	б	з	2,8×2,3	IV—III	з	ЗОЛО, т. 134), с. 259, Р. 4, 15
50	Симферополь, курган 1895 г.	У погребенного	з	III	—	IV—III	СКМ	ИАДК, с. 177, р. 3, 2
51	Фруктовое, курган № 1	—	ж	I	2,2×1,9	IV—III	Эрмитаж	ОАК за 1892 г., с. 4—5
52	Талаевский курган	Одет на погребенном	б	з	—	IV—III	Там же	ИАДК, с. 156
53	Симферополь	—	ж	з	5,8×2; 5,4×2,6	IV—III	з	ОАК за 1895 г., с. 13—14
54	Дорт-Оба, курган № 1	У погребенного	з	—	—	IV—III	—	ОАК за 1892 г., с. 4—5
55	Совхоз «Красный», курган № 1	—	з	I	—	IV—III	СКМ	ИАДК, с. 179, р. 3, а
56	Белогорск	—	з	—	—	IV—III	ИА АН	КСИИМК, вып. XXVII, с. 65
57	Надежда	—	ж, б	I	—	IV—III	ИА АН	—
58	Каштановка	—	б	III	—	IV—III	УССР	—
59	Жаботин, курган № 524	—	з	I	2,5×1,8; 2,4×2; 2,2×2	IV—III VII—VI	СКМ	ИТУАК, вып. 54, с. 177
60	Кошарка » № 452	—	ж	—	—	V	—	ИАК, вып. 20, с. 2
61	Гончариха	Одет на погребенном	з	—	—	IV	—	АКК, с. 123
62	Сахновка	—	з	—	—	V	—	АЛЮР, 1899, с. 177—178
63	Ходоров, курган № 423	—	з	—	—	з	Эрмитаж	ЖРБ, с. 123—124
64	Смела » № 522	—	з	—	—	з	—	ИАК, вып. 54, с. 99
65	Турия » № 511	—	ж, б	I	2,2×2,1	з	—	ИАК, вып. 40, с. 50—51
66	Пальчик	—	ж	—	—	—	—	АКК, с. 124
67	Малая Могила	—	з	—	—	V	—	Там же, с. 45
68	Новоселья, курган № 5	У погребенного	з	—	—	VI	—	ИАК, вып. 14, с. 42
69	Гуляй-Город » № 38	То же	з	—	—	VI	—	Смела, I, с. 100—102
70	Медана	—	з	I	3,2×2; 1,7×1,3	V	Эрмитаж	ИАК, вып. 14, с. 3
71	Журовка, курган № 396	У погребенного	з	з	2,5×1,3 2,8×1,2; 2,3×1,3	V	Там же	Там же, с. 6—7
72	з » № 398	—	з	з	2,3×1,3	V	з	з с. 12
73	з » № 400	—	з	з	2,4×1; 1,6×1,2	V	з	ИАК, вып. 17, с. 17
74	з » № 401	—	з	з	—	IV—III	—	Там же, с. 79
75	з » № 414	—	з	з	2,5×1,5	V	КИМ	з
76	з » № 423	—	ж, б	з	2,3×1,7; 2,1×1,7	—	—	з
77	з » № 432	—	ж	з	2,2×1,2	V	—	ЖРБ, с. 130—131
78	з » Г	Одет на погребенном	з	з	—	V	—	Там же, с. 133
79	Макеевка » № 486	—	з	з	5×3,2; 2,4×1,3	IV—III	—	з с. 134
80	з » № 490	—	з	з	—	IV—III	—	з
81	з » »	—	з	з	—	—	—	—
82	з » № 491	—	з	з	—	—	—	—
83	з » 1947 г.	Одет на погребенном	ж, б	з	1,7×1,5	V	ИА АН	Археология, т. XI, с. 149
84	Кудовка	—	ж	з	3,5×2,5	V	УССР	Там же, с. 153
85	Дарьска	—	з	з	2×1,5	V	Там же	Смела, II, с. 132—134
86	Райгород, курган № 1	—	ж, б	з	2×1,5	VI	—	ДП, вып. III, с. 9, 11, 132—134
87	з » № 2	—	з	з	—	VI	—	Там же, с. 9—10
88	Михайловка » № 9	—	б	—	—	VI	—	з с. 11
89	з » № 11	—	ж	—	—	IV—III	—	з
90	з » № 12	—	б	—	—	IV—III	—	з

№ пп.	Место находки	Положение в погребении	Гляделки			Датировка (в. э.)	Место хранения	Публикация
			материал	тип	размеры (см)			
91	Пастырское, курган № 1	—	б	I	—	IV—III	—	ДП, вып. III, с. 9
92	» № 2	—	»	I	2,3 × 1,6	IV—III	—	Там же, с. 10
93	» № 3	—	»	I	—	IV—III	—	»
94	»	—	ж	—	—	IV—III	ККМ	»
95	Бурлы, курган № 2	—	б	I	4,7 × 2,5; 4 × 2,3	V	—	ИАК, вып. 65, с. 163—164
96	Табурце	—	ж, б	I	3 × 1,3; 1,7 × 1,5	—	ККМ	—
97	Шарловское городище	—	ж	—	—	VI	—	Каталог выставок XI АС, с. 53
98	Мархалежка	—	ж	—	—	—	—	АКК, с. 75
99	Кшелега	—	ж	—	—	VI	—	Указатель выставок III АС, с. 34
100	Николаевка	—	ж	—	—	—	—	Смела, III, с. 110—111
101	Бобрца, курган № 31	—	ж	I	—	IV—III	—	Там же, с. 110.
102	» № 32	—	ж	I	—	—	—	Табл. XVI, I
103	Щучинка » № 2	У погребенного	ж	I	—	VI	—	Археология, т. XVI, с. 38, р. 6
104	Ильинский курган	—	ж	—	—	VI—III	—	СИБ, с. 390
105	Ильницы, курган № 493	—	б	—	—	IV—III	—	ЖРБ, с. 139—140
106	Серватинцы, курган № 2	—	ж	—	—	VI	—	Swiatowit, t. VI, с. 29
107	Новоселки » А	—	ж	—	—	VI	—	Там же, с. 96—97
108	Старое » № 3	—	ж	II	3 × 1,2; 1,8 × 1,2	IV—III	ИА АН УССР	Археология, т. XVIII, с. 92, р. 7
109	Загорська	—	ж	—	—	—	—	Каталог выставок XI АС, с. 153
110	Борзана	—	ж	I	5,5 × 2,2	IV—III	ГИМ	ИАК, вып. 65, с. 131
111	Кулешовка, курган № 425	У погребенного	ж	I	2,3 × 1,3	V	—	ЖРБ, с. 143
112	Загоровка	—	ж	I	—	—	—	Каталог XI АС, с. 158
113	Лозовая	—	ж	I	4,5 × 3; 4,4 × 2,2	IV—III	ГИМ	МРЗ, с. 112—113
114	Лубны, курган № 4	—	ж	I	4,5 × 2,3	IV—III	ПКМ	КС, 1882, т. XXXIX, с. 273
115	Веремевка, курган № 1	У погребенного	ж	—	—	VI	—	ЗООИД, т. XXIII, с. 73
116	» № 2	Одег на погребенном	б	—	—	V	—	Там же
117	» № 3	—	ж	I	2,5 × 2	VI	ИА АН УССР	» с. 74
118	Басовское городище	—	ж, б	I	—	V	Эрмитаж ГИМ	Археология, т. XVIII, с. 69, р. 10, 5—6
119	Басовка, курган № 499	—	ж	»	2,5 × 1	V	—	ЖРБ, с. 154
120	Плавиница » № 484	—	ж, б	I	2,6 × 1,3; 2,3 × 1,6	VI	—	Там же, с. 155
121	Старшая Могила	—	ж	»	—	IV	КИМ Там же	Археология, т. V, с. 210
122	Волковцы, курган № 1	—	ж	»	4,5 × 3; 4,4 × 2,2	IV	—	Смела, III, с. 88
123	» № 2	—	ж	»	—	IV	—	Там же
124	» № 2	—	ж	»	—	IV	—	ДП, вып. II, с. 7
125	Шумейков курган	—	ж	»	—	VI	КИМ	ДП, вып. III, табл. XXXIX, 172, с. 8
126	Аксютинцы, курган № 1	—	ж	»	—	V	—	Смела, II, с. 162
127	» курган № 2	Одег на погребенном	ж	»	—	V	—	Там же
128	»	То же	ж	»	—	—	—	—
129	» № 3	—	ж	»	7,5 × 5,5	V	—	—
130	Хитцы » № 2	—	ж	»	—	V	—	—
131	»	—	ж	»	—	VI	—	Археология, т. XXI, с. 152, р. 1, 3—13
132	Луки	—	ж	»	—	—	—	Археология, т. XVI с. 191
133	Крячковка	—	ж	»	4,5 × 2,4; 2,8 × 2,2	V	ПКМ	—
134	Буды (поселение)	—	ж	»	4 × 2,2	IV—III	ИА АН УССР	ЗПМ, с. 44, табл. VI
135	Войтовка	—	ж	»	—	—	—	—
136	Лихачевка (сборы)	—	ж, б	»	—	—	ГИМ ХТУ	—
137	Люботинское городище	—	ж	»	—	—	Там же	—
138	Бельское »	—	ж	»	4 × 2,5; 2 × 1	VI	»	—
139	Скоробор, курган № 7	—	ж	I	2,3 × 1,7; 2 × 1,4	VI	—	—
140	» № 9	—	ж	»	2 × 1,5; 1,5 × 2	IV—III	—	—
141	Частые курганы, курган № 2	—	ж, ж	»	2,2 × 1,5; 2,5 × 0,9	V	—	СА, VIII, с. 20, р. 7, 5
142	Частые курганы, курган № 4	—	ж	»	—	—	—	Там же, с. 27

№ пп.	Место находки	Положение в погребении	Пластинки			Датировка (ав. до н. э.)	Место хранения	Публикация
			материал	тип	размеры (см)			
143	Часть курганы, курган № 7	—	ж	I	5×2,7; 2×1; 1,6×1,6 2×2	V	—	СА, VIII, с. 30
144	Часть курганы, курган № 8	—	»	»	3,8×1; 2,5×1,5	V	—	» » с. 33—34
145	Часть курганы, курган № 10	—	»	»	5,3×1,5; 2×1,5	V	—	» » с. 47
146	Часть курганы, курган № 11	Висел на стене	»	»	—	IV—III	—	» » с. 39—40
147	Часть курганы, курган № 12	—	»	»	—	IV—III	—	—
148	Часть курганы, курган № 23	—	»	»	4,5×2,2	IV—III	—	—
149	Часть курганы, курган № 25	—	»	»	4,6×2,4; 4,6×2,2	IV—III	—	—
150	Часть курганы, курган № 31	—	»	III	3,5×2,5; 2×1	IV—III	—	—
151	Часть курганы, курган № 38	—	»	I	—	V	—	—
152	Мастоглино, курган № 3	—	»	»	1,5×1,2	IV—III	—	ИАК, вып. 43, с. 55
153	Мастоглино, курган № 9(18)	—	»	»	—	IV—III	—	СА, 1960, № 3, с. 160, р. 27—28
154	Мастоглино, курган № 11(16)	Висел на стене	ж, з	»	—	IV—III	—	—
155	Мастоглино, курган № 29(21)	—	ж	»	—	IV—III	—	—
156	Русская Тростянка, курган № 1	—	»	III	—	IV—III	—	СА, 1962, № 4, с. 122
157	Русская Тростянка, курган № 17	—	»	»	—	IV—III	—	—
158	Дуровка, курган № 1	—	»	»	5,7×1,2; 3,4×1; 1,8×1,2	IV—III	—	—
159	» » № 9	—	»	I	—	IV—III	—	—
160	Елизаветовская, курган № 4	Одет на погребенном	ж, б	»	—	V	—	ИАК, вып. 56, с. 226

161	Елизаветовская, курган № 5	То же	»	»	—	V	—	ОАК за 1909—1910 гг., с. 145
162	Елизаветовская	—	б	»	—	IV—III	—	—
163	Елизаветовская, курган № 16	—	ж, б	»	—	IV—III	—	ИАК, вып. 56, с. 236—237
164	Елизаветовская, курган № 18	—	ж	»	—	IV—III	—	Там же
165	Елизаветовская, курган № 29	—	»	»	—	—	—	» » с. 241—242
166	Елизаветовская, курган № 34	—	»	»	—	—	—	» » с. 243—244
167	Елизаветовская, курган № 7	—	»	I	—	IV—III	—	ИРОМК, с. 22
168	Танас, погребение № 7	Одет на погребенном	б	»	—	V	—	ИАК, вып. 35, с. 4
169	Недвиговка, курган № 4	—	ж	»	—	V	—	—
170	Гусельничково » А	—	»	»	—	V	—	—
171	» » F	—	б	»	—	V	—	—
172	Семибратий » № 2	—	ж, з	I	3,5×9,9; 2,8×0,8	V	Эрмитаж	ОАК за 1876 г., с. 114
173	» » № 4	—	ж	III	15,6×2,4; 3,5×1,4	V	Там же	СИБ, с. 354—355
174	» » № 6	—	ж	I	1,6×1,5	IV—III	»	ОАК за 1875 г., с. XII
175	Елизаветинская, курган № 4	—	»	»	1,7×1,3; 1,5×1,4	IV—III	»	ОАК за 1913—1915 гг., с. 149—151
176	Елизаветинская, курган № 5	—	б	»	—	IV—III	—	ИАК, вып. 65, с. 2
177	Елизаветинская	—	»	»	—	IV—III	Эрмитаж	Там же
178	Николаевская	—	ж, б	»	—	—	—	ОАК за 1882—1888 гг., с. XXX
179	Ахтанзовская, курган № 1	—	ж	»	—	V	—	МИА, № 33, с. 179, № 36
180	Ахтанзовская, курган № 2	—	»	»	—	V	—	СИБ, с. 150—151
181	Ахтанзовская, курган № 2	—	»	I	2,5×2,4	V	—	Там же
182	Буерова могила	—	»	»	—	III	—	МАР, № 37, с. 145
183	Марьевская	—	»	»	—	IV—III	—	ОАК за 1812 г., с. 56—57
184	Васюриня гора	—	—	»	—	III	—	АДЖ, с. 39—40
185	Большая Близница	—	—	»	—	IV	—	ТОИПК, с. 151

№ пп.	Место находки	Положение в погребении	Пластинки			Датировка (в. до н. э.)	Место хранения	Публикация
			материал	тип	размеры (см)			
186	Костромской курган	—	ж, б	—	2,5×2	VI	—	ОАК за 1897 г., с. 18, р. 13
187	Ульский, курган № 1	—	» »	—	—	V	—	ОАК за 1909—1910 гг., с. 147—148
188	» » № 3	—	» »	—	—	V	—	Там же, с. 152
189	» » № 10	—	ж	—	—	V	—	Архив ЛО ИА, № 60/1908, с. 5
190	Крамская » № 1	—	» »	—	4,2×2,9	VI	—	ОАК за 1895 г., с. 27
191	Усть-Лабинская, курган № 2	—	» »	—	—	VI	ГИМ	ОАК за 1903 г., с. 69
192	Пащковский могильник, погребение № 3	—	» »	—	—	IV	—	—
193	Воронежская	—	» »	—	—	IV	Эрмитаж	—
194	Гойты, курган № 1	—	б	—	3×2,4	V	—	СА, 1965, № 2, с. 163, р. 3, 2
195	» » № 5	—	ж	—	—	V	—	Там же, р. 4, 12
196	Кармир-Блур, помеще-ние 38	—	»	—	4,8×2,2; 3×1,8	VI	—	Б. Б. Пиотровский, Кармир-Блур, III, с. 20
197	Кармир-Блур, помеще-ние 40	—	»	—	5,5×2; 3×1,8	—	—	Там же
198	Кармир-Блур, помеще-ние А	—	б	—	3×1,5	V	—	» МИА, № 101, с. 75, р. 42, 9
199	Козьлозка	—	ж	—	2—2,2× ×1,5	V	—	Там же
200	Тонкошуровка (поселение)	—	б	—	1,8×1,2	—	—	—
201	Пятимари, курган № 8, погребение № 3	—	ж	—	более 3×2	—	—	—
202	15-й поселок, курган № 1	—	»	—	3,7×1,8	IV	—	—
203	Прохорова » № 4	—	»	—	3,7×1,8	IV—III	—	—
204	Верхнее Погромное, курган № 7, погребение № 6	—	»	—	5,7×5,5; 6×5	IV	—	МАР, № 37, с. 5, р. 5—16
205	Никольское, курган № 1	—	»	—	—	IV	—	АО, 1965, с. 87

Сводная таблица находок боевых поясов*

Портупейные пояса

№ пп.	Место находки	Материал**	Пластинки (размеры в см)			Публикация
			узкие	средние	конечные	
1	Чертомлык	ж	5,2×0,6	—	—	ДГС, с. 106
2	»	»	5,4×1,6	—	—	Там же, с. 106
3	»	»	6×0,6	—	5,6×3	» » с. 112
4	»	»	—	—	—	—
5	Александрополь	б	—	—	—	—
6—7	»	ж	—	—	—	—
8	Кирово, курган № 2	б	4×1	—	—	ЗОАО, т. II(35), с. 183
9	Орджоникидзе, курган № 12	»	5×0,5	—	—	—
10	Лемешев курган	»	—	—	—	—
11	Малая Лелетиха	»	—	—	—	—
12	Никополь, курган № 5	»	—	—	—	МИА, № 115, с. 59
13	Кут » № 7	»	2,8×0,5	—	—	АП, т. X, с. 53, р. 12, 6
14	Рахмановка » № 2	»	—	—	—	—
15	Башмачка » № 3	»	—	—	—	ИАК, вып. 1, с. 71
16	Новогригорьевка	»	—	4,5×5,2	—	—
17	Игрень	»	—	—	—	Сообщение А. В. Бодянского
18	Солоха	»	—	8,3×5,6	8,3×3,8	—
19	»	»	—	—	—	—
20	Группа Солохи, курган № 15	ж	6,5×1	—	—	—
21	Там же	б	5,2×1	—	—	—
22	Мелитопольский курган	»	—	4,5×4,5	4,5×3	—
23	Аккермень, курган № 16	ж	—	—	—	АП, т. VIII, с. 64—65, р. 48
24	Жданов » № 6	»	—	—	—	Археология, т. XXIII
25	Цимбалка	б	5×0,7	—	—	ОАК за 1868 г., с. XVI
26	Огуз	з	4,4×0,6	—	—	СА, VIII, с. 25—26, р. 10
27	Деев курган	ж	3,7×1	—	—	—
28	Николаевка	б	—	—	—	АО, 1965 г., с. 96
29	Нововладимировка	»	—	—	—	—
30	Ньюорозановка	ж	—	—	—	—
31	Талаевский курган	б	7,4×0,7	—	—	ОАК за 1891 г., с. 78
32	Пастака, курган № 1	ж	—	—	—	СИБ, с. 401—402
33	Славное	б	—	—	—	—
34	Совхоз «Красный»	»	—	—	—	ИАДК, с. 179, р. 3, 6
35	Куль-Оба	ж, з	7,5×0,7	—	7,5×4,4	ДБК, т. I, с. 132

* Нумерация соответствует нумерации на карте (рис. 30).

** Условные обозначения те же, что и в приложении I; с — серебро.

№ пп.	Место находки	Особенности строения	Тип***	Материал****	Сохранность	Размеры (см)		Литровка (в % от нормы)	Публикация
						высота	ширина		
1(1)	Келермес, курган № 2	п	Кубинский	б	Хорошая	15	17	28	ТОИПК, с. 106—107, табл. II
2(2)	Там же	»	»	»	»	17,3	18	23	ТОИПК, с. 107—109, табл. III; V, 1
3(3)	Келермес, курган 1903 г	»	»	»	»	18,5	—	28	ТОИПК, с. 109—110, табл. IV; V, 2
4(4)	Крамская, курган № 1	»	»	»	Обломки	—	—	—	ТОИПК, с. 111, табл. VI, 2
5(5)	Там же, 1886 г.	»	»	»	Хорошая	18,7	17,2	—	ТОИПК, с. 112, табл. VI, 1
6	Старый Пенеур	с	»	»	»	18	18,5	22,5	ТОИПК, с. 112—113, табл. VII
7	Иргыш	»	»	»	»	20,5	—	—	ТОИПК, с. 113—114, р. 2
8	ГИМ	—	»	»	»	18	—	24	ТОИПК, с. 114, табл. VIII
9	»	—	»	»	»	17	17	27	ТОИПК, с. 114—115, табл. IX
10	Самарканд	с	»	»	»	24,5	18	—	СА, 1958, № 4, с. 120—126
11	Кысымчи	»	»	»	»	20	20	23	УЗААП, вып. XIV(2), с. 257, табл. VIII
12(6)	Ромейковка	п	Коринфский	»	»	—	—	—	Обзорные, с. 13, 72, табл. 16
13(7)	Нимфей, курган 1876 г.	»	Халкидский	»	»	—	—	—	ТОИПК, с. 138—139, р. 13
14(8)	Олонешты	к	Аттиче-ский	»	»	—	—	—	ВДИ, 1966, № 2, с. 137, р. 8
15(9)	»	»	»	»	»	—	—	—	Там же, р. 9
16(10)	Кекуватский	п	»	»	»	31	15	22,5	ТОИПК, с. 142, табл. XIV
17(11)	Пастырское, курган № 4	»	»	»	»	—	—	—	ТОИПК, с. 143—144, табл. XV
18(12)	Волкоцы, курган № 1	»	»	»	Обломки	—	—	—	Археология, т. XIX, с. 136—137
19(13)	Курджилс	»	»	»	Хорошая	—	—	—	ТОИПК, с. 144, табл. XVI
20(14)	»	»	»	»	Обломки	—	—	—	ТОИПК, с. 144, табл. XVII, 1
21(15)	»	»	»	»	»	—	—	—	ТОИПК, с. 144, табл. XVII, 2
22(15)	Краснодар	с	»	б	Обломки	—	—	—	ТОИПК, с. 145, табл. XXI, 1
23(17)	Анапа	»	»	»	Хорошая	21	13	22,5	ТОИПК, с. 147, табл. XX
24(18)	Мезмай	»	»	»	»	—	—	—	ТОИПК, с. 147—148, р. 17
25(19)	Золотая горка	»	»	»	»	—	—	—	ВДИ, 1939, № 3, с. 210, р. 4
26(20)	Темнолеская	»	»	»	»	—	—	—	СА, 1964, № 1, с. 315—316, р. 1
27(21)	Пхия	»	»	»	»	—	—	—	—
28(22)	Кутаис	»	»	»	»	—	16	23	ТОИПК, с. 145, табл. XIX
29(23)	Сухуми	»	»	»	Обломки	—	—	—	Там же, р. 16

* Номера в скобках отвечают номерам на карте (рис. 39).

** Условные обозначения: п — погребение, с — случайная находка, к — клад.

*** В скобках — шлемы, подвергшиеся пергеделке.

**** Условные обозначения те же, что и в приложениях 1, 2.

№ пп.	Место находки	Обстоятельства находки	Тип	Материал	Сохранность	Размеры (см)			Датировка (в. до н. э.)	Публикация
						высота	ширина	длина		
30(24)	Большая Близница	п	Фракийский	б	Хорошая	—	—	—	IV—III	ТОИПК, с. 151, р. 18
31(25)	Олонешты	к	»	»	»	30	20	29	IV—III	ВДИ, 1966, № 2, с. 138, р. 10
32(26)	»	»	»	»	»	25,5	18,5	24	IV—III	Там же, с. 139—140, р. 11, 12
33(27)	»	»	»	»	»	—	22	24	IV—III	Там же, с. 149, р. 13
34(28)	»	»	»	»	»	—	—	—	IV—III	»
35(29)	Бубуй	»	»	»	»	—	23	27	IV—III	ТОИПК, с. 155—157, табл. XXI, 2
36(30)	Керчь, курган 1834 г.	п	»	ж	»	—	—	—	IV—III	Там же, с. 153—154, р. 23
37(31)	Елизаветовская, курган № 18 (?)	»	»	б	Обломки	—	—	—	IV—III	Там же, с. 158—159, р. 27
38(32)	Мастюгино	»	»	»	»	—	—	—	IV—II	ИАК, вып. 43, с. 64—65, табл. II—IV
39(33)	Солоха	»	(Аттический)	»	Хорошая	—	—	—	IV—III	ТОИПК, с. 131—132, табл. XI; XII, 1
40(34)	Ольвия	с	»	»	Обломки	—	—	—	IV—III	Там же, с. 134, р. 12
41(35)	Належда	п	»	»	Хорошая	11,5	17	20	IV—III	—
42(36)	Талевский курган	»	(Халкидский)	»	Обломки	—	—	—	IV—III	ТОИПК, с. 133—134, р. 11
43(37)	Елизаветинская, курган 1913 г.	»	(Аттический)	»	»	—	—	—	IV—III	Там же, с. 137
44(38)	Майкоп	с	(Коринфский)	»	Хорошая	13	—	20	V	» » с. 135, табл. XII, 2
45(39)	Каменка	»	(Фракийский)	»	»	—	22	26	—	Там же, с. 157—158, табл. XXI
46(40)	Нимфей, курган 1868 г.	п	(Иллирийский)	»	»	—	—	—	V	СА, 1966, № 4, с. 194
47(41)	Даховская	с	—	б	Хорошая	17	—	—	—	ТОИПК, с. 129—130, табл. X
48(42)	Владиславка	»	—	»	»	18	19	31	—	Там же, с. 159—160, табл. XXIII
49(43)	Кардашкина	»	—	»	»	16	19,5	22	V (?)	Хранится в ХИАМ
50(44)	Жданов, курган № 6	п	—	»	Обломки	—	—	—	V	Археология, т. XXIII
51	Никольское, курган № 1	»	(Коринфский?)	»	Хорошая	—	—	—	IV—III	—
52(45)	Керчь, курган 1838 г.	»	—	»	»	17	22	25	VI—III	ТОИПК, с. 165—166, табл. XXVI
53(46)	Каменная Могила	»	Чешуйчатый	ж	Обломки	—	—	—	IV—III	ДГС, т. II, с. 72
54(47)	Журовка, курган № 401	»	»	»	»	—	—	—	V	ИАК, вып. 14, с. 31, р. 8—9
55(48)	Веремеевка, курган № 2	»	»	»	»	—	—	—	II	—
56(49)	Чистополье	»	»	»	»	—	—	—	IV—III	ОАК за 1891 г., с. 75
57(50)	Новорозановка	»	»	»	Хорошая	—	—	—	V	—
58(51)	Васюриня гора	»	»	»	Обломки	—	—	—	IV—III	АДЖ, с. 40
59(52)	Куль-Оба	»	—	»	—	—	—	—	VI—III	ДБК, с. XX
60(53)	Керчь, Митридат	»	—	—	—	—	—	—	—	ОАК за 1872 г., с. XVI
61(54)	Нимфей, курган № 7	»	—	б	—	—	—	—	V	ОАК за 1876 г., с. XVI
62(55)	Рыжановка, курган № 2	»	—	—	—	—	—	—	IV	МРЗ, с. 82
63(56)	Елизаветовская, курган № 5	»	—	—	—	—	—	—	IV	ОАК за 1909—1910 гг., с. 145

Сводная таблица находок щитов

№ пп.	Место находки	Форма	Материал*	Публикация
1	Ладзыжичи	овальная	д	МАР, № 11, с. 21—22
2	Кут, курган № 24	»	»	АП, т. IX, с. 71—72
3	Костромской курган	круглая	ж	ОАК за 1897 г., с. 13, р. 44
4	Керчь, курган 1834 г.	овальная	б	ДБК, т. I, с. СХVIII
5	Большое Плоское	»	»	—
6	Елизаветовская, курган № 9	»	»	ИАК, вып. 35, с. 103
7	» » № 10	»	»	Там же, с. 104
8	Васюринна гора	—	»	АДЖ, с. 40
9	Зеленский курган	—	»	ИАК, вып. 60, с. 28
10	Золотой курган	овальная	ж, б	ИТУАК, № 11, с. 148—149
11	Журовка, курган № 398	—	ж	ИАК, вып. 14, с. 6—7
12	» » № 401	—	»	Там же, с. 17—18
13	Келермесская	—	»	—
14	Орджоникидзе, группа 22-й шахты, курган № 12	овальная	ж, б	—
15	Ак-Бурун	—	ж	ОАК за 1876 г., с. 6
16	Аксютинцы, курган № 2	—	»	МРЗ, с. 102
17	Волковцы, курган № 2	—	»	ДП, вып. II, табл. VI. 155
18	Хитцы » № 2	—	»	—
19	Борана	—	»	—
20	Крычовка	—	»	Археология, т. XVI, с. 193
21	Частые курганы, курган № 23	—	»	САИ, вып. Д1—31, с. 81, табл. 21, 4, 8
22	Поповка, курган № 3	—	к	Смела, III, табл. III

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

Сводная таблица находок кожных доспехов

Античные поножи

№ пп.	Место находки	Количество экземпляров	Количество сохранившихся экземпляров	Высота (см)	Датировка (вв. до н. э.)	Публикация
1	Чертомлык	2	2	—	IV—III	ДГС, т. II, с. 105
2	Солоха	2	2	—	IV—III	ИАК, вып. 50, с. 149
3	Иржево	2	—	42	IV—III	АЛЮР, 1905, т. I—2, с. 12
4	Страшная могила	Следы	—	—	IV—III	—

* Условные обозначения те же, что в приложениях 1, 2.

№ пп.	Место находки	Количество экземпляров	Количество сохранившихся экземпляров	Высота (см)	Датировка (вв. до н. э.)	Публикация
5	Днепрорудный	2	Обломки	—	IV—III	—
6	Олонешты	2	2	39	IV—III	ВДИ, 1966, № 3, с. 135, р. 4
7	»	2	2	38	IV—III	ВДИ, 1966, № 3, с. 136, р. 5
8	»	2	2	43	IV—III	Там же, с. 136, р. 6
9	»	2	2	—	IV—III	» » с. 135
10	»	2	2	—	IV—III	» »
11	»	2	2	—	IV—III	» »
12	Куль-Оба	2	1	41	IV—III	ДБК, с. XX
13	Керчь, курган 1836 г.	2	2	47	IV—III	Там же, с. 194, табл. XXXVIII, 7
14	Курган Кекуватского	2	2	41	IV—III	ДБК, с. 194, табл. XXXVIII, 8
15	Керчь	2	2	30,5	—	АС, № 7, с. 18—19, р. 3
16	Нимфей, курган № 17(8)	2	1	28,3	V	МИА, № 69, с. 71, р. 39, 1
17	Неаполь Скифский	2	2	42	II	—
18	Ромейковка	2	—	—	V	Обозрение, с. 73, табл. XVI
19	Ильинцевский курган	2	—	—	IV—III	АС, № 7, с. 22
20	Ильинцы, курган № 493	1	1	45	IV—III	АС, № 7, с. 14, р. 2
21	Новосельцы, погребение № 7	2	2	47	IV—III	ИАК, вып. 14, с. 42
22	Яцковичи, погребение № 67	2	—	—	—	Swiatowit, с. 24
23	Кринички, курган 1891 г.	2	—	—	—	Тр. XI АС, т. I, с. 256
24	» » 1892 г.	2	—	—	—	—
25	Рыжановка	Обломки	—	—	—	ОАК за 1890 г., с. 54
26	Аксютинцы, курган № 5	2	1	33	IV—III	—
27	Мастюгино » № 2	2	2	33,5	IV—III	ИАК, вып. 43, с. 52, 62
28	» » № 3	2	2	42	IV—III	Там же, с. 55
29	Елизаветовская, курган № 7	1	1	Обломки	IV—III	ИРОМК, с. 20
30	» » № 8	2	2	43	IV—III	СА, 1961, № 1, с. 163
31	Большая Близнаца	Обломки	—	—	IV—III	ОАК за 1865 г., с. V
32	Хутор Пивнева	—	—	—	V	ОАК за 1870—1871 гг., с. XV
33	Анапа	1	1	42,5	—	ОАК за 1906 г., с. 128
34	Курджипс	2	2	30	IV—III	АС, № 7, с. 25—26
35	»	Обломки	—	—	IV—III	Там же

Наборные вожные доспехи

№ пп.	Место находки	Вид доспеха	Датировка (вв. до н. э.)	Публикация
36	Аксютинцы, курган № 3	Поножи, набедренники	V	МРЗ, с. 103
37	Жданов » № 6	Набедренники (?)	»	Археология, т. XXXIII
38	Нимфей » 1868 г.	Поножи	»	—
39	Новорозановка	Штаны	»	Сообщение О. Г. Шапошниковой

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

AA	— Acta archaeologica
АДЖ	— М. И. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914
АКК	— В. Б. Антонович. Археологическая карта Киевской губ. К., 1895
АЛЮР	— Археологическая летопись Южной России
АО	— Археологические открытия
АП	— Археологічні пам'ятки УРСР
AR	— Archaeological report for 1962 — 1963. London, 1963
АС	— Археологический сборник
ВСН	— Bulletin de correspondance Hellenique
ВДИ	— Вестник древней истории
ВССА	— Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954
ГИМ	— Государственный исторический музей (Москва)
ДБК	— Древности Боспора Киммерийского. СПб., 1854
ДГС	— Древности Геродотовой Скифии
ДИМ	— Днепропетровский исторический музей
ДП	— Древности Приднпровья
Древности	— Древности. Труды Московского Археологического общества
ЖРБ	— Журнал раскопок Н. Е. Бранденбурга. СПб., 1908
ЗКМ	— Запорожский краеведческий музей
ЗОО	— Записки Одесского археологического общества
ЗООИД	— Записки Одесского общества истории и древностей
ЗПМ	— Збірник Полтавського державного музею, т. I. Полтава, 1932.
ИА АН СССР	— Институт археологии АН СССР
ИА АН УССР	— Институт археологии АН УССР
ИАДК	— История и археология древнего Крыма
ИАК	— Известия Археологической комиссии
ИБАИ	— Известия на Българския археологически институт
ИРАИМК	— Известия Российской академии истории материальной культуры
ИРОМК	— Известия Ростовского областного музея краеведения
ИТУАК	— Известия Таврической ученой архивной комиссии
КИМ	— Киевский исторический музей
ККМ	— Кировоградский краеведческий музей
КС	— Киевская старина
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
КС ОГАМ	— Краткие сообщения о полевых археологических исследованиях Одесского государственного археологического музея
ЛЮ ИА	— Ленинградское отделение Института археологии АН СССР

МАР	— Материалы по археологии России
МГУ	— Московский государственный университет
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
МРЗ	— Д. Я. Самоквасов. Могилы Русской земли. М., 1908
НКМ	— Николаевский краеведческий музей
ОАК	— Отчет археологической комиссии
Обозрение	— И. И. Фундуклей. Обзорение могил, валов и городищ Киевской губернии. К., 1848
ПКМ	— Полтавский краеведческий музей
СА	— Советская археология
САИ	— Свод археологических источников
СИБ	— М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Л., 1925
СКМ	— Симферопольский краеведческий музей
Смела	— А. А. Бобринский. Курганы и случайные находки близ м. Смелы
СЭ	— Советская этнография
ТОИПК	— Труды Отдела истории первобытной культуры
Тр. ... АС	— Труды ... Археологического съезда
ТСА	— Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
РАНИОН	— Ученые записки Алма-Атинского государственного пединститута
УЗААП	— Харьковский государственный университет
ХГУ	— Харьковский государственный университет
ХИАМ	— Херсонский историко-археологический музей

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Панцири	7
Боевые пояса	57
Шлемы	74
Щиты	99
Поножи	112
Происхождение защитного доспеха	123
Заключение	155
Приложения	169
Приложение 1. Сводная таблица находок панцирей	170
Приложение 2. Сводная таблица находок боевых поясов	179
Приложение 3. Сводная таблица находок шлемов	182
Приложение 4. Сводная таблица находок щитов	186
Приложение 5. Сводная таблица находок поножей	186
Список сокращений	189

Евгений Васильевич Черненко
СКИФСКИЙ ДОСПЕХ

*Печатается по постановлению ученого совета
Института археологии АН УССР*

Редакторы Б. Н. Мозолевский, Н. П. Кот
Художественный редактор С. П. Квитка
Оформление художника Г. С. Ковпаиенко
Технический редактор Н. П. Рахлина
Корректоры В. А. Булкина, Л. Н. Яцута

БФ 30488. Зак. 470. Изд. № 489. Тираж 1600. Бумага № 1.
Формат 70X90^{1/16}. Печ. физ. л. 12,0. Усл. печ. л. 13,2. Учётно-
издат. л. 14,72. Подписано к печати 15/XI 1968 г.
Цена 1 руб. 13 коп.

Издательство «Наукова думка». Киев. Репина, 3.

Киевская книжная фабрика Комитета по печати при Совете
Министров УССР. ул. Воровского, 24.